

Казахский университет международных отношений и мировых языков имени
Абылай хана

УДК 81'42

На правах рукописи

ИСКАКОВА НАЗИРА СЕРИКОВНА

Когнитивно-прагматические аспекты оценки в социально-общественном
британском медиадискурсе

6D021000 – Иностранная филология

Диссертация на соискание академической степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты

Доктор филологических наук, профессор
Ислам А.

Доктор филологических наук, профессор
Киклевич А.К.

Варминьско-Мазурский Университет
(г. Ольштын, Польша)

Республика Казахстан
Алматы, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ	3
ВВЕДЕНИЕ	4
1 ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	
1.1 Основные подходы к изучению оценки в лингвистике	10
1.1.1 Логико-философский подход	10
1.1.2 Функционально-семантический подход	15
1.1.3 Коммуникативно-прагматический подход	20
1.2 Когнитивно-прагматические аспекты оценки	24
1.2.1 Когнитивные аспекты оценки	24
1.2.2 Прагматическая сущность оценки	31
1.2.3 Эксплицитные и имплицитные оценки в социально-общественном британском медиадискурсе	36
Выводы по первому разделу	42
2 КОГНИТИВНО-КОНЦЕПТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ В СОЦИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННОМ БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	
2.1 Медиадискурс как объект современных лингвистических исследований	45
2.1.1 Общая характеристика социально-общественного медиадискурса	52
2.2 Когнитивные аспекты оценочной семантики в социально- общественном британском медиадискурсе	56
2.2.1 Языковая репрезентация концепта «иммиграция»	60
2.2.2 Языковая репрезентация концепта «социальное обеспечение»	77
Выводы по второму разделу	86
3 ОЦЕНОЧНЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В СОЦИАЛЬНО- ОБЩЕСТВЕННОМ БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ	
3.1 Коммуникативные стратегии и тактики оценки в социально- общественном британском медиадискурсе	88
3.1.1 Стратегия одобрения в социально-общественном медиадискурсе	93
3.1.2 Стратегия порицания в социально-общественном медиадискурсе	101
3.1.3 Стратегия однозначности позиции в социально-общественном медиадискурсе	113
3.1.4 Стратегия передачи многозначности мнений в социально- общественном медиадискурсе	120
3.2 Комментарии как обратная связь адресата в социально- общественном британском медиадискурсе	126
Выводы по третьему разделу	144
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	147
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	151

ОПРЕДЕЛЕНИЯ, ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

В диссертационном исследовании нашли применение следующие определения, обозначения и сокращения

Оценка — лингвокогнитивная категория, которая при восприятии и обработке информации о внешнем мире, на основе сопоставления с существующей в сознании субъекта моделью действительности, соотносит его с внутренним миром и отражает ценностную картину мира.

Оценочное воздействие — влияние субъекта оценки на объект действительности с целью побуждения к определенным действиям.

Эксплицитная оценка — репрезентация явной оценки посредством различных оценочных языковых средств выражения.

Имплицитная оценка — выражение скрытой оценки посредством фонового знания, контекстного окружения, стилистических средств и др.

Объект оценки — лицо или предмет, с которым связана оценка.

Субъект оценки — лицо, с точки зрения которого проводится оценка.

Социально-общественный медиадискурс — представляет собой комбинированную форму специфических видов дискурса СМИ, который отражает медийное пространство в сфере социально-общественной коммуникации.

Концепт — ментальная единица, которая отражает понятийные, образные и оценочные стороны.

Ценностная картина мира — это упорядоченное множество оценочных суждений, которые отражают высшие ценностные установки в обществе, которые возникают в процессе взаимодействия человека с окружающим миром, где формируется его ценностное отношение сквозь призму ценностных систем.

Оценочная стратегия — это общая организация оценочных языковых средств и речевых действий, направленных на достижение определённой коммуникативной цели.

Оценочная тактика — приемы, которые способствуют реализации оценочной стратегии.

Комментарий — вид электронной медийной коммуникации в форме текста, который характеризуется интерактивной частотой и семантической сложностью.

СМИ — Средства массовой информации

ЕС — Европейский Союз

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы. На современном этапе развития когнитивно-дискурсивной парадигмы научный интерес вызывают становление и функционирование понятийных явлений, с помощью которых раскрывается когнитивно-прагматический потенциал языка, речи и коммуникации. Одной из таких основополагающих категорий является оценка, которая не только охватывает широкий спектр разноуровневых языковых единиц, но и, как категория междисциплинарного характера, находится на стыке философии, аксиологии, лингвистики, психолингвистики, лингвопрагматики и когнитивной лингвистики.

Оценка как универсальная языковая категория всегда привлекала особое внимание ученых и по сей день остается объектом изучения многочисленных исследований в области современной лингвистической науки. Исторические предпосылки оценки были заложены в ранних научных трудах логико-философского подхода (Т. Гоббс, Дж.Локк, Б.Спиноза, Дж. Мур). В рамках структурной лингвистики оценка достаточно изучена в языковом аспекте как функционально-семантическая категория в области семантики и прагматики, также определены основные способы и средства выражения оценки на материале одного языка и в сопоставлении нескольких языков.

В связи с развитием современной лингвистики, образованием новых наук интегративного характера появилась необходимость исследования категории *оценки* в русле когнитивно-дискурсивного (прагматического) направления. В когнитивном аспекте оценка как познавательный процесс деятельности человека выражается его мыслительным и речевым поведением в отношении окружающей действительности, сквозь призму социокультурного восприятия. В этом плане недостаточно изученными остаются когнитивные механизмы оценки, включающие языковые и мыслительные структуры. Более того, наблюдается повышенный интерес ученых к изучению оценки в контексте различных дискурсов. Это обусловлено приоритетным развитием исследования дискурса и его типов с появлением все более новых объектов изучения. При этом особое внимание ученых привлекают дискурсы средств массовой информации, в том числе, социально-общественный медиадискурс, который представляет собой новую сферу в дискурсологии и ставит задачу более тщательного изучения в связи с недостаточностью его исследования.

В настоящем исследовании социально-общественный медиадискурс рассматривается как комбинированная форма специфических видов дискурса СМИ, который отражает медийное пространство в сфере социально-общественной коммуникации.

В контексте социально-общественного медиадискурса, который является одним из новых предметов исследования в медиапространстве, оценочность является одной из его базовых признаков. Анализ, проведенный в рамках данного исследования, позволяет утверждать, что в социально-общественном британском медиадискурсе реализация оценки осуществляется посредством репрезентации положительных и отрицательных качеств социально-медийных событий как в эксплицитной, так и имплицитной форме на всех рече-

коммуникативных уровнях. Более того, *оценка* является продуктивным средством воздействия на общественное сознание посредством СМИ и представляет собой сложное явление, которое требует более тщательного и комплексного анализа. Следовательно, указанные выше факторы дают основания утверждать необходимость теоретического обоснования использования определенных оценочных стратегий и тактик в социально-общественном британском медиадискурсе и определить реализацию их прагматического потенциала.

Таким образом, вышеизложенные факторы определяют **актуальность** темы исследования.

Объектом исследования является категория оценки в современном социально-общественном британском медиадискурсе.

Предметом исследования являются когнитивно-прагматические особенности реализации оценки в современном социально-общественном британском медиадискурсе.

Целью исследования является изучение когнитивно-прагматических аспектов оценочных стратегий и тактик в современном социально-общественном британском медиадискурсе.

Для достижения поставленной цели решаются следующие **задачи**:

- обобщить и анализировать существующие подходы к теории оценки в современной лингвистике;

- определить дифференциальные признаки социально-общественного британского медиадискурса;

- провести когнитивно-концептологический анализ базовых социальных концептов *иммиграция* и *социальное обеспечение* в социально-общественном британском медиадискурсе;

- выявить основные оценочные стратегии и тактики с целью определения прагматической интенции: имплицитной контекстуально - речевой реализации и эксплицитной оценки в социально-общественном британском медиадискурсе;

- провести анализ восприятия реципиентами той или иной оценки для определения продуктивных оценочных стратегий и тактики на основе обратной связи (комментарий) адресатов.

Теоретико-методологическую основу исследования составили классические и современные труды зарубежных, российских и отечественных ученых:

- теория оценки (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф, В.Н. Телия, G. Thompson, S. Huntson, J.R. Martin, R.R. White, M. Bednarek, З.К. Темиргазина); логико-философский подход (Т. Гоббс, Дж.Локк, Б.Спиноза, Дж. Мур, Г.Х. фон Райт, А.А. Ивин, Н.Д. Арутюнова); функционально-семантический подход (Е.М. Вольф, В.Н. Телия, И.А. Стернин, Т.В. Маркелова, М. А. Минина, Е.А. Шалышко, Д. Б. Токтамысова, З.Х. Ибадильдина); коммуникативно-прагматический подход (Ч. Стивенсон, Р. Хэр, В.Г. Гак, Н.Д. Арутюнова, А.И. Приходько, Г.Н. Кенжебалина, Г.О. Азылбекова); когнитивный подход (Дж. Лакофф, Р.Лангакер, Л. Талми, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Г.В.

Колшанский, Р.М. Фрумкина, А.А. Буряковская, Л.К. Жаналина, Э.Д. Сулейменова, М.Л. Зайнуллина, И.А. Олькова);

- теория прагматики (Дж Лич, Дж. Остин, Дж. Серль, Г. Грайс, З. Вендлер, Н.Д. Арутюнова);

- теория и анализ дискурса (М. Фуко, П.Серио, Т.ван Дейк, А.А. Кибрик, М.М. Бахтин, В.И. Карасик, Ю С. Степанов, В.Е. Чернявская, А.К. Киклевич, Э.Д. Сулейменова, М.Ш. Мусатаева, Г.Г. Гиздатов, А.Ислам); публицистический дискурс (М.Р. Желтухина, В.Е. Чернявская); политический дискурс (Е.И. Шейгал, А.П. Чудинов, Б. А. Ахатова); деловой дискурс (В.Г Адмони, Г.Г. Буркитбаева); молодежный дискурс (М.Г. Чабаненко, Ж.Е. Бекжанова); юридический дискурс (Е. А. Кожемякин, М.С. Абишева, Г. Б. Норужева);

- теория медиалингвистики и медиадискурса (Дж. Корнер, Т.Г. Добросклонская, Г.Я. Солганик, М.Р. Желтухина, Г.Г. Гиздатов, Н.И Клушина);

- когнитивная лингвистика и концепты (А.Н. Баранов, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик, С.А. Аскольдов, А.П. Бабушкин, Н.Ф. Алефиренко, А.К. Киклевич, Г.Г. Гиздатов, А.Ислам, Г.М. Далабаева);

- оценочные стратегии и тактики (О. С. Иссерс, М.Р. Желтухина, А.В. Гилева, Е.А. Зимица, И.В. Фролова).

Научная новизна темы исследования заключается в том, что

- в отечественной англистике исследуются когнитивно-прагматические аспекты оценки и определяются базовые оценочные стратегии и тактики современного социально-общественного британского медиадискурса с учетом анализа восприятия адресатов;

- выявляются дифференциальные признаки современного социально-общественного медиадискурса и определяются ключевые концепты современного социально-общественного британского медиадискурса.

В работе нашли применение следующие **общенаучные и лингвистические методы исследования**: описательный метод, этимологический анализ, анализ словарных дефиниций, контекстуальный анализ, метод дискурсивного анализа; метод критической лингвистики, метод когнитивного анализа и статистический метод.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что разработаны современные теоретические аспекты оценки, оценочной стратегии и тактики, которые внесут определенный вклад в дальнейшее развитие теории оценки, а также в разработку идей когнитивно-прагматического направления в области прагматики, медиадискурса и концептологии.

Практическая ценность диссертационной работы состоит в том, что материалы и полученные результаты исследования могут быть применены при разработке лекционных курсов по когнитивной лингвистике, дискурс анализу, могут быть заложены в основу разработки вузовских спецкурсов по концептологии, прагмалингвистике, медиалингвистике, медиадискурсу, а также спецкурсов по специальностям филологического направления.

Фактическим материалом исследования являются более 350 онлайн статей и скриптов британских СМИ, таких как: “BBC”, “The Independent”, “The Guardian” и “The Sky News” за период с 2016 по 2020 гг.

На защиту выносятся следующие положения:

- Существующие направления исследования, основанные на дискретном изучении философского, логического, психологического и лингвистического аспектов категории оценки, являются недостаточными ввиду ограниченности предмета исследования. Современное развитие когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистики способствует более полному раскрытию комплексного характера категории оценки. *Оценка* в данной работе рассматривается как лингвокогнитивная категория, которая при восприятии и обработке информации внешнего мира на основе сопоставления с существующей в сознании субъекта моделью действительности соотносится с его внутренним миром и отражает ценностную картину мира.

- Социально-общественный медиадискурс представляет собой новую сферу дискурсивного пространства и отличается симбиозным характером на стыке социального, политического, экономического и медийного дискурсов. Объектом социально-общественного медиадискурса являются социально значимые проблемы в общественной жизни, отраженные в средствах массовой информации и вызывающие участие и обратную реакцию членов общества в зависимости от соотнесенности к социально-общественной проблеме. Социально-общественному медиадискурсу характерны актуальность, массовость, оценочность, темпоральность, адресованность, мультимодусность и прагматичность.

- В социально-общественном британском медиадискурсе в условиях современных социально-экономических и политических ситуаций, вызванных процессами глобализации и «Брексита», концепты *иммиграция* и *социальное обеспечение* занимают актуальную и приоритетную позицию. Концепты *иммиграция* и *социальное обеспечение* достаточно разнообразно детерминируются оценочной характеристикой в современном социально-общественном контексте. Воздействующий эффект оценки в социально-общественном медиадискурсе реализуется посредством образных слов, повторов, иронии и сарказма, метафор, метонимии, гиперболы. Атрибутивные и предикативные лексические словосочетания, которые являются составляющими элементами оценочного поля характеризуются частотностью.

- К основным оценочным стратегиям, реализующим оценочные суждения и позиции адресанта/автора, относятся стратегии одобрения, стратегия порицания, стратегии передачи однозначной позиции и стратегия передачи множественности мнений. В современном социально-общественном британском медиадискурсе употребление стратегии порицания и стратегии однозначности позиции характеризуется частотностью и продуктивностью. Среди оценочных тактик выделяются тактики прогнозирования, обвинения, признания существования проблемы, отрицания и дискредитации. Выбор тех или иных оценочных стратегий и тактик зависит от экстралингвистических и лингвистических факторов, таких как тематическая специфичность (обусловленность) социально-общественного медиадискурса, межличностные отношения субъектов, прагматическая интенция адресанта и адресата,

актуальность социальной проблемы, социальная среда и социально-коммуникативный контекст.

- Адресат выражает свое оценочное суждение посредством комментариев, которые характерны для электронных медийных коммуникаций, отличающихся интерактивностью, частотностью и эксплицитностью. Результаты анализа позволили установить следующие оценочные стратегии: *стратегия одобрения, стратегия порицания и стратегия нейтрального комментирования*, которые нацелены на выражение положительного, отрицательного и нейтрального восприятия адресатами исходного основного материала адресанта. В ходе анализа комментариев было выявлено, что по частотности и продуктивности выделяется *стратегия порицания*, в рамках которой преобладают *тактика иронии и сарказма, тактика обвинения и тактика несогласия*, выражающие преобладание негативно-оценочной позиции участников медиадискурса.

Апробация результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования отражены в 7 научных публикациях:

1. Развитие теории оценки в современной лингвистике. Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева: «Серия Филология» № 2 (123) 2018, рекомендованный ККСОН МОН РК;

2. Понятие оценки в лингвистике. Вестник КазНПУ им. Абая: «Серия Филология» № 3 (65) 2018, рекомендованный ККСОН МОН РК;

3. Оценка как прагматический феномен в медиадискурсе. Сборник материалов V Международной научно-практической конференции «Иноязычное образование: опыт, инновации и перспективы» от 12-13 ноября, 2018;

4. Evaluation in social media discourse. Сборник материалов международной конференции Journal of Foreign Language Teaching and Applied Linguistics. Vol.6 Number. 1 -2019. ISSN 2303-5528;

5. Оценочные стратегии и тактики в современном медиадискурсе. Сборник материалов международной научно-практической конференции «Современные вопросы Лингвистики, Переводоведения и Педагогике: Традиции и Инновации» от 27-28 июня, 2019.

6. Средства реализации оценочных высказываний в социальном медиадискурсе. Вестник КГУ им. Ш.Уалиханова: «Серия Филология» № 2/2020, рекомендованный ККСОН МОН РК;

7. Evaluation Strategies and Tactics of immigration Issues in Social Media Discourse. Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities (ISSN 0975-2935) Indexed by Web of Science, Scopus. Vol. 12, No. 6, December, 2020.

Структура диссертационной работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав и заключения.

Во введении обосновываются актуальность исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость, формулируются цель и задачи работы, определяются основные положения, выносимые на защиту, приводятся методы научного анализа и данные об апробации материалов исследования.

Первая глава «**Теоретические основы исследования категории оценки в современной лингвистике**» посвящена изложению теоретических основ

исследования оценки. Выделяются ключевые проблемы, связанные с различными теоретическими подходами в изучении теории оценки в современной лингвистике. Рассматриваются основные теоретические направления, такие как: логико-философский, функционально-семантический, коммуникативно-прагматический и когнитивный. Определяются структура и базовые классификации оценок. В целом выявляется сущность категории оценки в когнитивно-прагматическом аспекте.

Вторая глава **«Когнитивно-концептологические аспекты оценки в социально-общественном британском медиадискурсе»** посвящена когнитивному анализу оценки в современном социально-общественном медиадискурсе. Выявляется сущность медиадискурса в соотношении с понятием дискурса. Определяются дифференциальные признаки социально-общественного медиадискурса. Проводится когнитивно-концептуальный анализ базовых концептов «иммиграция» и «социальное обеспечение», функционирующих в социально-общественном медиадискурсе.

В третьей главе **«Оценочные стратегии и тактики в социально-общественном британском медиадискурсе»** выявляются и анализируются эксплицитные и имплицитные способы выражения оценки, а также определяются частотность и продуктивность оценочных стратегий и тактик на материале современного британского социально-общественного медиадискурса.

В **Заключении** подводятся основные итоги диссертационного исследования и намечаются перспективные направления дальнейших исследований.

I ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ОЦЕНКИ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

1.1 Основные подходы к изучению категории оценки

Историческое изучение категории оценки в лингвистике было заложено в ранних европейских логико-философских трактатах известных античных философов. Оценка больше привлекала внимание ученых как логико-философская категория, и ее исследование ограничивалось в рамках философии, аксиологии, теологии и этики. В начале XX века Шарль Балли вводит понятие оценки, которое в дальнейшем становится объектом изучения в лингвистических исследованиях. По определению Балли, оценка понимается как реакция на объект, выраженная в словах в широком диапазоне установок, то есть ученый фокусируется на том, вызывает ли он радость или страдание, полезен или вреден, хорош или плох, соответствует или не соответствует принципам морали. [1, с. 208]. С тех пор фундаментальные вопросы изучения категории оценки существенно расширились за счет изучения ее в различных языках с точек зрения логико-философского, функционально-семантического, коммуникативно-прагматического, когнитивного и других подходов.

1.1.1 Логико-философский подход

В философском аспекте термин *оценка* – это оценивание социальных явлений в соответствии с их значением для жизни человека и через призму принятых норм поведения и моральных принципов [2]. Следовательно, в трудах античных философов определяются ключевые понятия *добра и зла*, на которых основываются как ранние, так и современные теоретические исследования в области теории оценки, а также ее соотношение с понятиями ценности и нормы. Определяются субъект, объект, основание и характер оценки, выделяются некоторые виды оценки, а также различаются оценочные и дескриптивные предикаты.

Согласно утверждениям Аристотеля, все объекты могут быть описаны оценочными словами. Так, оценочные слова отличаются от описательных и выделяются такие виды «*добра*», как внешние блага, блага, относящиеся к душе, и блага, относящиеся к телу [3, с. 66]. Так, ученый определил единство между видами добра в идентифицируемых признаках. Следовательно, первоначальные теории, отраженные в трудах Аристотеля, являются фундаментальной основой определения значения ценностных суждений всех видов понятий *добра и зла*. Тем самым, античная философия заложила базовую основу понятия ценностей.

В философии ценности определяются как «материальные или духовные по своему характеру явления, которые имеют положительную значимость для личности, той или иной социальной группы, общества в целом и служат средством удовлетворения его потребностей и интересов» [4, с. 407]. Согласно сути данного определения, ценности имеют отношение к предметам и явлениям, которые обладают определенной значимостью для человека.

В период средневековья на первый план была выдвинута идея о представлении единого Бога, и трактовка текстов Библии считалась главным

творением, где объективная реальность была вторичной по отношению к Богу и человеку. В этот период оценка рассматривалась в контексте религиозно-теологической этики *добра и зла*, в котором понятие *добра* выражалось благим намерением, любви к Всевышнему. *Злом* считалось нарушение божественных заповедей, которое могло сопровождаться болезнями, смертью и другими несчастными случаями [5].

Философские исследования XVII века считаются периодом философии Нового времени. Изучение категории оценки в этом направлении связано с изучением взаимодействия психической природы человека с реальным объективным миром, основными определяющими факторами которого являются *желание, воля, чувство* и др. Один из крупнейших философов периода Нового времени Томас Гоббс называет такие обычные чувства, присущие человеку, как *желание, любовь, отвращение, ненависть, радость, горе*, посредством которых выражаются понятия *зла и добра*. Тем самым, Т. Гоббс обозначает *хорошее* или *плохое* через проявление желания или отвращения [6, с. 85], и выделяет виды *добра* (добро как обещание, добро как действие, добро как средство) и виды *зла* (зло как обещание, зло как действие и результат, зло как средство — ничтожное, убыточное, опасное) [6, с. 86].

Дж. Локк в своих трудах придерживался гедонистического принципа *хорошего и плохого*, который основывался на различии простых и сложных идей исходного для философских учений. Описывая взаимодействие между понятиями *добра и удовольствия, зла и страдания*, Дж. Локк акцентирует внимание на том, что вещи понимаются как *добро* или *зло* относительно удовольствия и страдания. Под понятиями удовольствия и страдания, Локк пишет, что подразумевает, то что имеет отношение либо к состоянию тела, либо души, хотя, по сути это абсолютно разные состояния, которые зависят от расстройства тела или же умственных размышлений [7, с. 242]. В идее Дж. Локка можно заметить основную мысль о том, что *хорошее или плохое* может иметь градации, т.е. учитывая состояния объекта оно может быть большим или меньшим (ср.: *good — very good; bad—very bad*). Само понятие градуирования связано с состоянием ощущения субъекта при увеличении или уменьшении страданий и удовольствий [7, с. 268]. Таким образом, гедонистические концепции Локка относительно *хорошего и плохого* связаны с психофизическим взаимоотношением человека с окружающим его миром.

Изучая отличия аффектов, зависящих от объекта, Б. Спиноза пишет: «Существует столько же видов удовольствия, неудовольствия и желания, а, следовательно, и всех аффектов, слагающихся из них (каково душевное колебание) или от них производных (каковы любовь, надежда, страх и др.), сколько существует видов тех объектов, со стороны которых мы подвергаемся аффектам» [8, с. 501]. Этическая концепция Б. Спинозы содержит основные теории простых и производных эмоций, а также он отмечает, что *оценка* (хорошее или плохое) определяется человеческой природой, если вещь не имеет к нам ничего общего? то оно не может быть хорошим или плохим [8, с. 544], тем самым, только в основе взаимодействия с человеком вещи являются *хорошими* либо *плохими*. Также Спиноза отметил, что *оценка* колеблется не от

разницы субъективных мнений, а зависит от изменений норматива, тем самым определяет среднестатистический стандарт. В исследованиях Б Спинозы было также отмечено свойство нестабильности критериев оценки. В дальнейшем его теоретические предпосылки стали одними из фундаментальных в развитии теории оценки в современных лингвистических исследованиях.

Дальнейшая разработка философской теории оценки в XVIII и XIX вв. представлена Дж. Муром, британским философом, представителем неореализма и автором одной из крупнейших работ, посвященных вопросам метаэтики. Согласно Дж. Муру, понятие *хорошее* является элементарным, неделимым, так как не имеет частей и не определяется. Это обосновано тем, что понятия *добра и зла*, а также производных моральных суждений не подлежат разумному объяснению, их «истинность» осознается на уровне интуиции и чувств. Так зародилась концепция «интуитивизма» Мура [9, с. 58-62].

В рамках данного направления также была разработана типология оценки, которая широко используется в современных лингвистических исследованиях. К примеру, можно выделить классификацию оценки, составленную финским логиком Г.Х. фон Райтом, состоящую из шести видов «добра», которые были систематизированы по различным сферам деятельности:

1) Инструментальное добро (*a good job, a good way*), которое служит с целью прогноза и рекомендации.

2) Техническое добро, которое описывает индивидуальный талант и умение в конкретной отрасли и профессии. Например, *a good engineer, a good politician, a bad hairdresser*.

3) Добро относительно человеческого благосостояния: *useful, important, good, bad, harmful for health*.

4) Утилитарное добро, которое выбирается как наиболее полезное: *good recommendation, useful products, effective tools*.

5) Медицинское добро описывает человеческую дееспособность, включая мыслительные и физические данные (*good memory, bad memory*).

6) Гедонистическое добро – относится к ощущению чувства наслаждения и удовольствия от благих обстоятельств, моментов (*funny joke, good joke*) [10, с. 12-17]. Предложенная классификация Г. Х. Фон Райта была построена на общих категориальных признаках оценки в русле концептуального анализа и считается одной из основополагающих в теоретических положениях изучения оценки.

Таким образом, ранние философские исследования оценки заложили теоретическую основу изучения категории оценки в современных лингвистических направлениях, в русле логико-философского, функционально-семантического, коммуникативно-прагматического, когнитивного и других лингвистических подходов.

На современном этапе развития логико-философского направления появились научные труды (А.А. Ивин, Н.Д. Арутюнова), посвященные дальнейшим исследованиям категории оценки. Ключевые идеи оценки в русле данного подхода сконцентрированы на общих вопросах статуса оценки как логико-философской категории, направленной на семантические и функциональные характеристики общей оценки *хорошо-плохо*, на параметры

разных субъективных и объективных критериев оценки, а также на проблему выражения определенных типов лингвистическими средствами, ее функционировании в языке.

А.А. Ивин также затрагивает вопрос о необходимости дифференцирования оценочного значения от дескриптивного. Однако автор указывает на сложность этого разграничения, объясняя тем, что большинство высказываний в языке являются смешанными и характеризуются описательно-оценочной природой. Следовательно, согласно мнению автора, иногда даже посредством контекста очень сложно выявить в какой из этих противопоставленных значений используется высказывание то ли как описание, то ли как оценка [11, с. 109]. Тем не менее, А.А. Ивин подчеркивает немаловажную роль контекста для правильного восприятия оценочных выражений, в котором они функционируют, так как выделенные автором обычные, или стандартные, определения оценочного утверждения, в любой грамматической форме способны выразить оценку в соответствующем им контексте. Хотя, разделение оценочных утверждений среди других типов, в зависимости от грамматических оснований, невозможно [11, с. 110]. В дальнейшем научные труды А.А. Ивина становятся базовыми в исследованиях по логике оценок.

Следует также отметить, что представленная А.А. Ивиным в его работе «Основания логики оценок» оценочная структура является наиболее разработанной проблемой в логико-философском подходе. Данная работа посвящается логической теории абсолютных оценок, где охвачены общие проблемы оценочного суждения. Структура оценки, по А.А. Ивину, включает в себя следующие обязательные компоненты: *субъект оценки, объект оценки, основание оценки (аргументация) и характер оценки (положительная или отрицательная)* [12]. Согласно различным теоретическим предпосылкам, элементы оценочной структуры могут варьироваться. Тем не менее, вышеотмеченные структуры являются базовыми, так как формируют основу структуры оценки.

В трудах Н.Д. Арутюновой акцентируется внимание на логико-семантических аспектах изучения языковой оценки на материале русского и испанского языков, оценка, согласно автору, связана не только с окружающей действительностью, но и является способом соотнесения высказывания с действительностью. Н. Д. Арутюнова определяет оценку как «умственный акт, в результате которого устанавливается отношение субъекта к оцениваемому объекту с целью определения его значения для жизни и деятельности субъекта» [13, с. 6], т.е. согласно автору, оценка, прежде всего, относится к человеку и отражает его оценочное отношение к окружающему миру.

В работах Н.Д. Арутюновой была представлена более подробная классификация оценок, в которой предложено рассматривать оценку как общую и частную. Общая оценка является результатом процесса оценивания, при котором субъект оценки различает свойства объекта, отражая его положительную либо отрицательную характеристику. В языке они могут выражаться такими прилагательными, как *good, – bad, плохой – хороший прекрасный – превосходный – великолепный; скверный – нехороший – дурной и*

др. Частная оценка имеет отношение к отдельным свойствам объекта, потому что для описания того или иного объекта используются языковые единицы, которые называют тот или иной признак, например, *talented – cruel* [13, с. 75]. Далее частнооценочные значения имеют следующие категории:

1) *сенсорно-вкусовые или гедонистические* оценки выражают впечатления, которые возникают в сознании при восприятии чего-либо органами чувств: зрением, слухом, обонянием, осязанием (*pleasant – unpleasant; tasty – tasteless, delicious – disgusting*);

2) *психологические* оценки, в которых сделан шаг в сторону рационализации, осмысления мотивов оценки:

а) интеллектуальные оценки (*interesting, fascinating, clever, exciting, boring, dull, unexciting*);

б) эмоциональные оценки (*joyful, sad; merry, melancholy*);

3) *эстетические* оценки являются синтезом сенсорно-вкусовых и интеллектуальных оценок, выражающих эмоциональные и ментальные чувства от восприятия чего-либо (*beautiful – ugly; lovely – unlovely*);

4) *этические* оценки (*moral – immoral; ethical – unethical, kind – angry, polite – rude*);

5) *утилитарные* оценки (*useful- harmful; favorable- unfavorable; profitable – unprofitable*);

б) *нормативные* оценки (*correct – incorrect; right – wrong, healthy – unhealthy*);

7) *телеологические* оценки (*effective, inefficient; appropriate, inappropriate*) [13, с. 75-76].

Все вышеперечисленные категории образуют три группы.

1) Гедонистические и психологические оценки относятся к сенсорной группе, другими словами, как показывает само название, они относятся к физическим и психическим ощущениям удовлетворения или неудовлетворения чувства красоты индивида.

2) В целом эстетические и этические оценки относят к сублимированным оценкам, то есть связанным с удовлетворением чувства прекрасного, а последние - с удовлетворением морального чувства. И они определяются как базовые. По мнению автора, эти два вида чувств составляют ядро духовного мира человека [13, с. 76-77]. Также следует отметить, что во многих классических работах эта группа оценок ассоциируется с вертикальной телесностью человека.

3) К числу рационалистических относятся утилитарные, нормативные и телеологические оценки, выделяемые в отдельную группу. К этой группе оценок относят результат практической деятельности и жизненного опыта человека, направленный на получение выгоды и достижение поставленной цели. [13, с. 76-77].

Среди отечественных исследователей можно отметить труды З. К. Темиргазиной, посвященные изучению ключевых вопросов оценки, где категория оценки рассматривается как логическое мыслительное явление и

охватывает проблемные аспекты оценки в языке. По определению ученого, категория оценки является логической, и суть любого понятия подвергается оценке через оценочное поле - хорошо, плохо, оценочно, безразлично, поскольку любая оценка является итогом познания мира - восприятия объективного мира в рамках сформированных суждений [14, с. 13].

Таким образом, следует отметить, что в рамках логико-философской концепции были затронуты ключевые вопросы теоретического осмысления понятия оценки, была представлена основная структура оценки, а также предложены базовые классификации оценки, которые являются актуальными и востребованными на современном этапе развития в области теории оценки.

1.1.2 Функционально-семантический подход

Функционально-семантическое направление в изучении категории оценки базируется на исследовании оценки как составной части значения определенных лексических единиц и выражений в языке.

Научные труды ученых в рамках данного подхода (Е.М. Вольф, И.А. Стернин, В.Н. Телия, В.И. Шаховский, Т.В. Маркелова, Н.М. Лукьянова, И.В. Арнольд) представляют семантические, структурные и функциональные вопросы исследования оценки в языковом аспекте. Особое внимание было уделено дальнейшей разработке по вопросам семантической структуры оценки. Во-первых, это связано как с варьированием состава, так и количеством выделяемых элементов в структуре оценки в разных исследованиях; во-вторых, основные элементы в структуре оценки, выделенные логико-философским подходом, считаются недостаточными для глубокого анализа в лингвистических исследованиях. Таким образом, помимо выделенных в логике обязательных структурных элементов, были выявлены и описаны обязательные факультативные элементы.

Е.М. Вольф рассматривает оценку как модальность и предлагает рассматривать структуру оценки как *модальную рамку*, в состав которой входят эксплицитные, имплицитные и те компоненты, которые выражаются как в эксплицитном, так и в имплицитном виде. Важными элементами в данной модальной рамке являются *объект оценки* и *субъект оценки*. Объект оценки представляет лицо, предмет или событие, с которым связана оценка. Объект оценки, как правило, выражается вербальными средствами. Субъект оценки выражается как эксплицитно, так и имплицитно. Под субъектом оценочной структуры подразумевается лицо, часть социума или социум в целом, с точки зрения которого производится оценка. Субъект дает оценку на основании имеющейся в его «картине мира» шкалы и соответствующих стереотипов [15, с. 67-68].

Согласно Е.М. Вольф, не следует сравнивать противопоставление *субъекта/объекта* в структуре оценки и *субъективности/объективности* в ее семантике. Так как наличие субъективного (оценочного) и объективного (дескриптивного) факторов предполагают и субъект, и объект оценки. Субъективность оценочной деятельности субъекта заключается в том, что, оценивая что-либо, он основывается на собственном отношении к объекту;

однако, кроме этого, он опирается на стереотипные представления и присущие объекту признаки, расположенные на шкале оценок. Так же и объект содержит субъективные (отношение субъект/объект) и объективные (свойства объекта) признаки [15, с. 23].

Следующим элементом модальной оценочной рамки является *оценочная шкала*, по ней распределяются различные виды оценки, признаки которых могут двигаться по нарастающей либо убывающей, например, *very big – big – medium – small – very small – tiny*. Сложность оценочной шкалы вызвана тем, что ряд признаков, которые находятся на шкале, могут меняться по нарастающей, либо убывающей совершенно независимо друг от друга. Признаки оценки на оценочной шкале варьируются в зависимости от средств де/интенсификации оценочного значения.

В научных трудах, в частности посвященных вопросам интенсивности оценки, наблюдается единый подход и за основу берется утверждение высказанное Ш. Балли, где он ключевым фактором определяет соотношенность оценки с категорией количества в процессе окружающей действительности [1, с. 214].

Интенсивность включает весь спектр промежуточных значений от минимальных до максимальных. Д. Боллинджер выделяет четыре группы слов-интенсификаторов:

- усилители (указывают на верхнюю шкалу усиления. Внутри интенсификаторы могут быть предельной степени как *absolutely, entirely, terribly*; умеренной степени как *enough, rather*; и интенсивные усилители как *increasingly, even, surely*);
- преуменьшители (выражают двойственное неопределенное отношение к факту, находятся в середине шкалы усиления. Например, *almost, fairly, nearly, kind of*);
- ослабители (находятся в нижней части шкалы усиления. Например, *partly, slightly, to some extent*);
- минимализаторы (указывают на нижний предел шкалы усиления. Например, *barely, hardly, little, scarcely*) [16].

И.И. Туранский определяет интенсивность как измерение для качества оценки [17, с. 37], и отмечает, что интенсивность оценки может меняться посредством способов интенсификации и деинтенсификации значения оценки на по шкале интенсивности.

Несмотря на то, что оценочная шкала является имплицитным элементом, она выражает две основные стороны оценки — субъективную и объективную, так как учитывает не только отношение субъекта к объекту, но и свойства объекта, к которому относится оценка [15, с. 98-99, с. 48].

Следующим основным элементом является *оценочный стереотип*, который, как и оценочная шкала, не требует вербального выражения, тем не менее, если бы не было стереотипов, оценочные выражения не смогли бы участвовать в коммуникативном акте, так как стандартные признаки стереотипов соотношены с зоной нормы на шкале оценок. Для разных вещей

существуют разные стандарты. Стандарты могут быть как определенными, так и расплывчатыми, а для некоторых объектов и вовсе не существует стандартов.

Е.М. Вольф под *оценочным стереотипом* понимает «объекты, входящие в классификационные структуры и обладающие стандартными наборами признаков» [15, с. 61]. Таким образом, сопоставление языковых единиц на оценочной шкале было бы невозможным, если бы не было представления об оценочном стереотипе.

Аспект оценки является немаловажным элементом в оценочной рамке, так как соотносится с описательными признаками объекта, на которых построена оценка. Аспект оценки охватывает все элементы значения, входящие в оценочный стереотип, на которые опираются дескриптивные свойства.

Основание оценки — это компонент высказывания, который формулирует суть оценки и является реальной базой оценочной конструкции. Согласно А.А. Ивину, основание оценки отражает позицию автора к положительному, отрицательному либо нейтральному выражению в соответствии с вещами [12, с. 28].

Таким образом, помимо *субъекта, объекта, основания оценки (оценочного предиката)* важную роль в модальной рамке составляют *шкала оценок и стереотипы*, которые отражаются в имплицитном виде. В отличие от субъекта и объекта оценки, оценочная шкала и оценочный стереотип, как мы выше отметили, не выражаются в языковом плане, хотя всегда находятся в сознании говорящего.

К факультативным элементам оценочной структуры Е. М. Вольф относит мотивировки, классификаторы, интенсификаторы, деинтенсификаторы и др., которые могут найти свое отражение на оценочной шкале [15].

Таким образом, категорию оценки можно представить как сложную иерархическую структуру, где все компоненты находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и представляют собой сложное взаимодействие. Следующее определение, данное М.А. Мининой, достаточно в полном объеме раскрывает суть вышеизложенного об оценочной структуре: «...несмотря на субъективность, ситуативность, интерпретационность, оценка является элементом значения языковой единицы любого уровня, участвует в его построении как в качестве центрального, ключевого компонента, так и в качестве одного из микрокомпонентов его сложной иерархической структуры» [18, с. 1].

В зарубежной лингвистике употребляется широкий спектр терминов, используемых разными авторами для обозначения оценки, например, позиция – stance [19], отношение – attitude [20], оценка – evaluation [21], оценка – appraisal [22].

Оценка в рамках системно-функциональной лингвистики, основы которой были заложены М. Холлидеем, далее развивается под названием *Appraisal Theory/ Appraisal Framework – Теория оценки* в трудах австралийских учёных Дж. Мартина и П. Уайта. Теория оценки (Appraisal Theory) Дж. Мартина и П. Уайта является одной из значительных в современных лингвистических исследованиях, потому что изучает существующие различия видов языковой

оценки, оценочного значения, которые на межличностном уровне четко отражают оценочные суждения автора. Согласно определению ученых, оценка понимается как «the set of resources used to negotiate emotions, judgments, and valuations, alongside resources for amplifying and engaging with those evaluations» [23, с. 140]. Суть определения заключается в том, что оценка есть набор ресурсов, используемых для обсуждения эмоций, суждений и оценок, наряду с ресурсами для усиления и взаимодействия с этими оценками.

Данная теория оценки больше основана на концепции позиции (*stance*), так как ориентирована на раскрытие авторского отношения и того, как тексты соотносятся с потенциальным или реальным читателем / слушателем. Оценка в этом плане является одним из наиболее сложных инструментов анализа выражения имплицитного отношения через использование оценочного языка. Тем самым, для нас является немаловажным определить различие между понятиями оценки *appraisal* и *evaluation*, так как данные термины в сущности являются синонимичными и близки по значению. Проведенный анализ словарных дефиниций показывает, что отличие двух терминов состоит в том, что *оценка (appraisal)* имеет более широкое содержание, это есть позиция, суждение или оценка ценности чего-либо, особенно формального, в то время как *оценка (evaluation)* — это скорее всего сложный процесс, в результате которого происходит оценивание объективной деятельности по оценочной шкале. В целом, работы учёных Дж. Мартина и П. Уайта сводятся к применению трех грамматических систем *Attitude – отношение, Graduation – градуирование, the Engagement system – система взаимодействия*, которые включают в себя оценку.

Отношение (*attitude*) связано с инструментами, которые автор использует непосредственно для выражения своего одобрения или неодобрения чего-то, то есть оно связано с чувствами, включая эмоциональные реакции, суждения о поведении и оценке вещей.

Градуирование (*graduation*) связано с ресурсами градации, которые автор использует, чтобы передать силу, то есть интенсификацию *одобрения* или *неодобрения*, насколько *сильным* или *слабым* является чувство.

Система взаимодействия (*the Engagement system*) связана с ресурсами, которые автор использует для размещения его утверждения относительно других возможных утверждений по тому или иному объекту. В широком смысле система взаимодействия связана с тем, каким образом такие ресурсы, как проекция, модальность, полярность, уступка и различные комментирующие наречия, позиционируют говорящего/пишущего в отношении выдвигаемой ценностной позиции и в отношении потенциальных ответов на эту ценностную позицию — цитируя или сообщая, признавая возможность, отрицая, противодействуя, утверждая и так далее [22, с.35-37].

Отношение (*attitude*), в свою очередь, делится на три подсистемы: (*affect – аффект, appreciation – признание, judgment – суждение*).

Аффект (affect) описывает внутреннее эмоциональное состояние, то есть он связан с регистрацией положительных и отрицательных чувств: чувствуем ли мы себя счастливыми или грустными, уверенными или тревожными,

заинтересованными или скучающими. Например, *I am happy. She is proud of her daughter.*

Признательность (appreciation) оценивает внутренние качества объекта, процессов и продуктов (и людей, когда они рассматриваются как сущности, и когда они не оцениваются с точки зрения их эмоций или поведения), например, *It's an interesting book.*

Суждение (judgment) оценивает моральную оценку людей и их поведение с помощью набора норм в социальном контексте, которым мы восхищаемся или критикуем, хвалим или осуждаем, например, *a skillful artist, a cruel king* [22, с.35].

Оценочные критерии различают основные три функции оценки, такие как: диалогическая, интертекстуальная и относительная.

Диалогическое позиционирование относится к самовыражению, в частности в письменной форме языка, следующие фразы как *“surprisingly”, “as expected”, “on the contrary”, “I believe”, “of course”* могут быть использованы в этой функции.

Интертекстуальное позиционирование связано с образом, в котором мы приводим мнения других, и включает нашу собственную оценочную позицию, указав, одобряем ли мы мнения говорящих или нет. Данная функция включает в себя использование следующих слов и фраз: *“reportedly”, “she claims that”, “according to”, “Mr. X said”* и т. д.

Поведенческое позиционирование, которое вызывает особый интерес в современных исследованиях функционирования оценки, выражает наше мнение об окружающей среде как благоприятные или неблагоприятные эксплицитно и имплицитно. Поведенческое позиционирование состоит из оценок влияния, суждения и признания [22], которые вкратце были изложены выше.

В работе «Evaluation in Text» С. Ханстона и Дж.Томпсона оценочные выражения анализируются на уровне лексики, грамматики и текста. Они определяют оценку как *«the broad cover term for the expression of the speaker's or writer's attitude or stance towards, viewpoint on, or feelings about the entities or propositions that he or she is talking about. That attitude may relate to certainty or obligation desirability or any of a number of other sets of values»* [21, с.5]. В данном определении авторы предлагают весьма широкое понимание оценки, указывая на сложность различных факторов, влияющих на оценку. Далее они определяют три важные функции оценки:

-выражение мнений оратора/писателя, отражающих их системы ценностей и системы их сообщества;

-построение отношений между ораторами и читателями;

-организацию текста (*expressing speaker/writer opinions that reflect their value systems and those of their community, constructing relationships between speakers and readers, and organizing text* [21, с. 6]. Учеными также выделяются четыре параметра оценки, которые помимо критериев *хорошо/плохо* и *определенности*, включают параметры *ожидаемости, очевидности, важности и релевантности* [21, с.25].

Как лингвистическое понятие, *оценка* в языке может проявляться на разных уровнях, соответственно может быть выражена различными способами. Поскольку оценка относится к лингвистическим понятиям, она может проявляться на разных уровнях и, соответственно, выражаться по-разному. По мнению Е.М. Вольф, оценка ограничивается меньшими единицами, чем слово, но одновременно она может быть развернута на все высказывание. [15, с. 6]. Следовательно, оценочное значение может выражаться как на уровне лексики, так и на уровне высказывания, а также может быть контекстно-обусловленным, т.е. становиться понятным только на уровне текста. Об этом более подробно остановимся в следующем разделе.

Среди отечественных исследователей можно отметить ряд ученых, которые изучали категорию оценки в языковом плане, в русле лингвистики текста. Д. Б. Токтамысова определяет языковую оценку как «...общественно закреплённое, социально устоявшееся отношение носителя языка к внеязыковому объекту, понимаемому в широком смысле как лицо, предмет, явление действительности и т.п., выраженное языковыми средствами эксплицитно или имплицитно. Это отношение (субъекта к объекту с точки зрения противопоставления «положительное/ отрицательное», т.е. «хорошо/плохо») выступает в качестве узואально или окказионально выражаемого семантического свойства языковых явлений, именуемых оценочностью [24, с. 20-23].

В нашем понимании оценка является средством, которое выражает отношение говорящего к объекту окружающей действительности, при этом учитывается его удовлетворение потребностей, желаний, интересов через оценочное суждение [25, с. 109], так как, в первую очередь, оценка относится к категориям мыслительной деятельности, и ее основной единицей является оценочное суждение (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Вольф).

В семантическом направлении оценка является составной частью семантической структуры слова и связана с коннотативным аспектом семантики различных языковых единиц. В этом отношении прослеживается тесная взаимосвязь коннотации и оценочности. В словаре лингвистических терминов понятие *оценки* определяется как «суждение говорящего, его отношение одобрения или неодобрения, желания, поощрения и т. п. — как одна из основных частей стилистической коннотации» [26, с. 305]. Тем самым, значительная роль коннотативных оценочных единиц в разных семантических структурах обуславливается тем, что лингвистический аспект изучения оценки предполагает исследования того, как выражаются языковые оценочные единицы в речи. Коннотация не может существовать без наличия оценки, поскольку именно оценка является составляющим коннотативных элементов в значении слова.

Таким образом, функционально-семантический подход способствует выявлению основной сущности категории оценки как элемента структуры слова, так как специфика категории оценки состоит в том, что она не имеет собственного значения и у нее отсутствует содержание, следовательно оценка прикладывается к чему то, если речь идет о хорошем, например, хорошие

пенсионные накопления, хорошая заработная плата или хорошая работа, то в данных примерах видно, что структура и содержание категории оценки зависят от области определения, и к чему она прикладывается.

1.1.3 Коммуникативно- прагматический подход

В отличие от функционально-семантического подхода, который рассматривает оценку как лингвистическое явление, коммуникативно-прагматический подход определяет оценку как прагматический феномен, имеющий цель воздействия на адресата с учетом коммуникативной интенции автора. Сторонниками коммуникативно-прагматического подхода являются западные ученые-представители прагмалингвистики Дж. Серль, П. Ноуэлл - Смит, Ч. Стивенсон. В трудах западных ученых (П. Ноуэлл-Смита, Дж. Серля, Ч.Стивенсона) оценочные высказывания рассматриваются как коммуникативный акт. Дж. Серль отмечает, что цель оценочных высказываний состоит не в описании мира, а в выражении эмоции и отношении... и т. д. [27, с. 187]. Также они подняли вопрос о связи между различными оценками и их функциями. П. Ноуэлл-Смит, предлагая деление оценочных слов на каузальные и обязывающие прилагательные, выявляет, что оценочные предикаты отличаются высокой степенью полифункциональности, и их функции, а также употребление в речи зависят от интенции говорящего [28].

А.И. Приходько отмечает, что «оценочная деятельность сама по себе (как и речь в целом) имеет прагматическую направленность: влияя на ценностную ориентацию реципиента, она тем самым направляет его деятельность» [29, с. 216]. Тем не менее, семантический и прагматический аспекты не могут быть разделены в оценке, так как находятся в тесном взаимодействии.

Согласно Дж. Лич, и семантика и прагматика имеют связь со значением языкового знака. Однако различие между ними можно проследить на примере английского глагола «*to mean*» — ‘значить’, ‘означать’, понимаемого с разных позиций. ‘*What does it mean?*’ и ‘*What do you mean?*’, первый вопрос относится к семантике и имеет конвенциональный смысл *Что это значит?*. Второй вопрос относится к прагматическому смыслу, так как требует интерпретации вопроса *Что вы хотите этим сказать?* [30, с. 5-6].

В прагматике, как и в любой другой науке, главным является субъект речи. Обращение субъекта к адресату и воздействие на него объясняется мотивом выбора конкретных языковых средств, целенаправленной интенции, а также оцениванием и ценностными отношениями, которые в итоге вызывают определенные эмоции у адресата. Следовательно, главная коммуникативная задача оценочных высказываний состоит не столько в передаче информации, сколько в воздействии и влиянии на адресата с таким намерением, чтобы впоследствии которого было бы возможным изменить прежнюю позицию адресата, а также побудить к определенным действиям. Весь этот сложный процесс выявляет коммуникативную функцию оценочных высказываний, которая также состоит в выражении эмоционального состояния различных действий субъекта, в достижении поставленной цели, к примеру, расхваливать или критиковать, одобрять или осуждать и т.д.

Н. Арутюнова, акцентируя внимание на прагматической природе оценки, утверждает, что прагматическое значение выражается в самой оценке, поскольку высказывание проявляет свое прагматическое значение в речевой ситуации [14, с. 5], а именно, прагматическое значение имеет место непосредственно в речи, в процессе употребления конкретной речевой или языковой единицы в конкретном коммуникативном акте или контексте.

В коммуникативно-прагматических исследованиях важную роль играет различие номинативной и коммуникативной уровней языка [31]. Номинативный уровень используется для передачи сообщения о реальной действительности сквозь призму языкового сознания говорящего. В коммуникативном уровне выражается соотношение позиции говорящего, слушающего и самой ситуации общения. Для системы коммуникативного уровня характерны позиции трех составляющих, то есть говорящего, слушающего и оцениваемой ими ситуации, которые, в свою очередь, владеют набором средств выражения. При этом в основе системы коммуникативного уровня находится коммуникативный вид целеустановки, т.е. способ воздействия, выраженный в языковой форме, под которым понимаются различные языковые средства. Они проявляются на разных уровнях языка, таких как: фонетика, морфология, лексика, и т.д. при этом, каждый уровень имеет свои характерные особенности и определённые средства выражения.

Хорошо известно, что для фонетики одними из важнейших средств являются просодические признаки, которые используются для придания высказываниям определенного оценочного значения. Например, интонация или диапазон тона могут быть маркерами иронии, сарказма, юмора, и, следовательно, в контексте определенные высказывания могут быть выражены как вежливые или грубые в зависимости от их диапазона тона. Помимо интонационных средств, существуют графические или пунктуационные средства выражения оценочного значения слова. Например, курсив, кавычки, тире, многоточие, восклицательный знак применяются с целью привлечения внимания к определенной заложенной в них информации для отражения эмоционального состояния субъекта речи, которое мы можем наблюдать в следующем высказывании: *A blind Brexit is inherent in Brexit. It's inevitable, he said. The two negotiations will take place under a different process, with different people – if you're anti-blind Brexit, you're anti-Brexit.* [32].

На словообразовательном уровне корни слов, которые изначально имели заложенную в них оценочную природу посредством аффиксов, префиксов, суффиксов, могут приобретать усилительные либо уменьшительные, уменьшительно-ласкательные эмоционально-оценочные значения. Например, в английском языке префиксы: *mis-*, *im-*, *in-*, *-dis-*, *ir-*, *un-*, *non-* *il-*, формируют слова с отрицательной оценкой (*illegible*, *irresponsible*, *unattractive*, *misunderstand*, *impossible*, *insufficient*). Суффиксы: *-ful*, *-ous* в образовании имен прилагательных могут иметь как положительную (*beautiful*, *successful*, *wonderful*, *generous*, *marvelous*, *luxurious*), так и отрицательную оценку (*harmful*, *pitiful*, *furious*, *dangerous*) т.е. стоит отметить, что сами по себе суффиксы, аффиксы или префиксы не могут выразить оценку, они лишь усиливают либо

уменьшают положительную, либо отрицательную оценочность языковых средств в речи субъекта к объекту.

В условиях контекстного употребления нужно отметить, что мелиоративные эмоциональные оценки посредством суффиксов передают уменьшительно-ласкательные значения, в то время как пейоративные эмоциональные оценки практически выражаются любыми аффиксами. К тому же при контекстном употреблении нейтральные лексические единицы также могут приобретать оценочный смысл. Согласно А.И. Приходько, выявлено три типа взаимообусловленности контекста и оценочного высказывания:

1. контекст влияет на оценочное высказывание, изменяя характер оценки последнего;
2. оценочное высказывание влияет на контекст, добавляя оценочный компонент в его структуру;
3. взаимовлияние оценочного высказывания и контекста [29, с.285].

Лексико-семантический уровень является основным языковым уровнем, который может выражать любые оценочные виды с помощью частей речи, к примеру, имена прилагательные, наречий, имена существительные, глаголы и т.д.

Согласно научным исследованиям, самые яркие оценочные значения слов выражаются именами прилагательными, так как они имеют свойство обозначать качество и признак предмета. Ш. Балли отметил, что прилагательное является началом любой категории оценочных лексических единиц [1, с. 271]. Также Т.В. Маркелова пишет, что имена прилагательные являются основной частью речи, которые чаще остальных выражают оценочные значения [33]. Особенно выделяются прилагательные *good/bad*, которые отличаются частотностью употребления в отражении оценочных суждений.

Немаловажно отметить роль синтаксических средств, которые включают использование риторических вопросов: *So what do we do? Sink into a torpid and surly despair? Rise above it in a mindful bubble of self-enclosed bliss?* [34], которые невольно обращают внимание читателей для вступления в имплицитный диалог с автором. Виды повтора: *“Staying in will be worse for immigration, worse for jobs, worse for wages and worse for our way of life...”* [35]. Существенную роль вносит цитирование как одно из распространенных средств выражения оценки. Использование цитат в определенном контексте может привести к искажению первоначального смысла. Также на синтаксическом уровне оценка может быть выражена структурными средствами, такими как изменение порядка элементов в предложении или фразе.

На семантическом уровне оценочное значение, которое присуще словам и выражениям, может быть найдено в их семантических особенностях и может выражаться на любом уровне контекста — до высказываний, а также, текстов. Мы хотим отметить ряд лингвистов, которые рассматривают оценочные семантические значения на уровне текста и выделяют те функции, которые не противоречат их применению в дискурсивном плане. Например, семантические значения на уровне текста и подчеркивают те особенности, которые не противоречат их применению в дискурсивном плане. Так, например,

А. П. Сковородников отмечает, что возрастание прагматического потенциала происходит за счет оценочной структуры в тексте, таким образом, прагматический потенциал превышает тот, который задается лексическими значениями слов, составляющих высказывание [36, с. 255]. В.Г. Гак дифференцирует две слагаемые функции оценки в тексте. Первая - собственно прагматическая, нацеленная на собеседника с целью воздействовать на коммуниканта, вызвать интерес или призвать его к действию, убедить, заинтересовать, привлечь внимание собеседника. Другая функция заключается в восполнении информативной недостаточности и в предоставлении слушателю возможности понять позицию или реакцию говорящего. [37, с. 87].

Следовательно, для нашего исследования интерес представляет изучение реализации оценки как в контекстных окружениях, так и в рамках целого дискурса. Это означает, что именно в дискурсном пространстве, больше всего реализуются и раскрываются оценочные значения, которые позволяют по-новому взглянуть на функционирование оценки и ее свойства.

Таким образом, можно сделать вывод, что оценка напрямую связана с субъектом, поскольку имеет свойство отражать личные мнения, суждения, позиции, интересы, и в то же время побуждает к определенным действиям независимо от ситуации. Это связано с наличием прагматики определенной цели любого высказывания в коммуникативном акте. Тем самым, свойство прагматической характеристики оценки в коммуникации определяется как намерение субъекта воздействовать на адресата, как достижение поставленной им цели.

1.2 Когнитивные и прагматические аспекты изучения оценки

1.2.1 Когнитивные аспекты оценки

В то время как коммуникативно-прагматический подход изучает оценку, как одно из основных средств, имеющее силу воздействия на адресата, когнитивные исследования оценки основываются на взаимоотношении языка и мышления, и тем самым изучают оценку в рамках познавательной деятельности человека как элемент концепта.

У человека в процессе познания окружающего мира складывается определенный взгляд на тот или иной объект познания, в результате которого появляется оценочное суждение. Следовательно, формируется представление положительного, либо отрицательного характера по отношению к оцениваемому им объекту.

А.А. Буряковская пишет, что исследователи выявили три вида оценочных суждений, основывающихся на различных составляющих картины мира человека. Первый вид оценочных суждений состоит из «внутренней оценки», которая выражает такие чувства, как симпатия, антипатия, безразличие субъекта оценки к объекту. Второй вид оценочных суждений включает представления субъекта о каких-либо образцах, идеалах, стандартах, т.е. нормах, принятых в конкретных языках и культурах. Акт оценки в таких суждениях состоит в сопоставлении с образцом, которому, по мнению субъекта, должен

удовлетворять объект. Третий вид оценочных суждений состоит в приписывании оценки не объекту самому по себе, а объекту как средству достижения или устранения других вещей, оцениваемых положительно или отрицательно [38, с. 518].

Основными представителями когнитивной теории оценки являются Дж. Лакоф, Р. Лангакер, Л. Талми, Е.С. Кубрякова, В.И. Карасик, Н.Н. Болдырев, В.Л. Наер. Оценка с позиции когнитивного подхода является особым когнитивным процессом в конструировании, т.е. создании по оценочному признаку в ходе оценочной категоризации и концептуализации образа объекта с помощью языковых средств [39]. Талми выдвигает предположение, что оценки обусловлены когнитивной деятельностью, которая включает в себя производство оценок и суждений об определенном объекте; в целом, человеческая оценка осуществляется благодаря работе когнитивной системы мозга, функцией которой является производство таких оценок [40, с.478].

Представителями когнитивного подхода, вслед за логиками были выделены те же элементы оценочной структуры, такие как *субъект, объект, характер и основание оценки*. Среди оснований оценки различают семантические, которые охватывают знания, приобретенные посредством эмоционально-чувственного восприятия окружающей действительности и практической деятельности человека, и культурные, которые отражают опыт высокого уровня сознания в картине мира человека. Они относятся к знаниям и ценностным суждениям о культурно-исторических аспектах жизнедеятельности общества, с одной стороны, и, с другой, - обусловлены его личным опытом, которые содержат в себе информацию о том, что ценится и соблюдается в обществе. При выборе основания оценки существенную роль играют различные аспекты человеческого опыта в языке [41].

М.В. Никитин относительно оценочной структуры предлагает ввести еще несколько элементов: модус, норматив и релятор оценки. Модус определяется как вид оценки, обусловленный целью оценочного рассмотрения денотата. Под нормативом понимается иерархическая структура основания оценок по отношению объектов оценки к определенным норме, стандарту, эталону и т.д. «Релятор» (символ или слово, используемое для различения значений многозначного термина) – понятие, которое только встречается в концепции М.В. Никитина и описывается в виде мыслительного механизма корреляций предметов с их признаками в соответствии со сферами оценивания. Например, сфера хорошего (*goodness sphere*), сфера пользы (*benefit sphere*), сфера приятного (*pleasure sphere*), сфера интересного (*attendance sphere*), сфера соответствия (*accordance sphere*) [42, с. 68-81].

Таким образом, в русле когнитивного направления оценка может представлять собой языковой концепт, целью которого является изучение и обобщение познаний об окружающем мире, а также ценностных аспектов в сознании субъекта коммуникации. Оценка как эксплицитно, так и имплицитно выражает субъективные и объективные ценности, которые зафиксированы в картине мира человека. Современные исследования ценностных структур,

связанных влиянием человеческого фактора, развиваются в рамках когнитивной лингвистики.

Человек, изучая явления окружающего мира, воспринимает его через ценностное отношение в процессе познания, размышления, оценивания, эмоционального выражения, которые происходят в его когниции при восприятии. Весь этот сложный процесс актуализируется в сознании человека ценностью каждого предмета, субъекта, действия, их качества, формы, размера и т.д., следовательно, явления в нашем сознании имеют определенную ценность. А.К. Киклевич пишет, что «...ценности нужны потому, что человека постоянно окружают новые предметы и явления, новые ситуации. Ценность представляет собой ориентир, который помогает человеку пройти участок пути, по которому он еще никогда не проходил» [43, с 290].

Как отмечает А.И. Приходько, при познании или восприятии натуральных признаков объектов, определяя их ценностные качества, человек распознает определенные качества социальных отношений, так как значительность вещи прежде всего определяется общественным отношением к ним. [44, с.36]. Следовательно, последствием ценностного отношения к чему-либо неизбежно появляется оценка.

Согласно мнению Е. А. Москвичёвой, язык оценок способствует раскрытию индивидуального средства восприятия картины мира, в котором эксплицируются определенными оценочными стратегиями [45, с. 152]. Под картиной мира понимается организованный комплекс знаний об окружающем мире, образованная в сознании как индивида, так и всего коллектива [46, с. 36]. Таким образом, можно отметить, что изучение оценки в когнитивных исследованиях, прежде всего, обусловлено соотношением языковой картины мира и ценностных представлений индивидуума о значимости каждого явления.

В некоторых философских исследованиях ставится вопрос о разграничении понятий ценности и оценки, так как *ценность* является предметом аксиологических исследований и определяется как отношение между представлением субъекта о том, каким должен быть оцениваемый объект, и самим объектом [2, с. 968-971]. Однако в процессе взаимодействия человека с окружающим миром формируется ценностное отношение, его ценностное видение мира или, как его называют в современных исследованиях, *ценностная картина мира*. В связи с этим уместно привести формулировку оценки Л.Ю. Мирзоевой, определяющей ее в качестве одного из центральных элементов, принимающих участие в формировании ценностной картины мира, соответственно отраженной в языковой картине мира. [47, с. 6-7]. Более подробное объяснение ценностной картины мира можно найти в определении, данном Н.Г. Мартыненко: «Ценностная картина мира, объективно выделяемая в языковой картине мира, содержит систему моральных ценностей, этических норм и поведенческих правил и реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла, типичными фольклорными и известными

литературными сюжетами» [48, с. 120]. Таким образом, ценностная картина мира представляет собой упорядоченное множество оценочных суждений, которые отражают высшие ценностные установки в культуре каждого общества.

Мы также поддерживаем мнение А. И. Приходько, что окружающий мир в процессе оценивания человеком базируется на таких бинарных оппозициях, как *добро и зло, польза и вред, правда и ложь, красота и уродство*, которые непосредственно участвуют в определении и оценивании объективного мира [49, с. 92]. Тем самым, окружающие явления, которые воспринимаются человеком, могут иметь определенную ценность в сознании, с положительной либо с отрицательной стороны, соответственно их можно оценить.

Оценка, являясь главным определяющим компонентом ценности, выражает ценностное отношение к окружающей действительности и предполагает процесс оценивания путем сравнения: хорошо, плохо или нейтрально. Это наблюдается в определении оценки М.Р. Желтухиной, которая также соотносит ее с актом сознания, где происходит сравнение и сопоставление различных признаков, таких как свойство роль, место, функция и другие, формирующихся в сознании и языке по общепринятым параметрам в области оценки положительной, отрицательной, нейтральной. [50, с. 223]. Тем самым, оценка, будучи положительной, негативной или нейтральной, появляется не только в результате желаний, эмоций, предпочтений человека, а также и путем их сравнения. В связи с этим человек в процессе оценивания не только познает, но и сравнивает соизмеримые отношения действительности. Так, выделяются абсолютные оценки (*She sings well*) и сравнительные оценки (*She sings better than her sister*). Однако нужно отметить, что абсолютные оценки тоже имеют элементы сравнения, поскольку отношение, выраженное с их помощью, так или иначе соотносится с определенными социальными стереотипами и нормами.

Е.С. Кубрякова отмечает, что ценностные и оценочные черты, присущие языку и речи, являются неотъемлемой частью в исследовании языка в целом, так как они напрямую связаны с познанием мира [51, с. 10-11]. Следовательно, разграничение понятий ценности и оценки, представляется нецелесообразным. Так, в когнитивной лингвистике понятия ценности и оценки приобретают когнитивный статус, при этом особое место отводится вопросам соотношения понятии ценности и оценки в системе когнитивных процессов.

Н.И. Формановская отмечает, что сознание человека с его отражающей и созидательными способностями охватывает внешний мир и внутренний мир [52, с. 3], т.е. выражение внешнего и внутреннего мира является не только рациональным, но и эмоциональным процессом. В связи с чем выделяются три основы оценочной категоризации: *чувственная, рациональная и эмоциональная*.

Чувственная оценка напрямую связана с восприятием мира посредством органов чувств (*вкусный – невкусный, горький – сладкий, ароматный – безвкусный*).

Под *рациональной оценкой* подразумевается оценивание объекта, согласно уже существующим нормам и стандартам в данном обществе, которые, в свою

очередь, могут иметь разный характер: *правовой, этический, эстетический, интеллектуальный, функционально-практический* и т. д.

Эмоциональная оценка предполагает восприятие объектов окружающего мира относящихся индивидуально к человеку и являющихся они важны для него. Тем самым эмоциональная оценка чаще всего носит сугубо субъективный характер и связана с психологическими особенностями восприятия человеком окружающей его действительности [52, с. 10-14].

А. И. Приходько считает что, оценке присуща когнитивность, в связи с чем, отмечается ее логико-содержательная соотнесенность [49, с. 92]. Согласно ее мнению процесс оценивания тесно взаимосвязан с познанием, потому оценка всегда присутствует в процессе познания. Соотношение познания и оценки, являясь сложным по природе, относится к исследованиям когнитивной лингвистики, которая включает регулирующие и структурирующие процедуры речевого восприятия. Таким образом, когнитивный подход, который изучает связь между языком и мышлением, идеально подходит для рассмотрения оценки, так как изучает ее с точки зрения когнитивной деятельности человека.

Г.В. Колшанский, подчеркивая когнитивную сущность оценки, утверждает, что: «...поскольку высказывание всегда есть продукт мышления субъекта, оно изначально детерминировано как субъективный акт и по форме, и по содержанию. Познавательный акт уже по своей природе содержит так называемый оценочный момент, который и есть не что иное, как произведенная субъектом мыслительная операция над предметом высказывания... Оценка содержится повсюду, где происходит соприкосновение субъекта познания с объективным миром» [53, с. 142].

По определению русского ученого Н.Н. Болдырева, язык наряду с тем, что по своему содержанию участвует в обработке объективных знаний об окружающей действительности, уже включает оценку, то есть язык как заложенная в человеке когнитивная способность выполняет центральную роль в обработке, хранении и передаче не только разнообразных типов объективных знаний о мире, но и значений оценочного характера [39, с. 103]. Это говорит о том, что оценка, как часть человеческого мышления, всегда присутствует в сознании говорящего и активно участвует в процессе обработки знаний, а также их хранении и передаче во время познания окружающего мира.

Н.Н. Болдырев разработал в своих трудах теорию оценочной концептуализации и оценочной категоризации. Он интерпретирует оценочную концептуализацию как результат оценочных концептов, в семантическую структуру которых входит оценка, формирующаяся в познании окружающей действительности как результат и оценка. [39, с. 104]. Согласно мнению ученого, *концепты* создаются на основе опыта осмысления, интерпретации и взаимодействия с окружающим миром.

Исследуя оценочную концептуализацию, Н.Н. Болдырев выделяет когнитивные и языковые механизмы образования оценочных смыслов. Оценочная категоризация рассматривается автором как способ познания мира и определяется как объединенные по оценочному признаку объекты и явления в соответствии с классами и категориями [54]. Тем самым, автор выделяет

статический и динамический аспекты оценочной категоризации. Человек повседневно, сталкиваясь с разными явлениями, ситуациями, которые вызывают определенные эмоции, реакции, впоследствии оценивает их. Соответственно, классификация и категоризация предметов и явлений образуется согласно оценочным категориям и признакам. Указывая на различия между оценочной категоризацией и концептуализацией, Н.Н. Болдырев считает, что оценка происходит через коллективный универсальный и личный опыт и знания человека, так как каждый дифференцированный уровень оперирует различными способами восприятия. [39 с. 106]. Основанная на *шкале мнений и оценок*, оценочная категоризация выражает соответствие или несоответствие характеристик оцениваемого предмета данной шкале посредством оценочных языковых единиц [55].

Согласно исследованиям М.В. Никитина, мыслительная деятельность совершается на уровне и в форме оценок. Рассматривая оценку как функцию сознания, ученый также указывает на ее связь с основными когнитивными процессами, такими как концептуализация и категоризация. По мнению ученого, когнитивная функция оценки в языке реализуется в «когнитивных оценках». Когнитивная оценка, в свою очередь, имеет ряд целей, которые ориентированы на установку выявления одного из признаков денотата, например, наличие определенной ситуации, связанной с денотатом; его класс; идентификация конкретного денотата; наличие некоторого состояния или признака; количество денотатов или меру того или иного признака и другие [56, с. 15].

А. В. Руденко подчеркивает значимую роль в оценочной категоризации этнокультурных и социокультурных факторов, объясняя это тем что «...в обществе существуют определенные социальные нормы, которые определяются различием между положительными и отрицательными факторами, релевантными для носителей данной культуры, что, несомненно, отражается в процессе категоризации мира с ценностной точки зрения» [57, с. 68].

Аналогичного мнения придерживается Е.А. Кузьмина, которая предлагает рассматривать оценочные категории как особые форматы знания, в основе которых лежит понятие нормы, которая служит точкой отсчета для дальнейшего отнесения объекта или явления к категориям хорошо/благо или плохо/зло [58, с. 327]. Тем самым, социальная норма является стандартом поведения, развитого общественным сознанием, которое учитывается при оценочной категоризации на основе понятий *хорошо/плохо*, а также других оценочных явлений, которые выражают ценностное отношение личности к предметам, наделяя их положительными или отрицательными качествами.

Рассуждая о взаимосвязи норм и оценок, Г. Х. фон Райт отмечает, что нормы с логической точки зрения по своей сущности представляют оценки, хотя оценки в отличие от норм вполне существуют независимо от них.

Некоторые авторы рассматривают когнитивные аспекты оценки во взаимодействии со стереотипизацией (А.И. Приходько, Р.М. Фрумкина), которая представляет собой идеализирующую человеческим сознанием деятельность, которая в итоге формирует стереотип, в связи с этим всегда

предлагаются образцы с готовыми критериями, характеристиками, стандартами [49, с. 61]. Это обусловлено тем, что в повседневной жизни человек не всегда может точно определить нормы, ценности либо традиции, иногда случаются жизненные ситуации, в которых человек, не имея достаточную информацию, затрудняется сделать правильный выбор. В таких случаях для принятия правильного решения человек ведет себя соответственно определенным установленным стереотипным образам, стандартам, моделям, которые уже заложены в его сознании. Однако, согласно некоторым исследованиям, различаются стандарты определенные, расплывчатые, а некоторым объектам вообще не свойственно иметь стандартов. Тем не менее, если бы не было оценочных стереотипов, которые имеют общие стандартные признаки для большинства, то соответственно было бы невозможным сопоставление единиц, которые расположены на оценочной шкале (В.Н. Телия, S.G. Pulman, А.И. Приходько).

Стереотипы, в свою очередь, являясь уже существующими когнитивными структурами в сознании человека, имеют отношение к *картине мира*. Такую картину мира согласно З.Д. Поповой и И.А. Стернина предлагают называть когнитивной, так как она является результатом познавательной деятельности. Соответственно, представляя собой результат когнитивной деятельности, картина мира базируется на комплексе установленных знаний и навыков коцептосферы [46, с.36-37]. Следовательно, когнитивная картина мира согласно ученым, является единым комплексом стереотипов и коцептосферы установленные культурой в сознании человека сознания [46, с. 37].

Таким образом, согласно антропоцентрической природе оценки в современных лингвистических исследованиях, каждый объект либо предмет оценивается в сознании субъекта, иначе говоря в познавательном процессе окружающего мира неизбежно оценивается действительность, которая впоследствии приводит к формированию и отражению субъективного мнения.

Оценка, как лингвокогнитивная категория, в рамках когнитивных исследований изучает ценностные свойства объективной действительности, содержит информацию об оценочных стереотипах, нормах и стандартах, а также обобщает познания об окружающем мире, отражая субъективную и объективную действительность. В связи с этим, оценка является когнитивной, а также категорией, которая образует семантику языковых единиц и прагматическое применение их в речи. Следовательно, принимая во внимание цели сообщения отправителя, наличие адресата, расширяет оценочные суждения за пределы семантики в сферу прагматики, что указывает на необходимость развития прагматического подхода к понятию оценки.

В зарубежной лингвистике М. Беднарк рассматривает оценку в медиадискурсе, которая основывается на тех же критериях, как *хорошо/плохо, важно/неважно, возможно/нужно, истинно/ложно*, которые характерны для логической трактовки где оценка является суждением о ценности предмета, о соответствии или несоответствии его качеств каким-либо ценностным критериям (*хорошо / плохо, добро / зло, важно / неважно, истинно / неистинно, полезно / вредно* и т. д. [59]).

В более поздних работах М. Беднарек описывает двенадцать параметрических свойств оценки, которые состоят из разных измерений и относятся к различным зонам шкалирования от большего к меньшему. Эти параметры были выделены автором для того, чтобы говорящие могли оценивать аспекты мира. Каждый предложенный параметр различен по своему характеру и включает разные измерения, по которым проводится оценка.

1) *Оценка понятности*: связана с тем, насколько авторы в новостном дискурсе оценивают объекты, ситуации, состояние дел, которые находятся в пределах или за пределами их понимания. В какой степени понятна или проста, насколько непонятна или трудна, т. е. понимание от более или менее понятных до более или менее непонятных.

2) *Параметр эмоциональности*: насколько позитивно или негативно это выглядит, данный параметр связан с оценкой автора, с позиции выражения одобрения или неодобрения, в диапазоне от более или менее положительных до более или менее отрицательных.

3) *Параметр ожидаемости*: насколько ожидаемой или неожиданной это выглядит? Параметр ожидаемости состоит из оценки автора как более или менее ожидаемые или неожиданные.

4) *Параметр подлинности*: насколько реальна, истинна и достоверна или насколько фальшива, ложна и искусственна?

5) *Параметр важности*: насколько важно или насколько неважно это выглядит? Параметр важности связан с оценкой мира в соответствии с субъективной оценкой говорящего, с точки зрения важности, значимости, актуальности и т.д. Данный параметр расположен по шкале от более или менее важного до более или менее неважного.

6) *Параметр необходимости*: насколько это необходимо или нет? Параметр необходимости включает в себя оценку автора с выражением от более или менее необходимого до более или менее ненужного.

7) *Параметр возможности*: насколько это возможно или невозможно? Параметр возможности вытекает из авторской оценочной модальности, что более или менее возможно до более или менее невозможного.

8) *Параметр надежности*: насколько вероятно или насколько маловероятно, что это произойдет? Параметр надежности связан с вопросами надежности, уверенности и определенности, куда входят пять оценочных значений: поддельный, средний, высокий, длинный, низкий,

9) *Параметр причинности*: каковы причины и каковы последствия?

10) *Источник, - параметр доказательства*: как мы узнаем? Параметр доказательства относится доказательствам оценки автора.

11) *Источник - параметр стиля*: как это было сказано источниками? Оценки стиля относятся к оценкам автора, к примеру, комментариев о том, как была представлена информация.

12) *Психическое состояние*: какое психическое состояние приписывают актерам новостей? Параметр психического состояния имеет дело с выводами автора о психических состояниях третьих лиц [60]. Таким образом, мы можем отметить, что выделенные оценочные параметры, прежде всего, имеют

непосредственное отношение к стандартам, нормам и ценностям, в соответствии с которыми оценивается ситуация. Например, авторы могут оценивать обстоятельства, положения, случаи, новости, информацию и др. как позитивные или отрицательные, ожидаемые или неожиданные, важные или неважные, достоверные или ложные, возможные и невозможные, надежные или ненадежные и т. д. на базе оценочных критериев согласно установленным нормам и стандартам.

1.2.2 Прагматическая сущность оценки

Оценка универсальна тем, что пронизывает все деятельности человеческого сознания и существование в целом. Соответственно, оценочное действие является как когнитивной, так и прагматической по своей природе. Верно отмечает Е.С. Кубрякова, «...именно когнитивная лингвистика в связи с современной прагматикой обогатит наши представления об оценках и эмоциях» [61, с. 5-6].

Согласно некоторым теоретическим предпосылкам, оценка представляет собой сущность, которая является началом развития лингвистической прагматики [62, с. 254]. Тем не менее, начало прагматического подхода к оценке было заложено представителями теорий речевых актов. Ими было отмечено что коммуникативное назначение оценочных высказываний не состоит в описании мира (для этого служат дескриптивные высказывания), а состоит в том, чтобы выражать эмоции и отношения между участниками коммуникации.

Западными представителями прагматического подхода было отмечено, что употребление различных видов оценочных высказываний определяют не только вкусы и предпочтения, решение и выбор говорящего, которые выступают в основе критических текстов. Оценочные языковые единицы являются основой таких высказываний, как совет, выговор, предупреждение, убеждение, разубеждение, поощрение, осуждение, повышение по должности и дисквалификация. Тем самым, можно проследить тесное взаимодействие оценочных значений во всех отмеченных выше высказываниях [28, с. 63]. Оценочные высказывания представляют собой особую форму прагматических речевых действий, в совокупности со свойственными иллокутивными интенциями, нацеленных на формирование у адресата определенных эмоциональных реакций как одобрения, так и порицания в процессе коммуникативного акта [63, с. 182].

Согласно Н.Д. Арутюновой, оценочные элементы являются проявлением речи. Оценочное значение влияет на адресата, а через него и на ход практической жизни [14, с. 183], и таким образом, оценка отражает прагматическую функцию.

Н.Е. Кузнецова и Е.В. Шевченко также подчеркивают прагматическую направленность оценки, определяя ее как «процесс и результат определения субъектом степени значимости объекта с учетом способности последнего удовлетворять те или иные потребности и интересы субъекта, т.е. определения прагматической значимости объекта» [64, с. 71].

М.В.Никитин отмечает, что прагматический потенциал оценивания содержится в оценочных бинарных оппозициях *хорошо – плохо, приятно – безразлично – неприятно* [65, с. 20].

Таким образом, можно отметить, что основная цель оценочных высказываний заключается в формировании мнения, которое имеет воздействующий характер на других лиц. Как отмечает Ч. Стивенсон, воздействующая функция оценки предназначена для воздействия на адресата, т.е. оценка нацелена на формирование определенного психологического состояния у адресата, тем самым способствует выражению прагматического намерения ситуации общения [66, с. 217]. В определении Ч. Стивенсона есть ограничение в передаче оценочных высказываний психологическим состоянием говорящего на адресата, однако отсутствует упоминание о реакции получателя информации. Согласно мнению Ч. Стивенсона, концепция оценочного значения является основой теории эмотивности. Общеизвестно, что эмотивность является компонентом семантической структуры слова, который проявляется в виде эмоции. Хотя, по мнению Ф.Р. Авазбакиевой, есть различные ситуации, когда речь сопровождается только эмотивностью либо оценочностью, а иной раз способна выражать и то, и другое [67, с. 171].

Тем не менее Н.А. Бигунова отмечает, что причинно-следственные отношения выступают связующим звеном эмоции и оценки [68, с. 54]. Данная связь хорошо прослеживается в следующем определении А.И. Приходько и А.Ф. Артемовой, в котором, в процессе мышления оценка участвует в выражении т. е. оценивании определенного объекта, то в этом случае, эмоция будет выступать как переживание этого процесса, этой мысли [69, с. 7]. Тем самым, мы видим, что в процессе коммуникации оценка может сопровождаться эмотивностью.

В лингвистических исследованиях чаще встречается разграничение понятий эмотивности и эмоциональности. К примеру, В. И. Шаховский трактует «эмотивность как важнейший компонент прагматики языка, так как наиболее ярко воплощает в себе его воздействующую функцию: словесные и несловесные эмоциональные реакции наиболее чутки к эмоциональным стимулам, в роли которых могут выступать и эмотивы – специальные средства всех этажей языка» [70, с. 5].

По определению М.С. Ретунской, эмотивность проявляется в процессе языкового отображения эмоций посредством разных уровней языка, в том числе лексического, который не только связан с выражением эмоционально-оценочного отношения отправителя речи, но и направлен на создание у слушателя эмоционального резонанса [71, с.10].

В определении А. В. Кунина «эмотивность – это эмоциональность в языковом преломлении, т.е. чувственная оценка объекта, выражение языковыми или речевыми средствами чувств, настроений, переживаний человека» [72, с. 149].

Таким образом, анализируя выше приведенные толкования эмотивности, можно отметить, что взаимосвязь между оценкой и эмотивностью

прослеживается в том, что оценка, являясь обязательным компонентом эмотивности, в речи человека проявляется его эмоциональным состоянием.

Как отмечает М. Хэллидей в своем труде «*Learning How to Mean*»: «*After expressions of desires and needs, the linguistic manifestation of emotion and evaluation is probably one of the most basic functions of language. One of the aspects of language that we make use of every day is the expression of our own emotions and the evaluation of persons and objects around us*» [73, с. 75]. Основная мысль М. Хэллидея сводится к тому, что после выражения желаний и потребностей лингвистическое проявление эмоций и оценки, вероятно, является одной из первичных функций языка. Одним из аспектов языка, который мы используем повседневно, является выражение наших собственных эмоций и оценки людей и объектов вокруг нас.

В действительности, ежедневно, сами того не замечая, мы выражаем свое отношение ко всем окружающему нас объектам и людям через эмоции и оценку. Видимо, по этой причине в отношении эмоционально-оценочной лексики применяют также термин *экспрессивная лексика*.

Само понятие *экспрессивности* подробно рассматривается в научных трудах Н. А. Лукьяновой, В. Н. Цоллер, В. И. Шаховского, Е. М. Галкиной - Федорук, В. Н. Телия, И. А. Стернина, И. В. Арнольда.

Экспрессивность – это комплекс семантико-стилистических свойств языковой единицы, которые способствуют ее выступлению в коммуникации как способ реализации субъективной позиции адресанта по отношению к адресату [74, с. 591]. Следовательно, экспрессивность тоже можно отнести к прагматическим аспектам, так как она являясь семантико-стилистическим признаком слова, возникает в процессе общения, т.е. в определенном коммуникативном акте. Нельзя не отметить тесную связь эмоциональности, эмотивности, экспрессивности с «оценочностью», наряду с понятием, оценкой. Иначе говоря, все вышеперечисленные явления взаимосвязаны и дополняют друг друга. Довольно сложным является представление эмоциональности и эмотивности без оценочности, так как чаще они выражаются с помощью оценки, тем самым позволяя говорить об эмоционально-оценочном составляющем значения.

В процессе коммуникативного акта оценочно-эмоциональные высказывания обретают дополнительные смыслы. В этом плане, роль экспрессивности увеличивается и выступает как интенсификатор выразительной речи (В.Н. Телия, А.О. Крылова), который автор использует для целенаправленного воздействия на адресата.

Экспрессивность как определяет И.В. Арнольд, предназначен для усиления выразительности всего текста или его фрагмента, в результате которого смысловое содержание передается с особой эмоциональной интенсивностью [75, с. 15]. Следовательно, можно отметить, что экспрессивность имеет свойство усиливать заложенный в нем смысл.

О. А. Крылова отмечает, что экспрессивной считается та речь, которая характеризуется эмоционально-оценочной и образной коннотацией. [76, с. 85].

В связи с этим, как мы отметили выше, порой является сложным дифференцировать эмоциональный и экспрессивный оттеночный смысл языковой единицы, вследствие чего появляется эмоционально-оценочная лексика.

С другой стороны, существует мнение, что, несмотря на взаимосвязь между явлениями *эмоциональности* и *оценочности*, их нельзя считать идентичными, не существующими отдельно друг от друга, так как, согласно некоторым исследованиям (И.А. Солодилова, И.В. Шепеля), оценки вполне могут проявляться изолированно от эмоции. Случай, когда некое эмоциональное содержание не содержит оценки, можно рассматривать как пример проявления нейтральной оценки [77, с. 85].

Мы согласны с мнением Н.Д. Арутюновой, что оценка, как и экспрессивность, является наиболее ярким представителем прагматического значения» [14, с. 5] и наиболее трудно определимым его типом, так как оценка максимально зависит от контекста. Таким образом, согласно автору, то значение слова, которое приобретается в речи принято называть прагматическим [14].

М. М. Бахтин также отмечает, что оценка рождается в процессе живого употребления в определенном контексте. Само слово или даже предложение, будучи значащими единицами языка, по исследованиям М. М. Бахтина, «...обладают законченностью значения и законченностью грамматической формы, но эта законченность значения носит абстрактный характер и именно поэтому и является такой четкой; это законченность элемента, но не завершенность целого» [78, с. 262-263]. Под *целостностью* автор подразумевает контекст, который является окружением определенного предложения, в котором оно обретает свой целостный смысл. Другими словами, контекстом является целое высказывание. Определяя высказывание как активную позицию говорящего в той или иной предметно-смысловой сфере, М. М. Бахтин выделяет несколько моментов.

Во-первых, это выбор языковых средств и речевого жанра, который определяется предметно-смысловыми заданиями (замыслом) речевого субъекта (или автора).

Во-вторых, это экспрессивный момент высказывания, т. е. субъективное эмоционально-оценивающее отношение говорящего к предметно-смысловому содержанию своего высказывания. Согласно автору, «...экспрессивный момент в зависимости от разных сфер речевого общения имеет различное значение и разную степень силы, абсолютно нейтральное высказывание невозможно. Оценивающее отношение говорящего к предмету своей речи (каков бы ни был этот предмет) также определяет выбор лексических, грамматических и композиционных средств высказывания». Однако автор не отрицает, что «...в случае, когда слово произносится с экспрессивной интонацией, выражая похвалу, одобрение, восхищение, порицание, брань то это уже не слово, а законченное восклицательное высказывание, выраженное одним словом (нет никаких оснований развертывать его в предложение)» [78, с. 159-206], например, Excellent!, Wonderful!, Amazing!, Terrible!, Awful!.

Таким образом, в языке оценка выражается как словом, так и целым высказыванием и проявляется в виде оценочных суждений. Под *оценочным суждением* нами понимается высказывание, где выражается положительная или отрицательная позиция субъекта оценки к окружающей действительности. Следовательно, основная задача прагматики состоит в формулировании правил употребления слов и их адекватного применения. В процессе говорения актуализируются как значение слова, так и большое количество прагматических смыслов.

В интерпретации оценочных предикатов очень важна целостная информация, которая относится ко всем элементам в тексте. Оценка зависит не только от субъекта, но и от времени. В первом случае оценка выражает личное мнение и предпочтение говорящего, а во втором случае при интерпретации важно учитывать время. К примеру, хороший мобильный телефон, произведенный в 90 –х годах, не соответствовал бы требованиям, предъявляемым на современном этапе. Также для оценки характерна социальная обусловленность. Ее выражение зависит от норм и стандартов, принятых в том или ином обществе.

Таким образом, подчеркивая когнитивно-прагматическую сущность оценки, исследователи характеризуют оценку как особое языковое явление, выражающее в речи эмоциональное отношение, вызванное сложившимся мнением о предмете высказывания, и связанное не только с мыслительной деятельностью, но и коммуникативной деятельностью человека. Соотнесенность оценки с конкретной коммуникативно-речевой ситуацией порождает особый тип высказывания – оценочно-эмоциональное высказывание, построенное на базе оценочного суждения, которое и является субъективной оценкой автора.

1.2.3 Эксплицитное и имплицитное выражение оценки

В рамках исследовательского материала не менее важным представляется актуализация оценки как эксплицитно, так и имплицитно. Данное дифференцирование может быть обосновано не только коммуникативным намерением адресанта, но и выражением интенсивности высказывания.

«Деление языковых значений (смыслов) на скрытые (имплицитные, неявные) и явные (эксплицитные) вызвано, прежде всего, стремлением подчеркнуть существование языковой возможности выражения смыслов различной степени экспликации. Можно говорить о достаточной условности этой дихотомии, о существовании шкалы переходности в выражении тех или иных значений» [79, с. 8].

Согласно Л.А. Нефедовой, под эксплицитностью подразумевается явная, открыто выраженная репрезентация определенного смыслового содержания, в то время как имплицитность не имеет полного вербального изложения, и распознается на основе эксплицитного [80, с. 20].

Л. Ю. Мирзоева отмечает роль различных специализированных средств, таких как: слов с определенной коннотативной окрашенностью, фразеологических единиц, различных типов синтаксических структур,

стилистических выразительных средств, интонации, а также целого объема оценочных текстов и жанров с аксиологической спецификой при выражении эксплицитной оценки. Имплицитная оценка включает различные виды намеков, ассоциативных слов в рамках тестового образования [47, с. 6].

Согласно Л.Г. Кайда, «позиция автора – это социально оценочное отношение к фактам, явлениям, событиям. В лингвистическом плане оценочная позиция автора выражается в подчинении всех языковых средств основной коммуникативной установке, в их совместно с композиционными приемами, целенаправленном использовании для усиления воздействия текста на читателя» [81, с.58]. Это говорит о том, что любое коммуникативное высказывание автора, его позиция всегда включает явную или скрытую оценку, даже в том случае, будь это простым изложением события.

Дифференциация между эксплицитной и имплицитной оценкой также рассматривается в работах П. Уайта. Эксплицитная (*inscribed/explicit*) оценка является открыто вписанной в текст через выбор словаря [82, с. 6], то есть, с помощью явно оценочных наречий, таких как *justly, fairly*; прилагательных, как *corrupt, dishonest*; существительных, как *a cheat and a liar, a hero*; и глаголов, как *to cheat, to deceive* [82, с. 6]. Если рассматривать на материале нашего исследования, например,

“I think Brexit is madness,” she said. “I don’t think they needed to come out of the EU. It is very sad that Brexit is destroying the UK. We have been affected by this uncertainty. There is so much uncertainty and we just wanted to go home.” [83].

В данном фрагменте можно проследить явно-выраженную, негативно-оценочную позицию автора к процессу Брексита. Негативная оценка передается с помощью отрицательных существительных *madness – безумие, uncertainty – неопределенность*, глаголов *to destroy – разрушать, to affect – влиять*, а также интенсификаторов *very-очень, so much-так много*, которые усиливают негативную позицию автора. Тем самым, эксплицитная оценка выражена в языке посредством отдельных оценочных языковых единиц, в которых уже заложены отрицательные значения. Более того, большинство значений оценки шкалируются по мере интенсивности, так как они расположены где-то на клине между высокими и низкими степенями. Эксплицитные интенсификации сгруппированы под тремя заголовками:

- *интенсивность* – шкалируемые лексические элементы, такие как наречия, которые оценивают и усиливают значения (*slightly-немного, really-действительно, very – очень*). Приведем еще один пример,

The irony is that the British public appears far more pragmatic about immigration than the government: attitudes towards immigration have become noticeably warmer; with 90% of voters believing immigration is essential so long as its levels are determined by economic need [84].

В этом контексте мы можем наблюдать ироническую ситуацию с негативной оценкой сущности британского общества в сравнении с правительством, отношение которых к иммиграции определяются экономическими потребностями. Для отражения выраженной эксплицитной

оценки были использованы шкалируемые лексические элементы как: *far more* — *гораздо более*, *noticeably* — *заметно*, *so long as* — *до тех пор*.

- *обогащение* – повторение (*снова и снова*- *again and again*) и табуированный набор значений (*черт возьми, это ужасно*-*fuck'N awful*). Например, *Yet this government treats immigrants less and less like human beings* [84]. В данном предложении с помощью повтора *less and less* — *меньше и меньше* эксплицитно выражается негативно-оценочная позиция автора по отношению к правительству, которое все *меньше и меньше* относится к иммигрантам как к людям.

- *мера* – измерения количества и протяженности как в веществе, пространстве и времени (*маленький*-*small*, *большой*-*large*; *легкий*-*light*, *тяжелый*-*heavy*; *мало*-*few*, *много*-*many*; *близко*-*near*, *далеко*-*far*; *немедленно*-*immediately*, *скоро*-*soon*). Однако следует отметить, что шкалирование не ограничивается случаями, когда значение явно или эксплицитно переносится каким-либо независимым, изолирующим лексическим элементом, таким как *очень*, *несколько*, и т.д. Важно также рассмотреть неявное, имплицитное шкалирование. Так, как только мы сталкиваемся с неявной семантикой, мы обнаруживаем, что шкалирование, с точки зрения повышения или понижения интенсивности, действует по всей системе оценки и не ограничивается чем – либо конкретным. Например, для выражения общего аффективного значения *антипатия*, говорящий должен выбрать либо низкое значение (например, *неприязнь*), среднее значение (*ненависть*), либо высокое значение (*отвращение*). Соответственно, некоторая шкала интенсивности (от низкой до высокой) является неотъемлемой частью этой семантики и, когда мы имеем дело с такими смыслами, обязательно понижаем тон или усиливаем. Работа этого неявного шкалирования интенсивности по градуируемым значениям оценки иллюстрируется следующим:

- *вероятность* - возможно / может (низкое значение), вероятно / будет (среднее значение), определено / должна (высокое значение);

- *обязательство* (интерактивные значения) - разрешено/может (низкий), предполагается / будет (средний), требуется / должен (высокий);

- *дополнительное озвучивание* - он предлагает это... (тихо), он так говорит... (медиана), он настаивает на этом... (высокий);

- *внешний вид* - это кажется (низким), это очевидно (высоким);

- *провозгласить* - Я бы сказал ... (низко), я заявляю ... (высокий);

- *эффект* – нравится (низкий), любить (средний), обожать (высокий);

- *суждение* - она выполнила удовлетворительно (низкий), она выполнила хорошо (средний), она выполнила блестяще (высокий);

- *оценка* - привлекательная (низкая), красивая (средняя), изысканная (высокая), незначительная проблема (низкая), главная проблема (высокая) [17].

Имплицитная (*evoked/implicit*) оценка также инициируется символами, т. е. внешне нейтральными, воображаемыми значениями, которые тем не менее имеют способность в культуре вызывать осуждающие реакции (в зависимости от социальной / культурной / идеологической позиции читателя) [82, с. 12]. Следовательно, скрытые оценки в значительной степени зависят от

интерпретации читателя и, кроме того, в значительной степени зависят от контекста. В целом, согласно мнению автора, помимо контекста, оценка может зависеть от общих социокультурных норм и от условных связей между действиями и оценками [82, с.13].

Анализ исследовательского материала подтверждает, что одной из продуктивных форм реализации эксплицитной оценки являются атрибутивные словосочетания, которым характерна нейтральность и стилистическая насыщенность. Последние могут быть разграничены на положительные и отрицательные. Например, следующие словосочетания: как *social agreement*, *political declaration*, *financial settlement*, *immigration system* являются стилистически нейтральными атрибутивными словосочетаниями. В зависимости от определенного контекстного окружения они могут иметь положительную либо отрицательную коннотативную окраску. Это говорит о том, что при контекстном употреблении нейтральные единицы могут приобретать оценочный смысл.

В стилистически окрашенных словосочетаниях оценка содержится в составе атрибутивных словосочетаний. Например, к положительно окрашенным словосочетаниям относятся: *mutual understanding*, *successful resolution*, *sufficient progress*, *friendly position*. К отрицательно окрашенным словосочетаниям можно отнести следующие примеры: *insufficient guarantees*, *disastrous campaign*, *ill-defined scheme*, *massive invasion*, *illegal immigration*, *bad-tempered immigrants*.

Оценка часто содержится в существительных, дающих наименование предметам, явлениям и действиям. Например, такие существительные, как *burden*, *newcomer*, *invasion*, *outsider*, *threat* содержат в себе отрицательную сему, соответственно, попадая в состав атрибутивного словосочетания, могут только усиливать отрицательную оценку, даже в том случае, если сочетаются с нейтральным определением. Следовательно, наряду с отрицательно окрашенными существительными, встречаются и существительные с положительной коннотацией, такие как: *welfare*, *benefit*, *equality*, *harmony*, *hope*, *justice*, которые в составе атрибутивного словосочетания также будут выражать положительную оценку.

Существуют словосочетания, в состав которых входят три компонента, но при этом различные компоненты могут нести оценку противоположенного знака. Например, *Vague but more ambitious relationships*. В этом примере прилагательное *vague* является отрицательным, так как означает что-то неясное, неопределенное, нечеткое. Но тем не менее данное выражение имеет положительную оценку, так как сравнительное прилагательное *more ambitious* - более амбициозный, более масштабный подавляет негативную коннотацию прилагательного *vague*.

С точки зрения восприятия в высказывании оценка, по мнению А.И. Приходько, бывает трех типов: эксплицитная, распознаваемая и имплицитная. Основными критериями для определения выделенных оценок выступают параметры контекста, его объем. [44, с. 289]. С помощью границ контекста можно определить когнитивно-дискурсивный потенциал оценки, который

актуализируется в рамках микроконтекста и макроконтекста. Обычно, эксплицитная, распознаваемая оценка характерна контекстам минимального, либо среднего отрезка. Имплицитная оценка чаще всего реализуется в пределах объемного выражения, т. е. в рамках макроконтекста. [44, с.290].

Имплицитная оценка требует от читателей делать прагматические выводы, которые выходят за рамки того, что сказано в буквальном смысле. Имплицитная оценка может подразумеваться более косвенно, например через высказывание, которое не включает в себя какой-либо явно оценочный язык, но может подразумевать положительную или отрицательную оценку в зависимости от позиции, занимаемой говорящим/слушателем, их ценностей и их фона. Также, если учитывать базовые элементы коммуникативно-прагматической цепочки, *автор, текст и адресат*, которые являются составляющими дискурса, то в этом случае имплицитная информация может быть прежде всего, связана с замыслом автора, его интенцией, далее с природой самого текста, (жанр, специфика) и со спецификой адресата.

Под имплицитной оценкой А.А. Салтыкова понимает ту оценку, которая не явно выражена в речи, в связи с тем что отсутствует в смысловых структурах, значениях слов, тем самым, может быть понята в случае разъяснения ситуации или высказывания [85, с. 39].

Сущность имплицитных смыслов также рассматривается в теории речевых актов, так как определенное высказывание, или речевой акт, является целенаправленным действием. Согласно мнению Г.О. Азылбековой, речевой акт как единица социовербального поведения является интенциональным, преднамеренным речевым действием, который реализуется в единстве с нормами поведения определенной среды или общества и изучается в контексте прагматической ситуации [86, с.91].

Теорию речевых актов, в первую очередь связывают с возникновением идеи перформатива, т. е. высказывание-поступок, который связывает речь с общественной деятельностью человека. В этом плане речь понимается как форма поведения социальной активности человека, управляемая определенными установками. Тем самым, посредством речевых актов выделены характерные нормативные правила для выбора тех или иных языковых средств, а также условия их применения. Эти положения являются гарантией того, что при наличии соответствующих условий высказывание приравнивается к выполнению конкретного действия. Таким образом, принцип теории речевых актов вытекает из того, что базовой единицей коммуникации является совершение определенного поступка либо действия, к примеру, приветствия, выражение обиды, просьба, вопрос. Все это относят к речевым актам. Ранее вышеназванные действия как совет, обещание, просьба, приказ, и т.д. были отмечены Л. Витгенштейном как «бесчисленные» функции слов [87].

Позднее Дж. Остин, обосновывая теорию речевых актов на принципе деятельности, отметил, что высказывание может быть сказано не только сообщением информации, но и породить множество других действий [88, с. 94]. Ученым выделяются три типа речевых актов:

- локутивный акт непосредственно акт говорения;

- иллокутивный, речевой акт, имеющий коммуникативную цель говорящего, или как его называют, внутренняя цель;
- перлокутивный акт, предполагает не только целенаправленность, а также отражает воздействие на адресата с достижением определенного результата [88]. В речи все три типа совершаются одновременно.

Дальнейшее развитие речевых актов наблюдается в трудах Г. П. Грайса, разработавшего механизмы импликации речи. Согласно постулатам Г. П. Грайса, для того чтобы уловить смысл говорящего, слушатель должен полагаться на значение произнесенного предложения, контекстуальные предположения и «принцип кооперации» (*cooperative principle*), которые говорящие должны соблюдать. Ученым было поставлено четкое различие между тем, что сказано высказыванием (т. е. значение вне контекста), и тем что подразумевается высказыванием (т. е. значение в контексте). Принцип кооперации гласит, что говорящие вносят свой вклад в разговор, который является кооперативным, то есть в процессе определенного разговора участники стремятся к сотрудничеству. Принцип кооперации выражается в четырех максимах, которым должны следовать участники коммуникации.

1. Максимумы просят говорящего сказать то, что они считают истиной (качество);
2. Быть максимально информативным (количество);
3. Произнести высказывание в соответствующей точке взаимодействия (релевантность);
4. Произнести высказывание соответствующим образом (манера).

Максимумы - это, в некотором смысле, идеалы, и Г.П. Грайс привел примеры нарушений максимум по разным причинам. Нарушение максимумы может привести к тому, что говорящий передаст, помимо буквального значения высказывания, дополнительное значение, которое не способствует истинностно-условному содержанию высказывания, что приводит к разговорной импликации. Импликатуры, таким образом, являются выводами, которые могут победить буквальный и композиционный смысл [89].

Таким образом, учитывая принцип кооперации Грайса, мы можем сказать, что говорящий в процессе определенного речевого акта, прежде всего, принимает во внимание понимание со стороны адресата, так как участники больше всего заинтересованы в успешности коммуникации и достижении взаимопонимания. Тем самым, успешность коммуникативного акта будет зависеть от соблюдения принципа кооперации, которому должны следовать участники. Однако, когда речь идет о косвенных речевых актах, которые содержат оценочные суждения, то принципы кооперации могут быть нарушены, несоблюдением лексических или грамматических правил.

К основным способам формирования скрытой оценки можно отнести синтаксические средства, а также стилистические приемы, такие, как метафоры, метонимии, перифразы, эвфемизмы, противопоставления, сравнения, аллюзии, иронии и т.д., которые отражают оценочные суждения автора и способны повлиять на формирования массового сознания. Например,

A blind Brexit could prolong business uncertainty and provide insufficient guarantees to protect jobs, the economy and rights. [90].

В этом контексте неопределенность Брексита отражается через прилагательное *blind* - слепой, которое описывает последствия данного явления, которые ведут к продлению неопределённости в бизнесе и недостаточным гарантиям для защиты рабочих мест, экономики и прав. Тем самым, “*A blind Brexit*” является метафорой, хотя прилагательное *blind*, согласно словарным значениям используется по отношению к живому, то есть к людям и животным: *a blind man, a blind animal*.

Таким образом, имплицитная оценка более характерна для современной прессы, так как для создания определенного общественного мнения, использование скрытой оценки, полагает «ненавязчиво навязать» адресату конкретные цели [91]. Скрытая оценка, по мнению Н.И. Клушиной является «манипулятивной стратегией утверждения определенных идей на суггестивном, т.е. подсознательном уровне» [91, с.151]. Следует отметить, что имплицитная оценка, являясь неотъемлемой частью дискурса, работает на уровне подсознания для достижения конкретных поставленных целей, в результате которого у адресата складывается ложное личное мнение или выбор, который был принят под влиянием авторского воздействия.

Выводы по первому разделу

На сегодняшний день в исследовании оценки выделяются основные подходы, непосредственно способствовавшие ее развитию, такие как функционально-семантический, прагмалингвистический, коммуникативно-прагматический и когнитивный, в основе которых лежат ранние теории, разработанные в области логико-философских концепций, сформированных на общих представлениях о добре и зле, а также этических понятий норм и ценностей. В более поздних трудах логико-философского направления (Г.Х. фон Райта, Н.Д. Арутюновой, А.А. Ивина, З.К. Темиргазиной) раскрывается сущность оценки как логической категории, оценка понимается как ценностное высказывание по отношению к объекту. Выявляются базовые элементы категории оценки, которые непосредственно составляют основу оценочной структуры, такие как субъект оценки, объект оценки, основание оценки и характер оценки (положительная или отрицательная). Выделяются основные классификации и виды оценок (классификация Г. Х. фон Райта, состоящая из шести видов *добра*, по различным сферам деятельности, общие и частные оценки Н.Д. Арутюновой). Большинство логико-философских концепций внесли значительный вклад в дальнейшее развитие теории оценки в современных лингвистических исследованиях.

Функционально-семантический подход рассматривает оценку как языковую категорию в лингвистическом аспекте. В русле данного направления выявляются основные лексико-семантические связи, а также языковые способы и средства реализации категории оценки на разных языковых уровнях, таких как фонетический, морфологический, лексико-семантический, синтаксический. С лингвистической точки зрения категория оценки выражает субъективное

отношение адресанта к объекту действительности. В связи с этим, учитывая преимущественное влияние антропоцентрического подхода, во главе которого находятся человек и его интересы, оценка выражает позицию говорящего как субъекта в познании объективного мира. В рамках данного подхода, оценка понимается как модальная рамка, которая включает также шкалу оценки и стереотипы. Помимо базовых элементов, структура оценки расширяется факультативными компонентами, такими как: мотивировки, классификаторы, интенсификаторы, деинтенсификаторы.

В рамках коммуникативно-прагматического подхода, рассматривается коммуникативная функция оценки, мотивированная прагматической интенцией адресанта. В данном направлении большую роль играет субъект речи, его обращение и действие, которые содержат воздействующий эффект, отражая эмоциональное состояние адресанта в достижении поставленной цели, к примеру, расхваливать или критиковать, одобрять или осуждать и т. д. Следовательно, главная коммуникативная задача оценочных высказываний состоит не столько в передаче информации, сколько в воздействии и влиянии на адресата с таким намерением, чтобы впоследствии было возможным изменить прежнюю позицию адресата и побудить к определенным действиям.

Категория оценки в рамках когнитивно-прагматической концепции является многоплановой, так как является сложным коммуникативным актом. С когнитивной позиции, оценка, будучи познавательной системой участвует в оценочной концептуализации и категоризации объективного мира, как когнитивная деятельность. С прагматической точки зрения, оценка - коммуникативная категория, которая характеризуется постоянным действием, и является эффективным средством воздействия на адресата. Тем самым, необходимость изучения оценки как когнитивно- прагматического явления, прежде всего, обусловлено интенциональным влиянием на мыслительную деятельность участников коммуникативного акта, намереваясь изменить существующий образ в сознании адресата, сквозь призму оценочного суждения. Человек в процессе познания окружающей действительности формирует определенный взгляд на тот или иной объект познания, в результате которого складывается оценочное суждение. Следовательно, определяется положительное либо отрицательное понимание по отношению к оцениваемому объекту.

В русле когнитивно-прагматического направления оценка участвует в создании когнитивной картины мира, в соответствии нормами, ценностями, образами и стереотипами, уже ранее заложенными в сознании. Роль оценочных стереотипов отмечается его необходимостью в создании когнитивной картины мира, созданной существующими когнитивными структурами заданных культурой.

Прагматическая сущность оценки рассматривается наряду с эмотивностью, эмоциональностью и экспрессивностью. Часто эти понятия трактуются синонимично, в том плане, что в непосредственной реакции к объекту имеет место возникновение всех этих свойств. В результате появляются такие лексические сочетания, как эмотивно-экспрессивная, эмоционально-оценочная,

оценочно-экспрессивная (лексика, значение, коннотация, воздействие, влияние и др.). Тем не менее, оценка, вполне может проявляться изолированно без наличия эмоции и экспрессивности, данный случай можно рассматривать как пример проявления нейтральной оценки.

Таким образом, сложная структура и междисциплинарный характер категории оценки обуславливается ее формированием на стыке философии, логики, аксиологии, лингвистики, прагматики, и когнитивистики.

Важную роль играет дифференцирование эксплицитности и имплицитности в категории оценки. Такое разграничение связано с рядом условных причин. Прежде всего, это связано с языковой возможностью реализации оценочных смыслов различной степени интерпретации, далее коммуникативным намерением адресанта, а также выражением интенсивности высказывания. В плане выражения интенсивности высказывания, эксплицитная оценка реализуется различными интенсификаторами на оценочной шкале. В целом, по сравнению с эксплицитной оценкой, имплицитная оценка вызывает больше научного интереса у исследователей, тем что, оценочная смысловая нагрузка, которую содержит имплицитность завуалирована и требует дополнительно фоновых знаний, расширенного контекста, ситуации, общих социально-обусловленных норм у реципиентов, так как работает на уровне подсознания для достижения определенных целей.

II КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ ОЦЕНКИ В СОЦИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННОМ БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

2.1 Медиадискурс как объект лингвистических исследований

В настоящее время в современных лингвистических исследованиях наблюдается рост научного интереса исследователей к изучению эмоционально-оценочных значений на материале определенного типа дискурса, особенно если речь идет о дискурсе СМИ. Согласно А.В. Руденко, возросший интерес к феномену оценки обуславливается системой ценностей, которые представлены как факторы формирующие картину мира говорящего на разных языках, в разных дискурсивно-коммуникативных ситуациях [57, с. 1]. Мы полагаем, что прежде всего, это обосновывается тем, что оценка как признак присуща всем дискурсам средств массовой коммуникации и является их неотъемлемой частью. Во-вторых, широкое применение оценочной позиции тесно связано с одной из основных функций СМИ - воздействия. Наполняя собою пространство дискурса, оценка становится мощным фактором воздействия на адресата, создавая специфическое ментальное пространство вокруг определенных событий, людей, идей, формирующее соответствующее общественное мнение, установки, ценностные ориентиры, модели отношений и поведения, тем самым побуждая аудиторию к определенным действиям.

В современном мире средства массовой информации являются основными источниками, посредством которых освещаются различного рода события, в том числе социально-политические, экономические, образовательные, а также культурно-духовные. В результате СМИ по-своему способствуют развитию не только субъективной картины мира, но и «информационной картины мира» [92, с. 12]. В свою очередь, информационная картина мира представляет собой новую эпоху развития взаимоотношений человека с коммуникативно-информационными технологиями. На сегодняшний день сложно представить существование человечества вне информационной среды. Этот процесс обмена постоянно находится в тесных переплетениях, создавая глобальное информационное пространство для дальнейшего роста взаимодействия различных культур и ценностей. Согласно С.А. Дементьеву, социокультурные изменения в обществе привели к возникновению новых глобальных ценностей, таких как: информационные ценности, новая информационная культура, новые социальные маркеры, новые социальные статусы, которые способствовали созданию глобального информационного взаимодействия, включающего новый субъект или вид человека, который содержит в себе информационные вызовы и риски. Таким образом, важнейшая ценность информационной среды - это информационная безопасность во всем спектре и во всех аспектах безопасности государства, общества и личности [93, с. 187]. Следовательно, стоит подчеркнуть решающую роль СМИ как ключевого фактора в создании информационной картины мира.

На протяжении нескольких десятилетий стремительное развитие коммуникативно-информационных технологий и массовых коммуникаций стало одним из ведущих признаков медиатизированности дискурсов. В связи с чем, в

лингвистике выделяется такое самостоятельное направление, как медиалингвистика, которое нацелено на изучение функционирования языка в области СМИ. Основные понятия, такие как *медиа́тэкст* и *медиа́дискурс*, являются объектами данного направления. В целом труды, посвященные исследованиям дискурса масс-медиа, а также функционированию языка в массмедийном пространстве относят к началу 90-ых годов XX века. В результате различных интерпретации термина *медиа́дискурс* появились различные, относящиеся к нему синонимичные термины, такие как: *дискурс масс-медиа* (Е.И.Шейгал), *массово-информационный дискурс* (В.И. Карасик), *масс-медиа́льный дискурс* (М.Р. Желтухина), *массмедийный дискурс* (Т.Г. Добросклонская). В результате, мы видим, что, основное понятие медиадискурса заложено на общем понимании дискурса. Таким образом, для начала кажется целесообразным определить соотношение медиадискурса с общим понятием дискурса.

Огромный вклад внесли в становление теории дискурса, а также в его дальнейшее развитие исследования зарубежных ученых (Э. Бенвенист, Л. Витгенштейн, Р. Барт, Т.А. ван Дейк, М. Пеше, М. Фуко, П.Серио). Основы дискурс-анализа были заложены в трудах американских ученых З. Харриса, Дж. Граймса, Т. Гивона, У. Чейфа.

В российской лингвистике изучением дискурса занимаются такие известные ученые, как А.Г. Баранов, А.Е. Кибрик, О.В. Александрова, Е.С. Кубрякова, М.М. Бахтин, Н.Д. Арутюнова, И.А. Стернин, Е.И. Шейгал, Г. Г. Слышкина, В. И. Карасик, В. Е. Черняевская, М. Л. Макаров, Ю.С. Степанов.

Среди отечественных ученых, исследующих разные направления теории дискурса, типологию и жанровую классификацию дискурса на современном этапе, можно назвать работы Э.Д. Сулейменовой, Г. Г. Буркитбаевой, А.А. Ахатовой, К.К. Садировой, М.Ш. Мусатаевой, Л.В. Екшембеевой, Г.Г. Гиздатовой А.Ислам. Несмотря на солидную библиографию, в последние десятилетия интерес ученых к исследованиям в области теории дискурса, а также дискурсивного анализа только увеличивается, особенно следует отметить современные исследования, которые ведутся на материале различных языков в сравнительном и сопоставительном аспектах. С одной стороны, существующее огромное количество исследований дискурса позволяет говорить о его сложной и многогранной сущности, характеризующейся множеством признаков. С другой стороны, как отмечает казахстанский ученый В. С. Ли, изучение дискурса нельзя сводить к одному или нескольким измерениям, так как, в языке все его аспекты, включая когнитивные и текстовые находятся во взаимодействии, а также заключается в индивидуальном проявлении применения языковых особенностей [94, с. 86].

Первоначальные трактовки дискурса, в основном, сводились к понятию текста и высказываний. Например, «*Discourse is any connected linear material, whether language or language like, which contains more than elementary sentence...*», т.е. последовательность высказываний, будь то язык или языку подобный, который содержит больше, чем предложение [95, с.5], либо «*language above the sentence or above the clause*», язык выше уровня

предложения или словосочетания [96, с.1]. «*The organization of connected text beyond the level of the sentence*», организация связного текста за пределами уровня предложения [97, с.184]. Представленные толкования дискурса сводятся к тому, что понятие дискурса основано на попытках изучения организации языка выше уровня предложения или фразы и поэтому включает изучение более крупных языковых единиц, в том числе и ту часть общения, которая развернута в устной или письменной форме. Язык не раскрывается в полной мере в словах или предложениях, как это происходит в дискурсе. Тем самым, дискурс может раскрывать смысл и значение, которое не видно в изолированном предложении. В этом случае привлекает наше внимание позиция А.А.Кибрика по отношению к дискурсу как единственному реальному объекту в современных лингвистических теориях. Мнение учёного сводится к тому, что ни предложения, ни морфемы и фонемы, а только дискурсы реализуют коммуникацию между людьми. В этом и заключается отличие дискурса от других языковых единиц, которые являются научными конструктами, результатом определенного аналитического труда, что затрудняет достижение единого согласия в определении их состава и природы. Это еще раз подчеркивает необходимость исследования дискурса для детерминации естественного построения лингвистики как науки [98, с.3]. Следовательно, более поздние лингвистические исследования продвинулись в сторону изучения аспектов языка за пределами предложения, так как язык не может быть изучен в отрыве от реально существующего мира.

Таким образом, последующие формулировки дискурса были основаны на первичных значениях, но более в широком толковании. К примеру, Т.А. ван Дейк определяет дискурс, в широком смысле представляет собой сложное взаимодействие языковой формы, значения и коммуникативного акта, характеризуемое понятиями коммуникативного события или ситуации [99, с. 121-122]. Тем самым автор рассматривает дискурс в рамках коммуникации как вербальную и невербальную коммуникативную ситуацию в высказываниях.

Дальнейшие рассуждения о дискурсе включают эквиваленты соотношения языка и речи, при этом отождествляя понятия дискурса и вербальной речи. Они были представлены в исследованиях французской школы, где дискурс трактуется как:

- эквивалент понятия «речь» в сосюрвовском смысле, т.е. любое конкретное высказывание;
- единица, по размерам превосходящая фразу; высказывание в глобальном смысле;
- воздействие высказывания на его получателя и его внесение в «высказывательную» ситуацию;
- беседа как основной тип высказывания;
- речь, присваиваемая говорящим, в противоположность «повествованию», которое разворачивается без эксплицитного вмешательства субъекта высказывания;
- «противопоставление языка и речи (langue / discours) как, с одной стороны, система мало дифференцированных виртуальных значимостей и, с

другой, как диверсификация на поверхностном уровне, связанная с разнообразием употреблений, присущих языковым единицам».

- обозначения системы ограничений, которые накладываются на неограниченное число высказываний в силу определенной социальной или идеологической позиции;

- высказывание, рассматриваемое с точки зрения дискурсного механизма, который им управляет [100, с.26-27]. Все эти интерпретации дискурса являются неокончательными и еще раз подчеркивают многогранность сущности дискурса.

Н. Д. Арутюнова под *дискурсом* понимает «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными и другими факторами; «как текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемую как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий в когнитивных процессах, речь, погруженную в жизнь» [101, с. 136-137]. Определения, сформулированные автором, более подробно раскрывают все черты, присущие дискурсу, как сложному прагматическому явлению, как в широком, так и в узком понимании.

В нашей работе мы придерживаемся определения, предложенного Г.Г. Буркитбаевой, что дискурс – «...сумма взаимосвязанных лингвистических, когнитивных, экстралингвистических и иных признаков, которые являются непосредственными факторами его продуцирования, функционирования и восприятия» [102, с. 141].

Несмотря на разностороннее изучение феномена дискурса, как мы видим, нет единого мнения в его интерпретации, так как существуют различные подходы к трактовке данного понятия. К примеру, в современных лингвистических исследованиях выделяют основные два направления, в которых изучается дискурс: коммуникативно-дискурсивный и когнитивно-дискурсивный. Как отмечает И. И. Карасик, противопоставление этих подходов приводит к рассмотрению дискурса в области семантики и прагматики [104]. Об этом ранее писал Ш. Балли, что предложения/высказывания в дискурсе вычлняются на основе *диктума* и *модуса*. Пропозитивные компоненты являются диктумной, так как связаны с семантикой дискурса, субъективная часть — модусной, которая имеет отношение к прагматике дискурса. Репрезентация общей информации (семантическая структура предложения) представляется в диктумной части, в то время как модусная часть содержит прежде всего, оценку позицию, субъективную точку зрения адресанта, тем самым способствует выражению эксплицитных и имплицитных смыслов [105, с. 43-48].

Когнитивно-дискурсивное направление, согласно концепции Е.С. Кубряковой и О.В. Александровой, является объединением двух главных направлений когнитивного и коммуникативного подходов, и их эффективное единство [106, с. 19-20]. В русле этого направления дискурс представляет форму использования языка в реальном онлайн режиме, отражающую тот или иной тип социальной активности человека, создаваемую в целях

конструирования особого мира, составляющую часть коммуникативного процесса между людьми [107, с. 525].

Три основных направления было выделено Т.Г. Добросклонской в трактовке дискурса на основе систематизации разработанных исследований: структурный, функциональный и тематический. В рамках структурного подхода дискурс представляет результат речевой деятельности, языковых и экстралингвистических свойств, имеющих непосредственное отношение к производству, распространению, и восприятию [108, с. 45-46]. Согласно коммуникационной модели Шэннона и Вивера, структурный подход включает все ключевые элементы коммуникации:

- отправителя сообщения (1),
- его получателя (2),
- канал (4),
- обратную связь (5),
- само сообщение (3),
- процессы его кодирования и декодирования (6, 7)
- ситуацию общения, или контекст (8) [109, с. 22].

В русле структурного подхода указывается на различие между понятиями, текста, медиатекста, дискурса и медиадискурса. Далее Т. Р. Добросклонская определяет текст, медиатекст и медиадискурс на базе данной коммуникационной модели: «текст — это сообщение, медиатекст — это сообщение плюс канал, а дискурс — это сообщение в совокупности со всеми прочими компонентами коммуникации» [108, с. 46].

Дискурс, с точки зрения функционального подхода, является взаимодействием речевой коммуникации с различной отраслью функционирования, которые детерминируют особенности коммуникативной деятельности [108, с. 47].

Определение дискурса при тематическом подходе способствует объединению письменных и устных текстов как результата речевой коммуникации в рамках определенных социально-обусловленных тематик, которые в определенный момент могут оказаться в центре события, например, расовые дискриминации, иммиграция, терроризм, фашизм, выборы президента [108, с. 47]. Таким образом, выделяя важность трех подходов к явлению дискурса, Т. Г. Добросклонская подчеркивает, что при определении массмедийного дискурса нужно учитывать все три подхода, поскольку только с учетом них, можно представить разностороннюю специфику речевой коммуникации в медиадискурсе [108, с. 47]. Она также отмечает, что очень важно детерминировать роль медиадискурса в русле медиалингвистики, для дальнейшего изучения данного понятия в общей дискурсивной системе [108, с. 45].

Действительно, медийный жанр вызывает большой научный интерес со стороны исследователей массовой коммуникации, семиотиков, лингвистов и дискурс-аналитиков. Это внимание обуславливается нашим осознанием, насколько важны новостные события в нашей повседневной жизни. Большая часть наших социальных и политических знаний и убеждений о мире

проистекает из десятков новостей, которые мы читаем или видим ежедневно. Соответственно, различные виды дискурсов выделяются на базе человеческой коммуникационной сферы и речевой практики. Согласно Г.Я Солганнику, язык СМИ представляет собой одну из наиболее мощных средств среди влиятельных языковых сфер. С годами влияние языка СМИ, по научным наблюдениям только увеличивается [110, с. 8]. Тем самым, исследование языка в области СМИ является одной из важнейших задач дискурсивно-аналитических медиа исследований.

По мнению Е.А. Кожемякина, на сегодняшний день выделяются два подхода к определению медиадискурса. Первый подход сводится к тому, что медиадискурс это специфический вид дискурса характерный для информационного поля, в данном случае определяются такие независимые типы дискурса, как: политический, экономический, образовательный, религиозный и т. д. Во втором подходе, медиадискурс является одним из видов дискурса, реализованного посредством СМИ в поле массовой коммуникации. [111, с.16]. В этом случае, можно отметить, такие виды медиадискурса, как: политический, религиозный, педагогический и т. д., которые требуют их для актуализации наличие устойчивого набора практик производства, передачи (онлайн, аудио, видео) и разъяснения массовой информации [111, с.17]. Таким образом, автор, следуя второму подходу, дает трактовку медиадискурса как «тематически сфокусированной, социокультурно обусловленной речемышлительной деятельности в масс-медийном пространстве» [111, с.17]. Также автором были выдвинуты условные направления дискурс-анализа по параметрам медиадискурса, которые зависят от фокусирования внимания исследователя, такие как: целевой анализ, предметно-тематический анализ, когнитивный анализ, коммуникационный анализ, лингвистический (в том числе жанрово-стилистический) анализ, семиотический (текстовый) анализ, контекстный анализ медиадискурса [111, с. 20-21]. Перечисленные параметры медиадискурса не только взаимосвязаны, но могут дополнять друг друга в зависимости от целей исследования.

Н.Ф. Алефиренко определяет медиадискурс как «речемышлительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими, паралингвистическими и другими факторами, что, собственно, и делает его «привлекательным» и многообещающим для осмысления речетворческих стимулов в деятельности журналиста» [112, с. 49] и называет следующие элементы медиадискурса:

- коммуникативные события;
- участники этих событий;
- перформативная информация;
- «не-события» — обстоятельства, сопровождающие события;
- социокультурный фон;
- оценочное отношение к участникам коммуникативного события и др. [112, с.57].

В рамках функционального подхода «медиадискурс представляет собой совокупность текстов, функционирующих в сфере массовой коммуникации» [108, с. 47].

Согласно М.Р. Желтухиной, масс-медиаальный дискурс – это «связный, вербальный или невербальный, устный или письменный текст в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, выраженный средствами массовой коммуникации, взятый в событийном аспекте; он представляет собой действие, участвует в социокультурном взаимодействии и отражает механизмы сознания коммуникантов» [113, с. 23]. Она выделяет следующие признаки, характерные для медиадискурса:

1. групповая соотнесённость (адресант разделяет взгляды своей группы);
2. публичность (открытость, ориентированность на массового адресата);
3. диссенсная ориентированность (создание противоречия с последующей дискуссией);
4. инсценированность и массовая направленность (воздействие на несколько групп одновременно [113, с. 25]).

При определении медиадискурса С.С. Борисова, отмечает роль медиа, которая используется при трансляции актуальной общественной информации и выделяет такие дифференциальные признаки, присущие медиадискурсу, как: фасцинативность, espectacularность, медиаальность, мультимодусность, аксиологичность, прагматичность, экспрессивность, жанровость, субъективность и интерактивность [114, с.19-22].

По определению А.В. Руденко, медиадискурс представляет собой цельное пространство, в котором создаются тексты дискуссий, выступлений, бесед в радиоформате, формате телепередач и периодических изданий. Основной функцией данных текстов является «непосредственное производство и воспроизводство социальных и экономических отношений и ценностей» [57, с. 50]. Помимо данных функций, нами выше были упомянуты традиционные функции масс медиа, такие как информативность и воздействие на адресата. Также выделяются следующие функции, как: оценочная, творческая, семиотическая, интертекстуальная, пропагандистская, суггестивная, познавательная, культурная, экспрессивная, регулятивная, гедонистическая, интегративная, которые не только доминируют в коммуникативном пространстве, но и имеют влияние на сущность конкретных коммуникативных актов и событий в СМИ, тем самым определяя свойственную позицию оценивания (М.Р Желтухина, С.С. Борисова).

Таким образом, мы можем определить медиадискурс как сложный коммуникативный акт (деятельность), в совокупности со всеми лингвистическими и экстралингвистическими компонентами, в котором функционирование оценки характеризуется постоянным взаимодействием субъективного и объективного факторов. Медиадискурсу, как и любому из видов дискурса, присущи свои дифференциальные признаки, которые подчеркивают его специфичность и индивидуальность.

2.1.1 Социально-общественный медиадискурс в свете дискурсивных практик

Глобальное развитие культурно — делового общения обусловлено прагматической потребностью в разных культурах в современных условиях социальной коммуникации. Поэтому на современном этапе большинство лингвистических исследований в области социальной коммуникации и коммуникативной лингвистики посвящены рассмотрению понятий *общество* и *коммуникации*. В условиях современного общества стремительный рост и интенсивное развитие видов массовых коммуникационных средств указывают на прогресс в сфере информационных и коммуникационных технологий, которые, в свою очередь, увеличивают круг общения, а также способствуют реализации социальных взаимоотношений не только внутри одного государства, но и между государствами. Все эти условия определяют значимость изучения массовой коммуникация как понятия сущности социальных отношений и их роли, так и образования социально-общественного медиадискурса как инструмента социального взаимодействия, выступающего носителем смыслов, идей и ценностей во всех сферах общественной жизни.

В целом изучение понятия *социальный дискурс* представляет собой новый объект исследования, сущность которой в том, что она является смежной, одновременно тяготея как к политическому, так и к экономическому дискурсам, что она открывает разнообразие направлений для исследования социальных событий и изменений в обществе [115, с.120]. Интенсивное развитие социальных взаимодействий, в рамках которых сегодня рассматривается социально-общественный медиадискурс как сфера общественной коммуникации, характеризуется развитием социально-культурной среды, ростом социально-информационных и коммуникационных технологий, появлением новых медиатекстов и медиадискурсов. Иначе говоря, социально-общественный медиадискурс является объектом изучения немногих исследований и на современном этапе относится к числу наиболее актуальных вопросов во многих областях науки, таких как: философия, логика, психология, социолингвистика, когнитология и т.д. Согласно С.У. Иманжусуповой, социальный дискурс представляет собой «своеобразную форму общественного поведения человека для выражения его представлений об окружающем мире» [116, 252]. Место человека в дискурсивном пространстве, не только определяется его социальной ролью, но и с конкретными целями. Для этого любой дискурс обладает своим собственным подязыком (лексическая насыщенность, термины, образы, языковые обороты, грамматические формулы, различные символы, аудио, видео, интернет, подкаст, и т.д.) который способствует воздействию на массовое сознание [117, с. 56]. Социальный дискурс, таким образом, выделяется нами на основе принципа выделения дискурсов в зависимости от коммуникативной сферы, темы, жанра, времени, места и участников коммуникации.

В зарубежных исследованиях под социальным дискурсом понимается общественный дискурс либо публичный дискурс – *public discourse*, который ставит в основу проблему цивилизованности в общественной жизни [118]. Так

само понятие *social media* определяется как набор сетевых коммуникационных платформ, которые позволяют генерировать, распространять и потреблять пользовательский контент [119]. В итоге, контент медиадискурса обуславливается использованием социальных медиа, порождаемых диалектической связью между медийным дискурсом и общественным мнением.

В психологии социальный дискурс изучается «как единственный базис знания, который содержит истину или знание на локальном уровне, на котором порождается данный тип дискурса» [120]. Медийный дискурс или же медиадискурс – это дискурс в сфере массмедиа. Комбинированное сочетание двух типов дискурса составляет социально-общественный медиадискурс, продукт социальной коммуникации. Следовательно, структура социально-общественного медиадискурса представляет собой тип гибридного дискурса, который сформирован на стыке социального и медийного дискурсов и носит смежный характер в связи с тем, что область интерференции состоит из элементов политического, социального, экономического и культурного типов дискурса.

Социальная коммуникация в настоящее время распространилась на средства массовой информации и повседневный социальный дискурс, где она появляется в новостных дискуссиях по таким текущим социальным вопросам, как общественное здравоохранение, иммиграция, занятость населения, безработица, нищета, проблемы в образовательных учреждениях, бездомность, бракоразводный процесс, недостаточное социальное обеспечение граждан, пенсионные отчисления, вандализм и т. д. Данный список был составлен нами согласно материалам британских СМИ, за период нашего исследования с 2016 по 2020 гг. Единственное, что связывает эти проблемы, то, что они являются предметом озабоченности нынешнего поколения британского общества. Одним из функционально-стилевых признаков социально-общественного медиадискурса является *темпоральность*, то есть временная сущность явлений. Это говорит о том, что современные социальные проблемы, которые освещаются в СМИ, могут отличаться от тех проблем, которые существовали ранее в этом обществе. Верно также и то, что социальные проблемы одного общества могут отличаться от проблем, которые волнуют другое общество. Таким образом, социальные проблемы составляют контент социально-общественного медиадискурса, который имеет непосредственное отношение к конкретному обществу или государству в определенный период времени. Само понятие «социальные проблемы», согласно Г. С. Батыгину, сформировалось еще в начале XIX века в контексте реформистской идеологии. Под социальными проблемами в то время понимались нищета, преступность, заболеваемость, проституция, неграмотность и т.п. [121, с. 250].

Следующий признак социально-общественного медиадискурса выражается в направленности на широкую аудиторию, т. е. он характеризуется *публичностью (массовостью)*, отражая социальные стороны и актуальные проблемы современного общества, которые достаточно быстро распространяются различными каналами передачи, такими как: интернет, социальные сети, радио, телевидение, и т.д.

В 1950-х годах американский социолог К. Райт Миллс указал различие между «личными проблемами» и «общественными проблемами». Здесь может возникнуть вопрос, в чем состояла необходимость такого дифференцирования. Дело в том, что проблемы, которые испытывают люди в своей жизни, не все возникают как «социальные проблемы», тем самым вызывая общественный резонанс и требуя публичной реакции (*что мы можем сделать с X?*). Со временем, проблема, которая считалась личной, может перерасти в социальную. Здесь важную роль играет один из факторов, который определяет уровень проблемы в виде масштаба или объема. Например, если проблема касается нескольких человек, то это, скорее всего, останется частным либо личным делом, не привлекая внимания общества. Однако, если большое количество людей начнет испытывать ту же самую проблему - это может обрести социальный характер [122, с. 7]. Соответственно, в большинстве развитых государств, в том числе и в Великобритании, для всеобщего благосостояния ведутся попытки решения социальных проблем. В связи с этим было обнаружено, что многие частные проблемы переросли в социальные, которые требуют рассмотрения и вмешательства со стороны правительства. Например, если ранее отправка детей в школу зависела от родителей, то с середины XIX века это стало обязательным требованием для всего населения.

Актуальность (релевантность) как одна из отличительных особенностей социально-общественного медиадискурса обуславливается его текущим процессом и своевременностью, представляя собой социальную значимость событий. Ярким примером может послужить, нынешняя ситуация Великобритании в условиях Брексита, которая непосредственно затрагивает не только все сферы жизнедеятельности, но отражается на общем благосостоянии современного британского общества. Выход Великобритании из Европейского Союза повлек за собой множество последствий, которые, несомненно, нашли отражение в рамках современного социально-общественного медиадискурса. Следовательно, актуальность тематики процесса Брексита настолько возросла, что об этом говорят не только СМИ, но и лингвисты, для которых представляет интерес именно его языковая репрезентация в виде определенного медиаконцепта либо нового неологизма, реализующихся в сфере различных медиадискурсов, в том числе политическом, экономическом, социальном, миграционном и других дискурсах.

Говоря об актуальности и релевантности информации, важно упомянуть о трех уровнях переработки информации в медийных сообщениях, отмеченных А.К. Киклевичем, т.е. непосредственная связь с целями и потребностями жизнедеятельности пользователей СМИ [103, с. 308]. А.К. Киклевич пишет о необходимости введения разграничения трех уровней информации. закодированная информация перерабатывается:

1. на уровне экстенциональной (фактивной) информации;

2. на уровне интенциональной (интерпретативной);

3. на уровне прагматической информации [103, с. 308]. Данное дифференцирование объясняется автором тем, что «в большинстве случаев люди не ограничиваются только представленными в сообщении фактами им

важно знать или понимать, какой смысл скрывается за фактами и как в связи с этим следует поступать» [103, с. 304].

Адресованность социально-общественного медиадискурса, как и любой другой коммуникации, учитывает наличие адресанта и адресата. В центре находящегося социального события наличие адресанта означает, что есть субъект оценки. Субъект оценки является неким стратегическим приемом со всеми тактиками, который создает, информирует, пишет либо транслирует социальное событие, так как обладает способностью воздействия на адресата. Адресат, (реципиент, массовая аудитория) в социальной коммуникации — это объект оценки, либо воздействия на того, кому предназначено сообщение, информация, от которого, вследствие этого требуется обратная реакция (возможно в виде комментариев, писем и т.д.). На данное сообщение адресат всегда может откликнуться, соглашаясь с автором, либо отстаивая свою точку зрения, вступить в дискуссию или диалог. Социально-общественный дискурс порождает общее, коллективно разделяемое, социальное знание, а также более систематическое и специализированное морально-философское и социально-научное или социологическое знание. Все эти различные типы знаний играют определенную роль в структурировании и организации опыта участников и обеспечении культурных ресурсов, таких как ожидание, ориентация и цели.

В когнитивном плане основной задачей адресанта и адресата является формирование индивидуального и коллективного когнитивного пространства, в котором наблюдается репрезентация картины мира с помощью реализации лингвокогнитивных структур. Адресанту, как автору, создавшему свою картину мира в социально-общественном медиадискурсе, не всегда удастся подчинить совпасть с картиной мира адресата или подчинится. Это связано с существованием различия между картинами мира, нисхождению когнитивных структур, индивидуальной обработки информации, различных коммуникативных интенций и др.

Стилистически образ адресата и адресанта может иметь довольно сложную структуру в социально-общественном медиадискурсе, в зависимости от социальных ролей коммуникантов.

Медиальность социально-общественного медиадискурса проявляется с учетом реализации принципов и приемов манипулирования массовым сознанием, при этом особое внимание уделяется эффективному донесению мыслительного содержания посредством лексической насыщенности, личных суждений, оценочных позиций, которые безусловно будут способствовать отражению реального социального положения или ситуации современного времени.

Прагматичность социально-общественного медиадискурса обусловлена авторским намерением воздействия на читателя всеми убедительными и внушительными оценочными средствами при информировании адресатов.

Мультимодусность - одна из отличительных стилевых форм социально-общественного медиадискурса, которая строится с учетом как языковых, так и мультимедийных средств выражения информации, включающих аудиовизуальные, пространственные, иллюстративные изображения

определенного материала для наиболее результативного влияния на общественное сознание. Совместное применение вербальных и невербальных средств выражения способствует эффекту усиления воздействия аудитории.

Оценочность социально-общественного медиадискурса выражается его широким спектром оценочного потенциала. Так, он насыщен оценочными языковыми средствами и выражениями, имеет субъективную оценочную позицию автора, содержит цитирование, в нем выражается как прямая, так и косвенная оценочность, значимы порядок слов, синтаксические конструкции, стилистические приемы (метафоры, эпитеты, гиперболы, повторы, сравнения, иронии и т.п.) и т.д. Значительный объем оценочных конструкций варьируется от эксплицитных до имплицитных развертываний информации, тем самым подчеркивается бесспорная роль оценки в социально-общественном медиадискурсе. Оценка также влияет как на содержательную сторону социально-общественного медиадискурса, так на его целостную структуру и эффективность в отношении между адресантом и адресатом и предполагаемый результата.

Таким образом, рассмотрение таких составляющих признаков, как содержание социально-общественного медиадискурса, очень важно поскольку любая пресса старается построить контент, чтобы он соответствует тому, что они считают мнениями, отношениями и чувствами своих читателей, для того, чтобы установить определенный набор ценностей и обеспечить, на определенную оценочную обратную связь со стороны читателей.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что социально-общественный медиадискурс представляет собой комбинированную форму специфических видов дискурса СМИ, который отражает медийное пространство в сфере социально-общественной коммуникации. В первую очередь, социально-общественный медиадискурс ориентирован на социальные проблемы, являющиеся предметом социального опыта, которые непосредственно касаются человека как социального существа. Общие оценочные механизмы построения текста, а также следующий ряд специфических характеристик, таких как: темпоральность, массовость, релевантность, адресованность, медиальность, прагматичность, мультимодусность, оценочность формируют основные функционально-стилевые особенности социально-общественного медиадискурса.

2.2 Когнитивные аспекты оценочной семантики в социально-общественном британском медиадискурсе

Изучение когнитивных структур и механизмов, способствующих формированию оценочных значений и оценочных смыслов в социально-общественном медиадискурсе, является одной из задач нашего исследования. Это вызвано тем, что в последнее время исследование оценочных структур на стыке теорий лингвоаксиологии и когнитивной лингвистики вызывает безусловный интерес у молодых ученых. Когнитивно-семантический анализ исследования оценочных структур в контексте социально-общественного британского медиадискурса предполагает изучение концептосферы, присущей

этому медиадискурсу. Специализированные базовые концепты выражаются в следующих лексико-семантических рядах: *социальное обеспечение, общественное здравоохранение, иммиграция, занятость населения, безработица, нищета, проблемы в образовательных учреждениях, бездомность, бракоразводный процесс, пенсионные отчисления, выход на пенсию* и т.д. Соответственно, при репрезентации определенных социальных концептов мы представляем перед собой ментальные изображения, образы, которые в процессе восприятия имеют четкую определенную структуру. В этом плане, верно отмечает А.П. Бабушкин, «квантование мира образов, предметов, событий, абстрактных идей средствами языка происходит на уровне концептов. *Концепт* – дискретная единица коллективного сознания, поскольку существует знак, ее обозначающий» [123, с. 5]. Термин *концепт*, получивший широкое распространение в работах Р. Джакендорфа, Дж. Фодора, М. Джонсона, Дж. Лакоффа, А. Вежбицкой, Р.И. Павлениса, Д.С. Лихачева, Ю.Д. Апресяна, Р.М. Фрумкиной, Ю.С. Степанова, В.В. Петрова, Е.С. Кубряковой, В.З. Демьянкова, Т.В. Булыгиной, А.Д. Шмелева, Н.Д. Арутюновой, В.Б. Касевича, А.А. Залевской, М.В. Никитина, И.М. Кобозевой, И.А. Стернина, З.Д. Поповой, Н.Н. Болдырева, Л.В. Бабиной, И.П. Сусова, В.И. Карасика, И.К. Архипова и др. до сих пор исследуется и не имеет однозначного определения. Это обусловлено многообразием научных подходов, методов изучения, а также разнообразием материала, используемого при изучении различных концептуальных структур.

В отечественном языкознании большое значение в становлении когнитивного направления имеют труды Э. Д. Сулейменовой, Н.Ж. Шаймерденовой, Г.Г. Гиздатовой, Ж. Манкеева, А. Ислам, Ж. Жампеисова, Г.Н. Смагуловой.

По определению Ю. С. Степанова, *концепт* – это «сгусток культуры в сознании человека и то, посредством чего человек входит в культуру» [124, с.40]. Аналогичные определения мы находим у А. Ислам, концепт – это структура, которая представляет собой многовековую идентичность в контексте культурных ценностей нации, которые сохраняются в этнокультурном сознании, и передаются от поколения к поколению определенной нации [125, с. 213], и у А. П. Бабушкина, определяющего данное понятие как единицу, которая занимает свое определенное место в национальной концептосфере в виде систем ментальных структур, обусловленный дополнительными знаниями и народным культурным опытом [123, с. 23].

Е.С. Кубрякова определяет *концепт* как мыслительную единицу, отраженной в памяти человека представляющий ментальный лексикон всей концептуальной системы языка и языковой картины мира. [126, с. 90].

«Многомерность» концептов [103, с. 39], их взаимосвязь друг с другом отмечается В.И. Карасиком и Н.И. Колодиной. Это происходит в процессе формирования концептуальной системы, когда требуется изменение либо усовершенствование концептов, это значит, что одни концепты могут попасть под влияние других концептов и в итоге войти в содержание более сложных, что в результате вызывает невозможность их подытоживания [127, с. 49].

А.К. Киклевич, рассматривая природу концептов в современной лингвистической концептологии, выявляет ряд проблем возникающих при описании концептов. Первая проблема заключается в определении критерия конвенциональности. Что подразумевается автором под критерием конвенциональности, это подкрепление знания о концептах социологическими исследованиями. Многие лексические единицы со временем утрачивают свою семантическую коннотацию и теряют актуальность в современном культурном или прагматическом аспекте, представляя собой лишь языковую конвенцию. Вторая проблема касается функционального единства концептов. Функциональное единство, согласно ученому, представляет собой свойство семантической и понятийной категории. Автором приводится пример, когда изучается тот или иной концепт в разных культурах, не приводятся доказательства того, что существует какая-либо интеракция между этими концептами, помимо соотнесенности с одним и тем же языковым знаком. Третья проблема включает прагматическую релевантность концептов, т.е. это означает, что концепты неоднородны не только по своему содержанию, но и по своему функционированию, поэтому концепт функционирует как фактор социального единства [128, с. 200-203].

Для нашего исследования представляет научный интерес оценочный компонент концепта, который определяется У.О. Зубаревой как система ценности, вербализованная в языковом сознании и языковой картине мира как индивидуального человека, так и группы людей или общества [129, с. 28]. То есть оценочный компонент в когнитивных исследованиях связан с языковой картиной мира и ценностными представлениями. Языковая картина мира есть организованная система знаний о действительности, которая образуется как в индивидуальном, так и коллективном сознании [130, с. 36].

Ю.С. Степанов, П.А. Бабушкин, А. Ислам под языковой картиной мира понимают зафиксированную в языке совокупность знаний коллективного национально-культурного опыта, общую для носителей языка и представителей определенной национальной социокультурной общности [125, с.21].

Тем самым, языковая картина мира – это, прежде всего, знания (индивидуальные, групповые, коллективные), которые обретает человек во взаимодействии с окружающим его миром, и впоследствии приводящая к формированию определенных взглядов и мнений на те или иные предметы.

В.И. Карасик отмечает, что «...наряду с языковой картиной мира (в качестве ее аспекта), объективно выделяется ценностная картина мира в языке. Здесь уместно разграничить, по меньшей мере, этнокультурный и социокультурный планы, применительно к различным видам оценочных отношений, например, отношение к старшим и младшим, детям, женщинам и мужчинам, к животным, к собственности, к здоровью и болезням, к смерти, к состязаниям и играм, к труду и подвигу, к чуду и обыденности, к приватности, к жилищу, к земле и небу, к явлениям природы, ко времени и пространству» [131, с.166].

Е.Б. Тяжина отмечает, что ценностная картина мира отражает ценности свойственные всем народам (инвариантная часть) и ценности, опосредованные

спецификой национальной культуры, ментальностью определенного народа (вариативная часть). Таким образом данная картина мира отображается как часть языковой картины мира [132, с.235].

Таким образом, ценностная картина мира представляет собой упорядоченное множество оценочных суждений, которые отражают высшие ценностные установки в обществе. Следовательно, ценностная картина мира возникает в процессе взаимодействия человека с окружающим миром, где формируется его ценностное отношение сквозь призму ценностных систем.

Структура концепта, согласно В.И. Карасику состоит из понятийной, образной и ценностной составляющей. «Понятийная сторона представляет собой языковую фиксацию концепта, его обозначение, описание, признаковую структуру, дефиницию. Образная сторона – это характеристики, полученные через органы чувств, предметов, явлений, событий, отраженных в нашей памяти, это признаки практического знания. Ценностная сторона – это сторона, присущая любому концепту, она является определяющей для выделения концепта. Именно рассмотрение концептов с этой стороны может выявить ценностные доминанты, образующие определенный тип культуры» [131, с.129]. Таким образом, В.И. Карасик представляет лингвокогнитивную структуру концепта, состоящего из понятия, образа и оценки.

Следует отметить, что социально-общественный медиадискурс, как и любой другой вид дискурса, имеет свое концептологическое пространство, с определенными концептами, которые образуют специализированную тематику данной дискурсивной среды. Социальная среда, созданная концептами, способствует возможности описать основные составляющие, такие как: действия, время, лица, объекты и т. д. В целом для дальнейшего анализа концептов социально-общественного медиадискурса мы будем соблюдать следующую последовательность:

- Определение этимологии и исторического развития.

Этимологический анализ представляет собой инструмент, который способствует выявлению происхождения слова, его исходной формы, базовой структуры, первостепенных значений и т. д. Историческое развитие подразумевает фундаментальные этапы изменений и образование новых смысловых оттенков в семантике слова.

- Определение дефиниции в словарных источниках.

Концептуально-дефиниционный анализ слова применяется с целью выявить содержательную сторону концепта, который включает семантический анализ словарных дефиниций и установление всевозможных значений, хотя бы с малейшими различиями.

- Выявление роли и использование концепта в повседневной жизни человека.

Роль и использование концепта в повседневной жизни репрезентируются его актуальностью, релевантностью, фреквентативностью, которые устанавливаются посредством концептуального анализа.

- Описание когнитивных характеристик, образных структур концепта.

Когнитивные и образные структуры концепта представляют полную характеристику целостной структуры, которые выявляются с помощью контекстуального анализа.

Таким образом, изучение структуры концепта в рамках дискурса позволяет выявить углубленную и расширенную детализацию структуры концепта, а также актуализацию имплицитных свойств и общего потенциала. В процессе дискурсивной реализации концепта возможно наблюдение за структурой его стабильности и эволюции, так как концептам свойственно развитие, модификация, видоизменение, насыщение содержания, обогащение и обрастание новыми смыслами. Соответственно, в процессе непрерывного развития происходит постепенное исчезновение концепта, в связи с появлением новых ассоциаций и утратой актуальности в сознании человечества. Все эти факторы функционирования концепта в какой-то мере зависят от последствий социального и социокультурного развития.

2.2.1 Языковая реализация концепта *иммиграция*

На протяжении нескольких веков иммиграция не утратила своей актуальности как глобальное явление и до сих пор находится в центре широко обсуждаемых проблем современных дискуссий как в отдельных государствах, так и в мировом масштабе. Иммиграция как процесс глобализации затрагивает все сферы деятельности в виде неотъемлемой части социально-политической, экономической и культурной жизни современного общества. Фундаментальные вопросы иммиграции находят отражение в рамках различных наук и требует комплексного изучения на стыке интегрированных дисциплин, как: история, демография, экономика, политология, социолингвистика, лингвистика и т.д.

Массовая иммиграция в страны Европейского Союза, а также в Великобританию, обусловлена различными причинами, в том числе условиями кризисного состояния экономического развития населения, низкого уровня социальной жизни, политической нестабильности, а также экологической среды проживания. В результате возросшее количество иммигрантов, а также связанные с ними негативные последствия являются основой конфликтных ситуаций, с которыми сталкиваются принимающие страны. Более того, большой поток иммигрантов приводит к неконтролируемой иммиграции, которая в итоге и стала ключевым фактором исторического беспрецедентного события = выхода Великобритании из состава Европейского Союза. Современные вопросы иммиграции находят реальное отражение в средствах массовой информации в последние десятилетия. Тем не менее, в СМИ достаточно сложно оценить влияние информации об иммиграции на то, как люди воспринимают иммигрантов и иммиграцию в более широком смысле. Так, возникает неопределенность в признании социально-политических взглядов членов общества основанных на источниках средств массовой информации отражающими существующую точку зрения в настоящем.

Наиболее ясной является картина уровня иммиграции, освещенного в средствах массовой информации, и значимости иммиграции в целом как проблемы. По мере роста уровня иммиграции соответственно увеличивается

освещение в средствах массовой информации, что, в свою очередь, повышает значимость иммиграции как социально-политической проблемы в современном британском обществе.

Таким образом, социально-экономическая, а также политическая ситуация в условиях Брексита выдвинуло концепт *иммиграцию* на актуальную позицию в современном социально-общественном британском медиадискурсе. Поэтому, являясь одним из наиболее частотных концептов социально-общественного британского медиадискурса, данный концепт находится в постоянном развитии, при этом актуализируя различные значения и формируя все новые смысловые оттенки. Первое, что привлекает наше внимание, — это различные способы вербализации изучаемого концепта, а также определение каких-либо изменений не только в его понятийном, но и оценочном содержании в процессе его развития.

В данном разделе настоящего исследования проводится комплексный когнитивно-семантический анализ оценочных составляющих концепта *иммиграция*, также определяется оценочная модель исследуемого концепта как отражения ценностной картины мира современного британского общества. Применение комплексного анализа для исследования языковых репрезентации концепта *иммиграция* позволяет нам более точно определить понятийное содержание, а также образную и оценочную структуру данного концепта в социально-общественном британском медиадискурсе.

Структура концепта согласно Ю.С. Степанову включает прежде всего, все строения: этимология концепта, историческое развитие, включающее основные характеристики содержания, а также современные признаки, оценочные и коннотативные, которые относятся к данному концепту, и представляют его фактом культуры [133 с. 41].

Для определения понятийного поля концепта *иммиграция* мы обратились к этимологии данного слова, с последующим анализом дефиниций из толковых, этимологических, энциклопедических и специализированных словарей английского языка. В целом этимологический анализ изучаемого концепта способствует выявлению исходной формы, а также пониманию дальнейшей его целостной структуры.

Корень слова *migr* происходит от латинского *migrat – moved, shifted* и означает *to move – relating to movements from one country to another*. Иммигрант это – *a person, who has come to live in a country from a different place* [134].

В латинско-английских словарях, корень *migro, are, avi, atus* – из латинского языка, означают – *to transport, move, change residence/condition, go away, depart, remove* [135].

В этимологических словарях английского языка, слово *иммигрировать* имеет следующие значения: *to pass into a place as a new inhabitant or resident, especially to move to a country where one is not a native, for the purpose of settling permanently there* (1620), от латинского *immigratus*, настоящее *immigrare – to remove, go into, move in. In (в) - into, in, on, upon* (корень *en «in») + *migrare to move*.

Слово *иммигрант* – *one who immigrates* есть вероятность, что это заимствованное французское *immigrant*, латинское *immigrantem* (номинативное *immigrans*), настоящее *immigrare to remove, go into, move in* [136].

Согласно Н.Л. Шумский, слово *иммиграция* впервые было представлено Ной Вебстером, автором американского словаря английского языка 1828 г. Для этого он использовал существующее слово – *migrate*, а также производные от него варианты *commigrate, transmigrate, immigrate, emigrate, and remigrate* и трансформировал их. Хотя первоначальное определение термина *иммиграция* было предложено Вебстером еще в 1806 г. – *to remove into a country*. Далее подробное определение *to remove into a country for the purpose of permanent residence* было дано им в 1928 г. [137].

Как показывает анализ материала по данным этимологических словарей английского, а также латинско-английских словарей, в результате определяются 8 дифференциальных сем – *move in, remove into, pass into, go into, transport, change residence/condition, go away, depart*.

В целом, при изучении любого концепта немаловажным является установление исходного значения, которое представляет основу концепта. Поскольку в дальнейшем это может привести к различным семантическим модификациям, таким как: расширению или сужению, приобретению либо потере, видоизменению или сохранению одного из значений [138, с. 67].

Согласно предположениям З.Д. Поповой, И. А. Стернина, многокомпонентная структура концепта может быть определена с помощью представляющих его лексических единиц языка. [139, с. 60]. Согласно А.В. Алексееву, лексико-семантическое поле концепта является ключевым репрезентирующим способом его представления. [140, с. 87]. Таким образом, лексико-семантическое поле представляет собой номинативное поле, которое выражает семантику языковых единиц, вербализующих концепта, включает ядерную и периферийную зоны.

Последующий концептуально-дефиниционный анализ концепта *иммиграция* был представлен в различных лексикографических, специализированных и толковых словарях английского языка. Были отобраны известные англоязычные словари, как: Webster's New International Dictionary of the English Language, The new lexicon Webster's Encyclopedic Dictionary of the English language, Longman Dictionary of Contemporary English, Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners, Oxford English Dictionary, Oxford Dictionary Online, Collins English Dictionary, Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners, Collins Cobuild Online, Cambridge Academic Content Dictionary, Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus, Cambridge Dictionary Online, Explanatory English dictionary, The New Shorter Oxford English Dictionary, Macmillan Dictionary и др. с 1954 по 2020 гг.

Таким образом, следующие толкования концепта *иммиграция* отображают его лексические значения:

1) Процесс иммиграции как действие:

Immigration – 'the act of immigrating' [141, с.484];

Immigration – ‘the action of immigrating’ [142, с. 1315];

Immigration – ‘an act or instance of immigrating’ [143];

Immigration – the act of someone coming to live in a different country [144];

2) Процесс (действие, движение, путешествие) въезда в страну с целью постоянного проживания:

Immigration – ‘an immigrating; specifically a going into a country for the purpose of permanent residence’ [145, с.1245];

Immigration – ‘the action of coming to live permanently in a foreign country’ [146, с. 712];

Immigration – ‘the process of entering another country in order to live there permanently’ [147, с. 919];

Immigration – ‘the process of entering another country to make one’s life and home there’ [148, с. 523];

Immigration – ‘travel into a country for the purpose of permanent residence there’ [143];

Immigration – ‘the process in which people enter a country in order to live there permanently’ [149];

Immigration – ‘the movement non-native people into a country in order to settle there’ [150];

Immigration - ‘the coming of people into a country in order to live and work there’ [151, с. 781];

Immigration – ‘the process by which people come in to a foreign country to live there’ [152];

Immigration – ‘act of coming to a country in order to take up permanent residence, act of settling in a new country’ [153].

3) Группа людей или количество иммигрантов, прибывающих в страну:

Immigration – ‘the number of immigrants arriving during a given period’ [145, с.1245];

Immigration – ‘the rate at which immigrants come into a country over a period of time’ [141, с.484];

Immigration – ‘a group of immigrants’ [142, с. 1315];

Immigration – ‘the total number of people who immigrate’ [148];

Immigration – ‘the number of people coming in’ [154].

4) Процесс либо специализированное место в аэропорту, где проверяют документы людей, въезжающих в страну.

Immigration- ‘the process of examining your passport and other documents to make certain that you can be allowed to enter the country, or the place where this is done’ [155];

Immigration – ‘the place at an airport or country's border where government officials check the documents of people entering that country’ [156].

Проведенный концептуально-дефиниционный анализ позволил выявить четыре основные дифференциальные семы в содержании исследуемого концепта:

1) действие в виде процесса переселения;

2) процесс въезда (переселения) в другую страну для постоянного вида на жительство или проживания;

3) люди, которые иммигрируют в другие страны в целях работы и проживания;

4) место в аэропорту, где проверяют документы у людей, въезжающих в страну.

Проведенный концептуально-дефиниционный анализ словарных данных дает возможность не только глубоко осмыслить содержание концептов, но и выявить определенные базовые когнитивные признаки, а также дает преимущество проследить любые изменения их контента на протяжении определенного отрезка времени. Таким образом, посредством концептуально-дефиниционного анализа было выявлено общее семантическое содержание репрезентации концепта *иммиграция*, которое определяется как *процесс переселения в другую страну в целях работы и постоянного вида на жительство*. На основе содержания определения можно также отметить, что концепт *иммиграция* является нейтральным, так как отрицательных признаков на данном этапе не обнаружено, в том плане, что, когда человек приезжает на постоянное жительство в чужую страну, его не обязательно заставлять или выталкивать из собственной страны, это может быть его выбором. Далее, синонимический ряд представлен следующими лексическими словосочетаниями: *coming to live, going into, entering another country, travel into, the movement, settling in* и т. д.

По нашим наблюдениям, анализируемые дефиниции, характеризующие семантическое содержание изучаемого концепта, не в полной мере способствовали раскрытию и определению его целостной структуры. Это связано с тем, что большая часть когнитивной информации не зафиксирована в словарях. Соответственно, установленные нами словарные значения концепта *иммиграция* могут быть расширены в медийном пространстве. При этом, огромный потенциал дает применение контекстуального анализа, который позволит нам выявить различные дополнительные когнитивные признаки и выделить всевозможные способы образной и оценочной репрезентации концепта *иммиграция* в современном социально-общественном британском медиадискурсе.

Материалом для контекстуального анализа послужили онлайн статьи и скрипты британской онлайн прессы: «The BBC», «The Independent», «The Guardian» и «The Sky news» за период с 2016 по 2020 гг.

Далее методом сплошной выборки из онлайн прессы были отобраны публикации, которые непосредственно включали концепт *иммиграция*. Несмотря на то, что словарные значения концепта *иммиграция* не имели четко выраженных изменений в динамике его развития, в ходе контекстуального исследования можно наблюдать совсем иную картину. Для начала рассмотрим некоторые определения, в которых концепт *иммиграция* обозначает группу иммигрирующих людей, то есть *иммигрантов*.

When it came to the word “immigrant”, the term tended to apply loosely to both blue-collar workers, and those desperate to flee their birth country in order to make “a better life” for themselves [157].

В данном примере можно проследить расширение смыслового содержания концепта *иммигрант*, определив его как термин, который свободно применяется как к *синим воротничкам*, так и к тем, кто отчаянно бежал из своей родной страны, чтобы сделать «лучшую жизнь» для себя. Тем самым, наблюдается отрицательная оценка в определении концепта *иммигрант*.

В следующем примере прослеживается роль известных СМИ в определении *иммигранта*, который часто демонстрирует отдельные сюжетные линии борьбы, тяжелой работы и преодоления трудностей.

In popular media, the word “immigrant” often showcases individual storylines of struggle, hard work and overcoming hardships. On Instagram, a search for accounts and posts hashtagged with “immigrant” reveal feeds of documentary-style visuals and text about sacrifice and injustice [157].

Далее мы видим, что в Instagram поиск аккаунтов и постов с хэштегом «иммигрант» показывает ленты визуальных эффектов в документальном стиле и текст о жертвах и несправедливости, тем самым дополняют его новыми отрицательными смысловыми нагрузками.

The study also found that unauthorised immigrants in Europe came from many different countries, had arrived relatively recently and were mostly young and male [158].

В данном определении под нелегальными иммигрантами, согласно исследованиям, подразумеваются молодые мужчины, недавно прибывшие в Европу из многих разных стран, т. е. под нелегальными иммигрантами, в отличие от женщин, представлен образ молодых мужчин.

According to the 1905 Aliens Act, those seeking admission could only apply at one of 14 named ports and an “alien immigrant” was legally defined as a person who travelled on a steerage-class ticket, someone unable to afford a cabin [159].

В этом примере термин *иностраный иммигрант* несет отрицательную смысловую нагрузку и определяется юридически в Законе об иностранцах 1905 года как лицо, путешествующее по билету третьего класса, который не может позволить себе каюту.

Unlike the other terms, well-meaning or malicious, that might be applied to people in similar situations, this one word appears shorn of context; without even an im- or an em- attached to it to indicate that the people it describes have histories or futures. Instead, it implies an endless present: they are migrants, they move, it’s what they do. It’s a form of description that, until 2015, I might have expected to see more often in nature documentaries, applied to animals rather than human beings [160].

Данное определение термина *мигрант* содержит отрицательную оценочную позицию автора, он отличается от других терминов, благонамеренных или злонамеренных, которые могут быть применены к людям в подобных ситуациях. Это слово кажется лишенным контекста; даже без *им-* или *эм-* привязанного к нему, оно может указать, что люди, которых он называет не имеют истории или будущего. Вместо этого он подразумевает

бесконечное настоящее: они мигранты, они движутся, это то что они делают. Это форма описания, которую до 2015 года можно было ожидать, чаще видеть в документальных фильмах о природе, применительно к животным, а не к людям. Таким образом, можно проследить имплицитное выражение оценки в позиции автора при сравнении иммигрантов с животными.

To refer to someone as an “immigrant” or an “asylum seeker” always carries a bad after-taste, the mark of the putatively undeserving pseudo-citizen, the intruder who deserves to be expelled from the body politic. When, in the 1930s, German Jews tried to escape from Nazi Germany, the British government insisted that they were to be classed as “immigrants”, not “refugees”, and could only enter the country on a temporary basis, before being moved on, driven elsewhere [159].

Данный пример четко доказывает тот факт, что понятия *иммигрант* и *просители убежища* всегда будут иметь выраженную отрицательную коннотацию, так как каждый из этих терминов всегда несет в себе дурной привкус, отпечаток якобы недостойного псевдогражданина, нарушителя, заслуживающего изгнания.

В приведенных примерах четко прослеживаются определенные изменения в понятийном содержании исследуемого концепта *иммиграция* в его контекстном окружении. Признаки ближней периферии связаны с ядерными, так как определяют основной мотив переселения, вызванного необходимостью лучшей дальнейшей жизни. В зонах средней и дальней периферии можно проследить новые когнитивные признаки в структуре анализируемого концепта, которые указывают на то, как британское общество в целом представляет оценочную модель иммигранта на современном этапе. В этих контекстах определяются более точные причины переселения иммигрантов, которые не были зафиксированы в словарях, упомянутых выше. Например, переезд в другую страну в качестве просителя убежища для получения статуса беженца относится к рабочим «синим воротничкам» и, в основном, это молодые мужчины, прибывающие из разных стран. Иммиграция также отражает вечную борьбу, тяжелый труд и преодоление трудностей. Тем самым, по данным определениям в социально-общественном британском медиадискурсе, более ярко отображены негативно-оценочные когнитивные признаки, которые описывают иммигрантов как людей третьего класса, которые всегда находятся в движении и несут в себе дурной привкус, отпечаток недостойного псевдогражданина, нарушителя.

В ходе контекстуального анализа языкового материала есть возможность наблюдать широкое применение стилистически окрашенной и экспрессивно-оценочной лексики, метафор, сравнений, фразеологизмов и других стилистических средств для образного восприятия концепта *иммиграция*, с помощью которых автор может выразить субъективное оценочное отношение к происходящим событиям. Важно отметить, что в процессе Брексита, в связи с нестабильностью во всех сферах жизнедеятельности, часто наблюдается тенденция неуверенности в завтрашнем дне, что в результате повлияло на появления новых отрицательных когнитивных признаков концепта *иммиграция*, таких как: *нестабильность и неуверенность*. Например,

Meanwhile, the weakening pound and lack of clarity about future immigration rules is putting off some EU nationals from taking up roles in the UK.” [161].

В данном примере причиной отказа некоторых граждан ЕС от вступления в должность в Великобритании послужили ослабление фунта стерлингов и *отсутствие ясности* в отношении будущих иммиграционных правил.

The regulator says there's "significant uncertainty" about the estimates since 2016, the year of the EU referendum.

That's partly because EU citizens arriving in the UK, who are interviewed for the passenger survey on which the figures are based, may themselves be unclear as to whether or not they'll stay in Britain for at least 12 months, the cut-off point for inclusion in the immigration data [162].

Существует «*значительная неопределенность*» с 2016 года, года референдума в ЕС, останутся ли они в Великобритании по крайней мере на 12 месяцев, что является точкой отсчета для включения в иммиграционные данные.

"That may be because of Brexit-related political uncertainty, the falling value of the pound making UK wages less attractive, or simply the fact that job opportunities have improved in other EU countries," she said" [163].

В данном примере *политическая неопределенность* связана с Брекситом, падением курса фунта стерлингов, делающим заработную плату в Великобритании менее привлекательной, или просто тем фактом, что возможности трудоустройства улучшились в других странах ЕС.

"The ongoing uncertainty over the status and rights of EU citizens already living here is leading to a brain drain of EU staff." [164].

В данном примере описывается *продолжающаяся неопределенность* в отношении статуса и прав граждан ЕС, уже проживающих в Британии, которая в итоге приводит к утечке мозгов сотрудников ЕС.

Таким образом, мы видим, что неопределенная ситуация за последние годы в британском обществе связаны с указанными выше факторами, которые отрицательно влияют на все сферы деятельности.

Кроме того, в связи со сложившейся ситуацией регулирования процесса миграции в британском обществе, наблюдается усиление государственного контроля над *неконтролируемой иммиграцией*, поскольку последствия могут привести к различным формам преступлений, при этом, наиболее частотными отрицательно-оценочными когнитивными признаками концепта *иммиграция* являются *бремя или угроза* для всего общества. Например,

Just like those who have to move to find work, the people we might call climate refugees will not be seen as responding to an unfairly structured and extractive economic system that benefits a small number of people at the expense of most. If the tune continues as it is, they will likely be treated as burdens or threats [165].

В данном примере речь идет о росте числа тех, которые прибывают в поисках работы, а также о климатических беженцах, число которых также увеличивается. Страх заключается в том, что, если это будет продолжаться в том же духе, их, скорее всего, будут рассматривать как *бремя или угрозу*.

The All Party Parliamentary Group on Social Integration says migrants should be treated like Britons-in-waiting who are expected to eventually gain citizenship, instead of being seen as security threats [166].

В данном примере речь идет о том, что к мигрантам следует относиться как к будущим британцам, которые, как и ожидается, в конечном итоге получают гражданство, а не рассматривать их как *угрозу безопасности*. Фактически британское общество все же относится к мигрантам как к угрозе их безопасности.

В следующем примере концепт *иммиграция* рассматривается как *обуза* для принимающей страны и имеет негативный оценочный признак.

The 3 million said: "We did not invade our new home countries, we had to fulfil certain criteria upon arrival to make sure we did not become a burden [167].

В следующем примере описываются ситуации, когда система расселения просителей убежища отправляла иммигрантов без права выбора в неблагоприятные районы страны, это создавало ощущение бремени, которое нужно разделить, оставляя их без юридических и переводческих услуг. В данном случае наблюдается выраженная негативная оценка. Например,

At the same time, the asylum dispersal system sent claimants, without a choice, into deprived parts of the country. This created the perception of a burden to be shared, while cutting newcomers off from legal and translation services [168].

Также авторы, выделяя негативные последствия в результате неконтролируемой иммиграции, целенаправленно пытаются влиять на читателя, выражая отрицательную оценочную позицию в отношении *низкоквалифицированных иммигрантов и сокращения их количества*. Например,

"However, we must also recognise that uncontrolled, mass immigration makes it difficult to maintain social cohesion and puts pressure on public services." [169].

В связи с неконтролируемой массовой иммиграцией выявляются такие последствия как: *затруднение поддержания социальной сплоченности и оказание давления на государственные службы*.

More than a quarter of people believe MPs never tell the truth about immigration and half the population wants to see a reduction in the numbers of low-skilled workers coming into Britain from the EU [170].

В данном примере можно четко проследить авторскую субъективную позицию, которая имплицитно отражает негативную оценку. Субъективная оценка автора выражается посредством привлечения общественного мнения через третье лицо, где описывается ситуация, в которой более четверти людей считают, что депутаты никогда не говорят правду об иммиграции, автор ссылается на мнение населения, которое хочет видеть *сокращение числа низкоквалифицированных рабочих*, приезжающих в Великобританию из ЕС.

Mr. Johnson said he would reduce immigration using a points-based visa system, vowing to "bear down on migration particularly of unskilled workers who have no job to come to" [171].

Данный пример отражает негативную оценку и демонстрирует бальную визовую систему и давление на иммиграцию как *средство сокращения количества низкоквалифицированных*.

Постоянное давление, направленное на ограничение численности низкоквалифицированных и безработных иммигрантов, коснулось также и иностранных студентов, в отношении которых усиливается ощущение, что им здесь не рады. Например,

“While the UK continues to count international students as long-term migrants in its net migration target, there is a continued pressure to reduce their numbers. This adds to the perception that they are not welcome here” [172].

Более того, довольно часто с отрицательной стороны описывается сложность реализации и высокая стоимость самой процедуры иммиграции в Британии, то есть в нынешней ситуации не у каждого иммигранта имеется возможность подать и получить разрешение на вид жительства или работу. Например,

“More broadly, we want to address the UK’s complicated and cruel immigration system. As well as being a societal issue, this affects us directly” [173].

В данном примере система британской иммиграции описывается как *сложная и жестокая*, тем самым выражает негативную оценку.

В следующем примере система иммиграции и предоставление убежища описывается не только как *запутанная, сложная* в разработке, но такой которая делает почти каждый шаг *возмутительно дорогим*.

The immigration and asylum system is not only confusingly complex in how it is designed; the way it is implemented makes almost every step you have to go through outrageously expensive [165].

The UK chose not to invest in a system to register newcomers, it chose to create nasty bureaucracy instead, the hostile environment that has such a devastating effect on any immigrant who can’t prove their right to be in the UK [174].

В этих примерах негативные признаки, описывающие систему иммиграции иллюстрируются оценочными отрицательными прилагательными и наречиями, как: *complicated, cruel, confusingly complex, outrageously expensive, nasty, hostile, devastating* и др.

В следующих ситуациях авторы часто используют негативное оценивание, описывая различные последствия в виде *угрозы, наводнения* усиливая отрицательное восприятие иммигрантов широкими слоями населения, насаждая страх что в конечном итоге это может привести к *неоправданному преувеличению иммиграции*. Например,

Our cities are overcrowded, the argument goes, migrants are a burden when they don’t assimilate quickly, look at what’s going on in Melbourne with the Sudanese, something must be done! [175].

Для интенсификации аргументов против иммиграции идет сравнение с городом Австралии, чтобы выразить преувеличение, что города переполнены, что идет спор о том, что мигранты – это *угроза*, когда они не ассимилируются быстро. Автор использует императивную форму, чтобы обратить внимание аудитории на то, что творится там с суданцами, и призвать, чтобы что-то было предпринято. Восклицательный знак в конце предложения используется для усиления негативной оценки эмоционального эффекта для привлечения внимания общества.

In all the rich countries, people – especially those who are poorly educated or rightwingers – think immigrants are a much bigger share of the population than they really are, and think that they get much more government aid than they really do [176].

Данный пример еще раз подтверждает, что описываемое огромное количество иммигрантов в стране — это больше *преувеличение*, чем действительность. Во всех богатых странах есть люди, особенно те, кто плохо образован, которые думают, что иммигранты составляют гораздо большую долю населения, чем они есть на самом деле, и которые думают, что они получают гораздо больше помощи от государства, чем на самом деле.

“The BBC normalising this kind of thing has real, ugly consequences for people on buses, trains, and in the street who are perceived to have been ‘flooding in’ so that the country is ‘sinking’,” Media Lens, a British media analysis website, added in response to the clip [177].

Неоправданные преувеличения реально имеют серьезные последствия для людей в автобусах, поездах и на улицах, которые образно воспринимаются как *наводнение*, как ситуация, когда страна *тонет*. В этом примере используется метафора *‘flooding in’*, которая несет в себе негативную оценку, сравнение иммигрантов с наводнением – одной из природных стихийных бедствий, которая имеет, действительно, негативные последствия.

Следовательно, метафора *‘flooding in’* определяет следующий когнитивный признак концепта *иммиграция* – *течение или поток*, который указывает на *наплыв* иммигрантов, прибывающих в страну в огромном количестве, и, соответственно, имеет отрицательную оценку. Например,

A woman asked the show’s panel on Thursday at what point the UK “should completely close the borders” to immigrants and complained about the number of people “flooding in” to the country and using public services [177].

Также когнитивные признаки оценочной модели концепта *иммиграция* в современном британском обществе представлены более негативным восприятием иммигрантов, которые прибыли в поисках улучшения жизненных условий. Это выражается отрицательной оценкой, посредством применения пословиц, поговорок, метафор, фразеологизмов, образных слов и выражений. Например,

I’m a European living in Britain, not a ‘queue jumper’ [178]. — Я европеец, живущий в Британии, а не прыгун в очереди.

Her first offensive comment, calling us “citizens of nowhere”, was designed to hurt, and so it did [179]. — Ее первый оскорбительный комментарий, назвавший нас «гражданами ниоткуда», был рассчитан на то, чтобы причинить боль, и так оно и было.

“When not associated with rape, murder or violence, migrants were often characterised as job stealers or benefit tourists,” observes the academics’ report. So grab-handedly abhorrent were these newcomers that they were simultaneously taking our jobs and stealing our dole money. Or else they were jostling British mothers out of maternity wards and cramming their kids into British classrooms [180].

В данном примере явно выраженная негативная оценочная позиция против мигрантов передается различными путями, лишь бы очернить их. Когда мигранты не были связаны с изнасилованием, убийством или насилием, их часто характеризовали как *похитителей рабочих мест* или *выгодных туристов*. Эти новички были настолько отвратительны, что они одновременно отнимали у нас работу и крали наши пособия по безработице. Или же выталкивали британских матерей из родильных палат и запикивали своих детей в британские классы.

A YouGov poll in the days before Brexit found that 56% of Britons named "immigration and asylum" as the biggest issue facing the country. Tabloids with headlines such as "Migrants Rob Young Britons of Jobs" and "Britain's 40% Surge in Ethnic Numbers" stoked fear of outsiders, day after day [176].

Согласно опросу YouGov, 56 % британцев назвали *иммиграцию и убежище* самой большой проблемой, стоящей перед страной. Таблоиды с такими заголовками, как «*Мигранты лишают молодых британцев работы*» и «*40-процентный рост этнической численности в Великобритании*», день за днем разжигали страх перед чужаками.

References to migrants, asylum seekers and refugees have almost vanished along with the associated prejudicial buzzwords and phrases, such as, swamping, influx, surge, illegal, bogus, sham, jungle, welfare scroungers, benefit tourists [181].

Упоминания о мигрантах, просителях убежища и беженцах почти исчезли вместе с соответствующими предвзятыми модными словечками и фразами, такими как *затопление, наплыв, всплеск, незаконный, фиктивный, джунгли, мошенники, благотворительные туристы*.

Образные выражения и метафоры, такие как: *a 'queue jumper', 'citizens of nowhere', 'job stealers', 'benefit tourists', 'newcomers', 'outsiders', 'jungle', 'illegal', 'swamping', 'influx', 'surge', 'illegal', 'bogus', 'sham', 'welfare scroungers'* и др. наделяют этот концепт эмоционально-отрицательными когнитивными признаками, которые используются в основном по отношению к нелегальным иммигрантам, прибывшими в страну. Таким образом, все эти выражения отражают отрицательную оценку в социально-общественном медиадискурсе.

Следующий фрагмент представляет образное описание мужчин — иммигрантов.

Negative coverage, meanwhile, might focus more on the men, the able-bodied, nameless and sometimes faceless people massed at fences or gates [160].

В описании портрета иммигрирующих мужчин нелегалов используются такие прилагательные, как *здоровый, безмянный и безликий*.

В отношении иммигрантов использовались и более бесчеловечные, уничтожительные метафоры, такие как *паразиты, пиявки, тараканы*, которые открытым текстом указывали на расизм. Например,

Remember those dehumanising, derogatorily metaphors such as parasites, leeches and cockroaches? Gone...at least for the moment [181].

Автор после вопросительного предложения использует многоточие в последующем предложении, указывая на неизвестность и незаконченность

мысли, поскольку проблема расизма считается отсутствующей, по крайней мере, на данный момент, но неведомо как долго.

Racism is buried so deep in European history that at times like these it can remain unspoken yet still make its presence clear [160].

Расизм похоронен так глубоко в Европейской истории, что в такие моменты, как эти, он может остаться невысказанным, но все же ясно выражает свое присутствие. Таким образом, несмотря на то, что говорят на сегодняшний день расизма нет в отношении иммигрантов, оно все же имплицитно прослеживается, о чем свидетельствуют большинство приведенных примеров.

Следующий вопрос, который волнует британское общество, это интеграция иммигрантов. Многие британцы считают, что иммигранты не всегда готовы к *интегрированию*, и мультикультурализм подорвал британскую культуру тем, что они не интегрируются должным образом. Это в последствии может привести к потере культурных ценностей британского общества. Например,

A large minority of people in the UK believe multiculturalism has undermined British culture and that migrants do not properly integrate, according to some of the broadest research into the population's attitudes to immigration [170].

В следующем контексте интеграция ассоциируется с фразеологизмом “*put down roots*” – *пустить корни*. Например,

The irony is that the British public appears far more pragmatic about immigration than the government: attitudes towards immigration have become noticeably warmer, with 90% of voters believing immigration is essential so long as its levels are determined by economic need. There are far fewer people now whose hostility to immigration is driven by prejudice than a decade ago. But there is a strong public preference for immigrants to “put down roots and integrate”, something the hostile environment makes immeasurably harder [182].

Автор называет это иронией, потому как британская общественность гораздо более прагматично относится к *иммиграции*, чем правительство: отношение к *иммиграции* стало заметно теплее, и 90% избирателей считают, что *иммиграция* необходима до тех пор, пока ее уровень определяется экономическими потребностями. Сейчас гораздо меньше людей, чья враждебность к *иммиграции* обусловлена предрассудками, чем десять лет назад. Но существует сильное общественное предпочтение иммигрантам, готовых *пустить корни и интегрироваться*, что неизмеримо усложняет враждебная среда. В данном абзаце частотное применение интенсификаторов (*basically, quite a large numbers, far fewer, noticeably warmer, immeasurably harder*) еще больше усиливают субъективную оценочную позицию автора.

Тем не менее, для иммигрантов Британия все же является их домом, частью их страны, что передается фразеологизмом *чувствовать себя как дома*. Например,

Broadcaster Halla Mohieeddean tweeted that Johnson's comments had left her “shaking with rage”, saying that to her Italian husband the UK was the only place they have lived together “that felt like it was home” [167].

Телеведущая Халла Мохиеддин написала в твиттере, что комментарии Джонсона (*Борис Джонсон — Премьер Министр Великобритании, лидер Консервативной партии – прим.*) заставили ее «дрожать от ярости», заявив, что для ее итальянского мужа Великобритания была единственным местом, где они жили вместе и чувствовали себя как дома.

“It’s a difficult feeling, because we also feel this is home,” she says. “We studied here, we spent most of our adult life here the kids were born here.” [183]. — «Это трудное чувство, потому что мы также чувствуем, что это наш дом», - говорит она. «Мы учились здесь, мы провели здесь большую часть нашей взрослой жизни, здесь родились дети».

He told Sky News that “over the last couple of decades or more... we’ve seen quite a large numbers of people coming in from the whole of the EU [...] able to treat the UK basically as though it’s part of their own country [171].

Он сказал Sky News, что за последние пару десятилетий или больше... мы видели довольно большое количество людей, приезжающих со всего ЕС [...], способных относиться к Великобритании в основном так, как будто она является частью их собственной страны.

В процессе анализа различных когнитивных отрицательных признаков концепта *иммиграция* была выявлена еще одна черта как: *вторжение*, которая сформировалась в результате таких проблем, как последствия преувеличения иммиграции, дезинтеграция в обществе и др. Например,

In a highly-inflammatory column headlined “The foreign invasion”, Bolt says migrant communities are not assimilating and failing to speak English. “Immigration is becoming colonisation, turning this country from home into a hotel”...[184]

В данном примере речь идет об иностранном вторжении, которое по мнению Болта, результат отсутствия ассимиляции общин мигрантов, не владение английским языком, в связи с этим иммиграция становится колонизацией, превращая эту страну из дома в отель.

We were taught the UK was full up and there was no room for anyone else. Images of the world’s poor on the verge of “invading” Britain were painted in numerous articles [181].

Нас учили, что Великобритания была переполнена, и там не было места ни для кого другого. Образы мировой бедноты на грани *вторжения* в Британию были нарисованы в многочисленных статьях.

Более того, последние события, которые возникли на фоне растущей моральной паники по поводу людей, пересекающих Ла-Манш на маленьких надувных лодках, тоже способствовали появлению признака вторжения. Например,

Most people who cross the Channel would probably have reached the UK by other means anyway, but scenes of bedraggled travellers arriving on quiet Kent beaches has fuelled a new wave of rightwing outrage. Nigel Farage is a key agitator in this case, using social media to talk explicitly of a migrant “invasion”, a framing now echoed by several larger media outlets [185].

Наряду с отрицательными признаками имеются и положительные, а также нейтральные признаки концепта *иммиграция*. Однако анализ исследования

практического материала указывает на то, что когнитивные признаки концепта *иммиграция* с положительной и нейтральной оценкой могут быть представлены чаще в примерах в сравнении с противоположенным мнением. Например, в следующем примере, несмотря на негативные утверждения, ясно подчеркивается факт, что Британии *нужны иммигранты*.

"It is quite clear that the country needs immigration, and contrary to the soundbites and vague statements that provide a poor substitute for government policy, we need immigrants to fulfill a wide range of roles." [186].

The NHS relies on foreign nurses. UK agriculture needs seasonal workers [187].

В данном примере четко прослеживается признак необходимости иммиграции. Здравоохранение полагается на иностранных медсестер, сельское хозяйство Великобритании нуждается в сезонных работниках.

Multiple studies have found that people who have direct contact with immigrants have much more positive views about their work ethic and reliance on welfare, and are much more open to increased immigration [176].

Следующий оценочный когнитивный признак концепта *иммиграция* указывает на *выгоду и пользу иммиграции*. Например,

British people are more persuaded of the benefits of immigration than any other major European nation, according to a global survey, which has also found that almost half of Britons think immigrants are either positive or neutral for the country [188].

В данном примере британцы находят преимущества иммигрантов позитивными, либо нейтральными для страны, в сравнении с другими Европейскими странами.

В следующем примере согласно опросу, говорится что по сравнению с женщинами, мужчины наиболее открыты для преимуществ иммиграции и общее влияние было положительным. Сравнительный анализ приводится в процентном соотношении.

The survey also suggested men were most open to the benefits of immigration, with 32% saying the overall the impact was positive, compared with 24% of women [188].

Britain's economy and society benefit from immigration, and British politics routinely denies that fact [168].

В данном примере речь идет о том, что британская экономика и общество выигрывают от иммиграции и британская политика регулярно отрицает этот факт.

"People who come to our country to work bring significant benefits to the UK, but there is no consent for uncontrolled immigration" [189].

Такой когнитивный признак концепта *иммиграция*, как *положительное влияние*, мы можем наблюдать в следующих примерах, однако, как нами было отмечено выше, положительные качества всегда используются наряду с отрицательными. Например,

In March this year, an Ipsos Mori poll showed the public was more positive than negative over the impact of immigration on Britain. One in five said they had become less negative on the subject [168].

В данном примере наблюдается, что общественность скорее положительно, чем отрицательно относится к влиянию иммиграции на Великобританию. Каждый пятый сказал, что они стали менее негативно относиться к этому вопросу.

Public concern about immigration has fallen sharply and attitudes towards its effects are more positive than for many years [190].

They don't see immigration as a black and white issue, but see both positive impacts alongside challenges [191].

В данном примере положительным является то, что иммиграцию не рассматривают как черно-белый вопрос. Но наряду с положительными сторонами видят и проблемы. Это говорит о том, что в британском обществе все же наблюдается расовое неравенство, разделение людей на *черных* и *белых*, которое в данном случае имплицитно выражает оценочную позицию автора.

Следующий когнитивный признак положительной оценки концепта иммиграция включает вовлечение высококвалифицированных иммигрантов посредством выдвижения новой иммиграционной системы. Например,

"To attract the talented workers we need we are bringing forward a new skills-based immigration system, which is designed to drive up wages and productivity across the UK," he said [192].

Under the policy, she said, highly skilled workers who wanted to live and work in Britain would be given priority... [193].

Однако данное мнение имеет и нейтральную позицию, когда автор в сравнении с изложенным выше примерам, показывает, что привлечение только высококвалифицированных специалистов может в будущем привести к большим проблемам. Например,

If our immigration is solely targeted at "the brightest and the best", the inference is that the low-paid roles will be filled by existing UK citizens. Filling the high-skill needs of our economy by immigration might be cheaper and quicker than tackling the root causes of the shortfall, but in the long run failure to address these issues will create more and bigger problems in the future [186].

Когнитивные признаки концепта иммиграция с положительной оценкой могут быть выражены также в макроконтексте посредством дискурсивных маркеров. Например,

Immigrants don't take our jobs, nor do they have much impact on wages. Just look at the UK, where sustained high levels of immigration have coincided with unemployment falling to its lowest level in 40 years. More importantly, immigration makes economies more dynamic and is generally positive for productivity and prosperity. Even legitimate concerns about "brain drain" from developing countries turn out to be exaggerated, with such countries often gaining from remittances and new economic connections [190].

Таким образом, мы можем прийти к выводу, что положительные признаки концепта *иммиграция*, в первую очередь, репрезентируются в сравнении с отрицательными сторонами. Позитивные когнитивные признаки выражаются положительно-оценочной лексикой, а также сочетаниями слов, в частности превалируют атрибутивные сочетания: *much more positive views, good thing, professionally qualified migrants, talented workers, qualified professionals, legally established immigrants, middle and upper classes working class, a new skills-based immigration system, a fair and humane immigration policy, lawful immigration* и т.д.

Результаты комплексного анализа онлайн публикаций с 2016 по 2020 гг. позволяют выявить наиболее частотные синтагматические связи лексической сочетаемости концепта *иммиграция*, которые чаще выражали отрицательные смысловые признаки в его концептуальном содержании. Например, среди наиболее частотных отрицательно-оценочных сочетаемости можно выделить следующие: *sinister immigration, cruel immigration regime, uncontrolled and unlimited immigration, illegal immigration, anti-immigrant forces, non-asylum immigration cases, unskilled low-paid workers, "low-skilled" workers, unwanted, unnecessary foreign-born care workers, crucial low-income workers, unskilled labourers, Asian men, a non-white face or an evidently Asian or African, Turkish murderers and terrorists, job stealers, benefit tourists, non-British workers, "swarm" of Pole.*

Антонимические ряды концепта *иммиграция* актуализируются в сочетаниях следующих пар: *lawful – unlawful immigrants, wanted – unwanted labourers, low-skilled – highly-skilled immigrants, qualified – non-qualified immigrants, negative – positive impacts of immigration, benefits – threads of immigration, immigration is a bad – good thing, white – black, British – non-British, controlled – uncontrolled immigration, fair – vague immigration system.*

Кроме того, проведенное нами исследование позволило определить свойственные концепту *иммиграция* устойчивость в ключевом ее понимании в течение исторического развития, а также образно-оценочную модель признаков, меняющиеся со временем, тем самым свидетельствуя о динамичной структуре данного концепта. Об этом свидетельствует дифференцирование в содержании концепта *иммиграция (иммигрант)* по нескольким категориям.

Первая категория иммигрантов - это выходцы из бывших британских колоний, они приезжают в Британию со знанием языка, как к своим родным и в будущем могут стать мэрами Лондона и т. д.

Вторую категорию представляют высококвалифицированные рабочие, выходцы из Европейского Союза со знанием языка, которые оцениваются на равных с британцами.

Третья категория, это синие воротнички, которые приехали в поиске лучших условий, и работают во всех сферах обслуживания.

Четвертая категория, это образовательные иммигранты, студенты, которые после завершения учебы остаются в Британии.

Последняя категория, это категория нелегальных иммигрантов, которые попадают на остров всеми путями, при этом не знают ни языка, ни культуры данной страны.

Проведенное исследование языкового материала на основе контекстуального анализа указывает на превалирование негативной оценочной коннотации в содержании концепта *иммиграция*, так как сущность *иммиграции* наиболее часто отражается в таких дополнительных отрицательных когнитивных признаках, как *преступность, бремя, угроза, нелегалы, наплыв, наводнение, вторжение, чужаки и т.д.*

Концептуальный анализ современных британских медийных ресурсов позволил также выявить лексический состав семантического поля концепта *иммиграция*, с более четким определением ядерной (*coming to live, going into, entering another country, travel into, the movement, settling in, immigrant, migrant*) и периферийной зон (ближней периферии: *flooding in, invasion, illegal, threat, burden, benefit tourists, job stealers, brain drain и др.*), (дальняя периферия: *unwanted, unnecessary, Asian men, Africans, unemployed* и др.). К тому же, были выявлены часто употребляемые метафоры, фразеологизмы, образные слова и выражения, которые являются составляющими языковой картины мира и позволяют авторам целенаправленно применять смысловые структуры концепта *иммиграция* для изменения установок в социально-общественном медийном пространстве.

Таким образом, концепт *иммиграция*, являясь центральным концептом социального-общественного британского медиадискурса ярко отражает когнитивную, прагматическую и социокультурную специфику современного социального-общественного медиадискурса, основной целью которого является воздействие на индивидуальное и массовое сознание посредством разнообразных оценочных языковых средств.

2.2.2 Концепт *социальное обеспечение* в современном британском социально-общественном медиадискурсе

Следующий концепт относится к группе социальных концептов, созданных для описания государственного обеспечения в виде денежных выплат для граждан, которые нуждаются в материальной помощи в связи с различными социальными факторами, и рассматривается как ценностная составляющая общества.

На сегодняшний день проблемы социального обеспечения, а также новые реформы масштабных сокращений государственных льгот являются достаточно актуальными вопросами социальной защиты населения, которые волнуют современное британское общество. За последние десять лет британская система социального обеспечения сократила государственные льготы гражданам, которые выплачивались в виде жилищных пособий, налоговых льгот на детей, пособий на школьное питание, студенческих грантов, пособий по инвалидности, пенсионных программ, пособий по поддержке дохода, пособий по трудоустройству, по безработице и другие правительственные программы для поддержки населения. Внесенные изменения в рамках системы обеспечения социальной защиты в итоге вызвали резкое увеличение использования продовольственных банков, что в итоге привело к крайней

бедности среднего населения, последствия которых на сегодняшний день широко освещаются в средствах массовой информации.

В данном разделе мы представим результаты комплексного анализа концепта *социальное обеспечение*.

Исследуемый концепт *социальное обеспечение* в английском языке представляется лексической единицей *welfare*, которое относится к XIII в. Этимологическая основа слова – от древнеанглийского *wel faran* состояние благополучия, от *well* – хорошо + *faran* – ладить. Родственные образования можно проследить от древнескандинавского *wolware* благосостояние, старонорвежского *velferð*, немецкого *wohlfahrt* и др. [194, 195].

Само слово *welfare* исторически было связано с счастьем и процветанием, оно также имело отношение к путешествию и прибытию, но позже понималось как запас пищи [196, с. 332].

В британском обществе историческое развитие данного слова связано с Законами о бедных от 1536 года, которое в следствии различных реформ, было заменено Законом о национальной помощи 1948 года [197].

Базовые лексические значения представленного нами концепта *welfare* репрезентируются с помощью концептуально-дефиниционного анализа, на основе определении всевозможных дефиниций, данных в толковых словарях. Для этого были рассмотрены различные лексикографические и толковые словари английского языка, такие как: Online Merriam Webster's Dictionary, Longman Dictionary of Contemporary English, Online Oxford Dictionary, Collins English Dictionary, Collins Cobuild Online, Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus, Cambridge Dictionary Online, Cambridge Learners Dictionary, Explanatory English dictionary и др. Хотелось бы отметить, что практически во всех словарях репрезентация данного концепта аналогичны, и могут иметь место повторы, поэтому на данном этапе удалось также выявить ядерные семы концепта.

В результате были выявлены и обобщены следующие толкования концепта *welfare*, которые сводятся к трем лексическим значениям:

1. Состояние благополучия, здоровья, счастья, процветания:

Welfare – health, happiness, prosperity, and well-being in general [150];

Welfare – the state of doing well especially in respect to good fortune, happiness, well-being, or prosperity [198];

Welfare – the health and happiness of people [149].

2. Деньги либо система оплаты государством для больных, бедных, безработных людей:

Welfare – a system of payments by the government to people who are ill, poor, or have no jobs [154];

Welfare – is money that is paid by the government to people who are unemployed, poor or sick [150].

3. Финансовая либо другая помощь государства нуждающимся людям:

Welfare – help given, by the state or an organization, to people who need it, especially because they do not have enough money [144];

Welfare – financial and other assistance given to people in need [199];

Welfare – help given, especially by the state or another organization, to people who need it, especially because they are poor [200];

Welfare – aid in the form of money or necessities for those in need [198];

Welfare – care provided by the state or another organization for people in need [149].

Как мы видим, понятийное содержание концепта *welfare* может отражаться в более узком понимании как общее благосостояние человека, в более широком понятии как социальная помощь в виде денежных средств, выплачиваемых государством нуждающимся людям, не имеющим работу, по состоянию здоровья и т. д.

Историческое развитие изучаемого концепта указывает на его динамичный характер, который с течением времени менялся в плане измерения счастья как показателя индивидуального благосостояния или благосостояния, зависящего от определенных факторов, например, наличия работы, денег, здоровья и т. д.

Позже в XX в. были установлены более широкие понятия, когда под *welfare* начала подразумеваться роль государства в оказании финансовой помощи населению в обеспечении хорошей жизни. Однако оценочное содержание концепта, а именно, положительные или отрицательные оценочные коннотации, мы постараемся определить в процессе когнитивно-семантического анализа оценочных составляющих концепта *welfare*.

Материалом для анализа послужили онлайн статьи и скрипты британской онлайн прессы: «The BBC», «The Independent», «The Guardian» и «The Sky News» за период с 2016 по 2020 гг.

Для начала рассмотрим, что в целом понимается под понятием *социальное обеспечение* на сегодняшний день в СМИ:

The phrase has lost its original meaning and become a way to attack those in need of help [201].

Согласно автору статьи, эта фраза потеряла свое первоначальное значение и стала способом нападения на тех, кто нуждается в помощи. Тем самым, можно наблюдать отрицательную оценочную позицию в современном понимании анализируемого концепта *welfare*.

Rather than talk about “the welfare state” or “social security”, politicians now mainly talk about “welfare” – and so do the general public. And in this discourse, the meaning of the word has more or less been turned on its head. It has precious little these days to do with faring well; rather, “welfare” has become almost a term of abuse. To be “on welfare” is to be on Benefits Street or part of the Great British Benefits Handout: somewhere no one in their right mind wants to be [202].

В данном фрагменте видно, насколько изменилась сущность данного понятия со времен его первоначального употребления. Вместо того, чтобы говорить о *государстве всеобщего благосостояния* или *социальном обеспечении*, политики теперь в основном говорят о *благосостоянии* – как и широкая общественность. И в этом дискурсе значение этого слова более или менее перевернуто с ног на голову. В наши дни это имеет очень мало общего с благополучием; скорее *благосостояние* стало почти термином злоупотребления. Быть *на пособии* -to be on welfare значит быть на улице льгот

или участвовать в Великой британской раздаче льгот, там, где никто в здравом уме не хочет быть. Автор пытается как можно ярче выразить негативно-оценочную позицию общества по отношению к нынешней системе *социального благополучия* посредством макроконтекста, где используются не только отрицательная лексика (*term of abuse, precious little*), наречия (*more or less, almost, rather than*), но и сарказм, который раскрывает суть значения, что значит быть для людей на социальном обеспечении.

Следующий контекст является образным примером отрицательной репрезентации современного восприятия данного термина правительством.

Tory ministers turned the word “welfare” into an abusive term, misleadingly branding the entire social security budget as “welfare” when the most is pensions, not the dole, let alone scroungers [203].

Министры Тори превратили слово *социальное обеспечение* в оскорбительный термин, вводя в заблуждение, называя весь бюджет социальной помощи «*социальным обеспечением*», когда большая их часть — это пенсии, а не пособие по безработице, не говоря уже о нищих. Таким образом, мы можем отметить, что на сегодняшний день содержание концепта *социальное обеспечение* отражает все существующие социальные проблемы общества британского населения, начиная от пенсионных выплат до уровня безработицы.

Когнитивные признаки концепта *социальное обеспечение* варьируются между показателями субъективного и объективного благополучия. Первое основано на самооценке, т. е. насколько человек удовлетворен своей жизнью. Объективное же строится на материальных либо социальных обстоятельствах, которые включают доход извне, например, уровень заработка, дохода, богатства, жилья, и т. д. Соответственно, опираясь на указанные выше факторы, концепт *социальное обеспечение* имеет субконцепты, которые дают возможность более детально раскрыть специфическую сущность и когнитивные особенности анализируемого концепта. Субконцепты, которые репрезентируют концепт *социальное обеспечение* = это социальные блага, которые предназначены для покрытия основных нужд и потребностей общества в виде *жилищных пособий, налоговых льгот на детей, пособий на школьное питание, студенческих грантов, пособий по инвалидности, пенсионных программ, пособий по поддержке дохода, пособий по трудоустройству, по безработице* и т. д.

Когнитивные признаки концепта *социальное обеспечение*, отражающие субконцепт социальные блага, реализуются в социально-общественном британском медиадискурсе посредством лексических единиц, которые выражают удовлетворение потребностей общества в виде *benefits, support, social security, social aid, health, education, housing, income* и т. д. Например,

Labour split the concept of the welfare state apart. It talked on the one hand about “welfare”, by which it meant the social security budget; and on the other, “public services”, by which it chiefly meant health and education [202].

Согласно автору, данная концепция государства всеобщего благосостояния была разделена на части лейбористами. С одной стороны, это *социальное*

обеспечение, под которым подразумевался бюджет социального обеспечения, а с другой стороны — *государственные услуги*, под которыми в основном подразумевались здравоохранение и образование.

The reductions in benefit spending come during a period when costs have risen for poorest families, leaving them using a disproportionately high share of their income on housing, fuel, food and childcare [204].

В данном примере речь идет о сокращении расходов на пособия, которое происходит в период, когда расходы беднейших семей возросли, в результате чего они тратят непропорционально высокую долю своих доходов на жилье, топливо, питание и уход за детьми.

The government sees the whole benefits system only as a cost without value [205].

Правительство рассматривает всю систему льгот только как затраты без ценности. В данном случае образуется еще один когнитивный признак концепта *социальное обеспечение* — затрата, расход. эквивалент на английском языке — cost.

Cut billions from disability, housing, in-work and child benefits, and deep poverty is the all-too-predictable consequence [206].

В данном примере речь идет о прогнозируемом следствии в результате сокращения миллиардов на пособия по инвалидности, жилье, на детей и на глубоко нищих людей.

В ходе анализа нами также было выявлено, что концепт *социальное обеспечение* является следствием выражаемых чувств, которые отражают психоэмоциональное состояние человека, и уровня чувства удовлетворенности. Следовательно, антонимический ряд исследуемого концепта включает слова противоположного значения, которые непосредственно имеют отношения к негативному состоянию, например, *mental distress, anguish, hunger, ill-being, fear, sadness, unhappiness, dissatisfaction, suffering, misery, disadvantage, debt*, и т. д.

Синонимический ряд концепта *социальное обеспечение* состоит из эквивалентов, которые показывают наиболее частотное употребление на основе анализируемого материала: *benefit system, social security, income, safety, support, poverty program, health service, social aid, profit, protection, well-being* и т. д.

Когнитивные оценочные признаки исследуемого концепта больше реализуются в примерах, которые выражают отрицательную оценку и свидетельствуют о признаке *психического состояния человека*. Они представлены такими языковыми единицами как: *mental distress, mental health, mental state, fear, shame, an aching worry, anguish* и т.д. Например,

Britain's benefit system causes mental distress. That is not a partisan claim. It is just a fact. A study by a Newcastle and Teesside universities last year found that universal credit had so profoundly affected claimants' mental health that some had considered suicide. Tougher "fit for work" tests have been linked by the University of Liverpool to 590 additional suicides and hundreds of thousands of additional antidepressant prescriptions among disabled people. The Department for Work and

Pensions (DWP) has itself internally reviewed at least 69 suicides that could have been linked to problems with benefit claims [207].

В этом абзаце, четко прослеживается уровень состояния, вызванный системой социального обеспечения. Британская система льгот вызывает *психические расстройства*. На данный момент это не партизанское утверждение. Это просто факт, основанный на исследованиях университетов Ньюкасла и Тиссайда, согласно которому, универсальный кредит так сильно повлиял на *психическое здоровье* заявителей, что некоторые подумывали о *самоубийстве*. Более жесткие тесты на *пригодность к работе* были связаны Ливерпульским университетом с 590 дополнительными *самоубийствами* и сотнями тысяч дополнительных рецептов антидепрессантов среди инвалидов. Департамент труда и пенсии сам провел внутреннее расследование по меньшей мере 69 самоубийств, которые могли быть связаны с проблемами выплаты пособий.

В следующем примере мы также можем наблюдать состояние человека в результате потери социальных выплат.

Just as poverty does not simply mean not having enough money, losing social security does not only mean being poor. It fosters a mental state: a fear in the pit of your stomach, a sense of shame that you have found yourself in this position and an aching worry you won't get out of it. The fact that it is the government causing this anguish instead of providing a safety net for your time of need, keeps you awake at night [207].

Потеря социального обеспечения означает не только *бедность*. Это способствует *психическому состоянию*: *страху* в глубине живота, *чувству стыда* за то, что оказались в таком положении, и *мучительному беспокойству*, из которого не выбраться. Тот факт, что именно правительство вызывает эти *страдания* вместо того, чтобы обеспечить защиту в трудную минуту, не дает спать по ночам. Применение оценочной и экспрессивной коннотации достаточно четко иллюстрируют отрицательное субъективное отношение автора к данной проблеме. В связи с реформами масштабных сокращений государственных льгот, наблюдается резкое ухудшение социального положения среднего населения, которое в итоге приводит к таким последствиям как: *психические расстройства, самоубийство, голод и др.* (*mental distress, suicide, hunger, etc.*).

Meanwhile, our research confirms that the experiences of people with mental health problems using the UK welfare system are largely negative and the pressure arising from conditions and sanctions exacerbate mental and health problems [208].

Между тем, наше исследование подтверждает, что опыт людей с проблемами психического здоровья, пользующихся системой социального обеспечения Великобритании, в значительной степени негативен, а давление, возникающее в результате условий и санкций, усугубляет проблемы с психическим здоровьем.

Следующий фрагмент описывает чувства *страха, надежды, борьбы и любви*, которые испытывают только люди, в отличие от техники, оказавшись в трудном положении и нуждаясь в помощи государства.

After all, human beings are not machines that need to be fed twice a day and stored in a dry box. We are all people with fears, hopes, struggles and loves – and this does not cease the moment we need the state’s help [208].

Еще один наиболее частотный когнитивный признак, который репрезентирует концепт *социальное обеспечение – голод*, который представлен следующими лексическими единицами: *hunger, hungry, starvation, to starve*. Например,

Poor and often seriously ill people with legitimate claims to state support have been left to starve by the government, in order to save money that has been recycled into tax cuts for rich people and big business. This happened under “compassionate Conservative” David Cameron and continues under Theresa May, who promised to “always act in the interest of ordinary, working-class people” [209].

Бедные и часто серьезно больные люди с законными претензиями на государственную поддержку были обречены на голод правительством, которые чтобы сэкономить деньги, снизили налоги для богатых людей и крупного бизнеса. Это произошло при *сострадательном консерваторе* Дэвиде Кэмероне и продолжается при Терезе Мэй, которая пообещала *всегда действовать в интересах простых людей из рабочего класса*. В данном контексте автор также использует сарказм в адрес политиков Д.Кэмерона и Т. Мэй, *“compassionate Conservative” David Cameron, Theresa May, who promised to “always act in the interest of ordinary, working-class people”*, тем самым, усиливая свою отрицательную оценочную позицию в отношении власти и критикуя их действия. Приведем еще один пример,

It was the true story that moved a Tory to tears: Heidi Allen, Conservative MP for South Cambridgeshire, wept after Frank Field, the veteran Labour MP for Birkenhead in Wirral, told parliament of the hungry constituent who had “a lucky week” because his family had been invited to a funeral and so could eat the food left over the wake [210].

Это была правдивая история, которая тронула Тори до слез: Хайди Аллен, депутат-консерватор от Южного Кэмбриджшира, плакала после того, как Фрэнк Филд, ветеран лейбористской партии от Биркхэнда в Виррале, рассказал парламенту о голодном избирателе, который сказал, что у него была *счастливая неделя*, потому что его семья была приглашена на похороны и поэтому могла съесть еду, оставшуюся после поминок. В данном фрагменте можно проследить тонкий сарказм автора по отношению к властям, с отрицательно-оценочной позиции.

Revie said: “It’s hard to break from hunger if there isn’t enough money coming in to cover the rising cost of absolute essentials like food and housing. For too many people, staying above water is a daily struggle.” [211].

В данном контексте автор приводит слова Эммы Ревии, исполнительного директора Трастового фонда Trussel, что трудно освободиться от голода, если не поступает достаточно денег, чтобы покрыть расходы на такие предметы первой необходимости, как еда и жилье. Для слишком многих людей пребывание над водой — это ежедневная борьба.

Revie said the benefits system was failing to protect claimants from hunger [212].

Автор также ссылается на слова Эммы Ревии, что система льгот не в состоянии защитить заявителей от голода.

For those children going hungry this summer, and beyond, the memory will linger and it will alter their perceptions of themselves and the nation. In our bold Brexit future, Britain looks like to be seen not as a country that nurtures its young, but one that starves them [213].

В данном фрагменте автор ясно выражает свою субъективную отрицательно-оценочную позицию к Брекситу, который имеет непосредственное отношение к сокращениям льготных систем. У детей, которые голодают этим летом и в последующие годы, это останется в памяти, это изменит их восприятие самих себя и нации. В нашем смелом будущем, связанном с Брекситом, Британию, скорее всего будут рассматривать не как страну, которая воспитывает своих детей, а как страну, которая морит их голодом.

It was a 'a life and death' election for those targeted by government cuts, and they voted to fight against hunger, isolation and worsening mental health [214].

Это были выборы *не на жизнь, а на смерть* для тех, кто пострадал от правительственных сокращений, и они проголосовали за борьбу с голодом, изоляцией и ухудшением психического здоровья.

Следующий когнитивный признак концепта *социальное обеспечение*, который также выделяется частотным применением, представлен лексическими единицами *бедность, бедный, нищий, нищета – poverty, poor*. Данный признак в основном, является результатом последствий сокращений, ограничений или отмены льготных средств для нуждающихся семей. Например,

"Cuts and freezes have taken family budgets to the bone as costs rise and there is more pain to come as the two-child limit for tax credits and universal credit, the bedroom tax, the benefit cap and the rollout of universal credit push families deeper into poverty." [204].

В данном примере наблюдается реальная картина сокращения и замораживания, которые до предела ударили по семейным бюджетам, поскольку расходы растут, и предстоит еще больше страданий, лимит на двух детей для налоговых льгот и универсального кредита, налог на спальню, ограничение льгот и внедрение универсального кредита толкают семьи все глубже в бедность.

Heidi Allen and Frank Field said botched social security policies such as universal credit and disability benefit assessments, together with cuts to local services, had fuelled extreme poverty and left the welfare safety net malfunctioning [215].

Хайди Аллен и Фрэнк Филд заявили, что неудачная политика социального обеспечения, такая как всеобщее кредитование и оценка пособий по инвалидности, наряду с сокращением местных услуг, привела к крайней нищете и к сбоям в системе социального обеспечения.

Когнитивный признак концепта *социальное обеспечение*, который репрезентирует проявление *бедности*, реализуется идиомой *to make ends meet – сводить концы с концами*. Например,

Flagship welfare reforms will trigger a big increase in families unable to make ends meet, new analysis reveals [216].

По новому анализу, флагманские реформы социального обеспечения приведут к значительному увеличению числа семей, неспособных сводить концы с концами.

CPAG's annual Cost of a Child report, by Prof Donald Hirsch of Loughborough University's Centre for Research in Social Policy, suggests a series of benefits cuts and freezes, together with the recent rise in inflation, is making it increasingly difficult for low-income families to make ends meet [217].

Ежегодный отчет о расходах ребенка, подготовленный Д. Хиршем из Центра исследований социальной политики Университета Лафборо, предполагает, что ряд сокращений и замораживании пособий, а также недавний рост инфляции все больше затрудняют семьям с низкими доходами сводить концы с концами.

Таким образом, результаты концептуального анализа языкового материала концепта *социальное обеспечение* приводят к следующим выводам.

Согласно исследовательскому материалу, можно утверждать, что концепт *социальное обеспечение* динамичен в развитии и с течением времени подвергался изменениям в содержательно-понятийной структуре.

Образно-оценочная структура современного концепта *социальное обеспечение* носит больше отрицательную оценочную природу сравнительно с положительной и представлена в социально-общественном британском медиадискурсе отрицательной оценочной лексикой, метафорой, идиомами, фразеологизмами, сравнениями и другими стилистическими средствами (*to make ends meet, take to the bone, stay above water*).

В ходе анализа публикаций с 2016 по 2020 гг. были выявлены наиболее продуктивные синтагматические связи лексической сочетаемости концепта *социальное обеспечение*, которые выражают отрицательные, смысловые признаки в его концептуальном содержании (*benefit cuts, welfare cuts and freezes, benefit spending, benefit claims*).

Положительные когнитивные признаки отражаются положительно-оценочной лексикой, а также в сочетаемости слов, в частности в превалирующих атрибутивных сочетаниях: *the welfare state, social security, benefit system, social security, welfare support, welfare safety, social aid, profit, welfare protection*, и др.

Антонимические ряды концепта “welfare” реализуются в сочетаниях следующих пар: *high-income – low-income, negative – positive impacts of welfare system, benefits – threads, welfare is a bad – good thing, controlled – uncontrolled welfare*.

Проведенный анализ современных британских ресурсов, позволил также определить, что когнитивные свойства концепта *социальное обеспечение* варьируются между параметрами субъективного и объективного благополучия,

в результате превалирование негативно-оценочной коннотации в содержании концепта *социальное обеспечение* вызвано его современным восприятием не только в рамках СМИ, но всего британского населения.

Выводы по второму разделу

Возросшее количество научных исследований в области оценки на материале определенного типа дискурсов СМИ продиктованы ее многогранной сущностью. Прежде всего, оценка присуща всем дискурсам и является одной из его дифференциальных признаков. Во-вторых, наполняя собой дискурсивное пространство, оценка выступает эффективным инструментом воздействия на адресата, создавая при этом особенное ментальное пространство, которое формирует определенное мнение, ценностные модели, установки, побуждающие к обратной связи и определенным действиям со стороны адресата.

Медиадискурс в отличие от дискурса является более сложным коммуникативным актом в совокупности со всеми его экстралингвистическими и лингвистическими компонентами, в котором реализация оценки осуществляется посредством постоянного взаимоотношения субъективного и объективного составляющих. Медиадискурс как один из видов дискурса выделяется на фоне присущих ему дифференциальных признаков, которые подчеркивают его индивидуальность и специфичность.

Многообразие жанров дискурса СМИ способствует формированию гибридизации дискурсов, которые на современном этапе отличаются высокой продуктивностью в смежных областях лингвистических исследований. Следовательно, формирование социально-общественного медиадискурса представляет собой новую комбинированную форму специфических видов дискурса СМИ, который отражает медийное пространство в сфере социально-общественной коммуникации. Прежде всего, социально-общественный медиадискурс отличается симбиозным характером, в связи с чем открывает новые перспективы для различных направлений в исследовании социальных событий и изменений в обществе, которые вызваны интенсивным развитием социально-культурной среды, ростом социально-информационных и коммуникационных технологий, появлением новых медиатекстов и медиадискурсов. Таким образом, социально-общественный медиадискурс относится к числу наиболее актуальных вопросов во многих областях науки, таких как философия, логика, психология, социолингвистика, когнитология и т.д. Принимая во внимание общие оценочные механизмы построения данного типа дискурса, можно отметить ряд специфических характеристик, таких как: темпоральность, массовость, релевантность, адресованность, медиальность, прагматичность, мультимодусность, оценочность, которые формируют его основные функционально-стилевые особенности.

В рамках социально-общественного медиадискурса большую значимость представляют когнитивные структуры и механизмы, способствующие формированию оценочных значений и смыслов. Когнитивные структуры и механизмы определяют концептосферу, присущую этому медиадискурсу. На

основе когнитивно-семантического анализа фактического материала были выявлены специализированные базовые концепты, отражающиеся в таких лексико-семантических рядах, как: *социальное обеспечение, общественное здравоохранение, иммиграция, занятость населения, безработица, нищета, проблемы в образовательных учреждениях, бездомность, бракоразводный процесс, пенсионные отчисления, выход на пенсию* и т.д.

Таким образом, социально-общественный медиадискурс, как и любой другой вид дискурса, имеет свое концептологическое поле, с определенными концептами, которые образуют специализированную тематику данной дискурсивной среды. Социальная среда, созданная концептами, способствует возможности описать основные составляющие, такие как действия, время, лица, объекты и т. д.

Социально-экономическая, а также общественно-политическая ситуация в условиях процесса Брексита, выдвинула концепт *иммиграция* и концепт *социальное обеспечение* на доминантную позицию в современном социально-общественном британском медиадискурсе. Поэтому, являясь одними из наиболее продуктивных концептов социально-общественного британского медиадискурса, исследуемые концепты находятся в постоянном развитии, и актуализируют различные значения, формируя все новые когнитивно-оценочные смысловые оттенки.

Результаты этимологического и концептуально-дефиниционного анализа позволили определить свойственные концептам *иммиграция* и *социальное обеспечение* устойчивость в ключевом их понимании в течение исторического развития, а также содержательно-понятийные признаки, меняющиеся со временем, тем самым свидетельствуя о динамичности исследуемых концептов.

Контекстуальный анализ фактического материала подтверждает превалирование негативной оценочной коннотации в содержании концептов *иммиграция* и *социальное обеспечение* так как, сущность данных концептов наиболее часто отражается в дополнительных отрицательных когнитивных признаках, выраженных посредством отрицательно-оценочной лексики, метафорой, идиомами, фразеологизмами, сравнениями и другими стилистическими средствами.

III СПОСОБЫ РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНЫХ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ В СОЦИАЛЬНО-ОБЩЕСТВЕННОМ БРИТАНСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

3.1 Коммуникативные стратегии и тактики оценки в социально-общественном британском медиадискурсе

В данной работе анализ оценочных стратегий и тактик направлен на раскрытие всего оценочного потенциала современного социально-общественного британского медиадискурса, так как любое изложение характеризуется разнообразностью, он может быть объективированным, нейтральным, или же наоборот оценочным, субъективным, с выраженной авторской позицией [218, с. 72]. Автор, как субъект социально-общественного медиадискурса, может манипулировать своей аудиторией в направлении определенной точки зрения либо идеологической позиции, создавая при этом определенные значения, характеризуя их понимание с помощью стратегического размещения оценки в контексте социально-общественного медиадискурса для убеждения адресатов видеть вещи определенным образом. Тем самым, коммуникативная стратегия авторской оценки всегда связана с поиском адекватных способов и языковых средств ее выражения [219, с. 2-3]. Такие свойственные оценке особенности, как воздействие, субъективность, социальность, событийность, осознанность, амбивалентность, окказиональность и другие характерные черты находят языковую и речевую реализацию в рамках социально-общественного медиадискурса путем стратегического и тактического применения оценок.

Начало исследований коммуникативных стратегий и тактик в лингвистике относят к середине 80-х годов, хотя имеются и более ранние исследования, которые нашли отражение в трудах американских ученых Т. Парсонса, Г. Марвелла и Д. Шмидта по американской коммуникативистике, которые занимались изучением речевых стратегий подчинения. В настоящее время существует значительное количество работ, включающих классические и современные труды зарубежных, российских и отечественных ученых. Среди зарубежных ученых, можно отметить научные труды Гумперз, Т. А. ван Дейка, У. Кинч, Р. Уйттингтон, К. Торсон, С. М. Торп.

Среди российских ученых весомый вклад в изучении стратегий внесли С.А. Сухих, А.Н. Баранов, П.Б. Паршин, И.Н. Борисова, О.С. Иссерс, Е.И. Шейгал, Т.Е. Янко, Е.В. Ключева, М.Л. Макарова, Н.Е. Бардина, М.Р. Желтухина, О.Н. Паршина, В.Е. Чернявская, Т.В. Черницына, А.С. Герасимова и т.д., эти ученые занимаются исследованием коммуникативной стратегии и тактики в рамках когнитивной лингвистики, прагматики, теории речевых актов, социолингвистики на материале специфических форм дискурсивных жанров.

В отечественной лингвистике имеются современные научные труды Ж.Е. Бекжановой, Ш. А. Хамраевой, А. М. Куркембаевой, посвященные различным видам коммуникативных стратегий и тактик в рамках политического, газетного, туристического дискурса и т. д. В каждой работе определение содержания коммуникативной стратегии и тактики является немаловажным, так как

исследователь вкладывает свое понятие в определение термина в соответствии с целью изучения. При определении термина *коммуникативная стратегия* многими учеными отмечается его близость с такими понятиями как реализация целей, планирование, действие и т.д.

С когнитивной точки зрения коммуникативная стратегия больше представляет собой когнитивный план, с помощью которого строится последовательность речевых актов для достижения определенной коммуникативной цели. Так, Т.А. ван Дейк, рассматривая стратегию как характеристику когнитивного плана общения, пишет, что эти планы содержат цель, которая достигается посредством организованной последовательности действий [99 с. 124]. Ученый определяет когнитивную стратегию как средство переработки данных в сознании [99, с. 277]. Тем самым предлагает разделить коммуникативных стратегий на когнитивные и речевые, последние в свою очередь, подразделяются на прагматические, семантические и риторические стратегии [99].

Аналогичного мнения придерживается О. С. Иссерс, и определяет стратегию как совокупность нацеленных речевых актов, которое содержит планирование процесса общения в соответствии с условиями коммуникации и его участников и предусматривает реализацию данного плана [220, с. 100]. Далее ученым выделяется главная цель планирования речевых актов, которая заключается в результативном строении мыслительных репрезентаций. Поскольку коммуникативные стратегии являются единицами коммуникативного планирования, она также определяет роль когнитивного планирования, который понимается как построение ментальной репрезентации будущего события в сознании индивида в результате стратегического процесса [220, с. 94].

Таким образом, с точки зрения когнитивного подхода, О.С. Иссерс называет коммуникативную стратегию оружием, позволяющим прогнозировать речевые действия – свои и партнера на несколько шагов вперед (как в шахматной партии) и принятие превентивных мер. Согласно ее мнению, коммуникативная стратегия охватывает все сферы построения коммуникативных процессов, целью которых является достижение определенных долгосрочных результатов. К тому же, автором представлена более подробная классификация коммуникативной стратегии и тактики. С функциональной точки зрения, О.С. Иссерс предлагает деление стратегий на общие, которые направлены на достижение общих социально значимых целей (уговаривание, комплимент, оценка, похвала, дискредитация и др.) и частные, являющиеся частью конкретного коммуникативного акта, либо основные и вспомогательные. Основная стратегия является базовой на данном этапе коммуникативного взаимодействия и считается наиболее важной в зависимости от целей и мотивов [220 с. 95].

Преимущественно основные коммуникативные стратегии прежде всего, нацелены на явное воздействие на адресата, на его образ модели мира, ценностных систем и поведение. Вспомогательные стратегии способствуют продуктивному созданию интерактивного сотрудничества и результативному влиянию на адресата [220, с.106-108]. Таким образом, все элементы

коммуникативного акта являются стратегически важными: автор (адресант), адресат, канал (код) коммуникации и коммуникативный контекст (сообщения) (Р. Якобсон, Е.В. Клюев, О.С. Иссерс).

Другие российские ученые, А. Н. Баранов и П.Б. Паршин, которые также рассматривают стратегию в рамках когнитивного подхода, определяют ее как комплекс действий над моделями мира участников коммуникации [221, с.139-149]. Согласно мнению ученых, модель мира включает в себя организованные знания о мире, свойственные когнитивной системе или ее модели [221, с. 146]. Следовательно, мы можем сделать вывод о том, что коммуникативная стратегия представляет собой ментальное планирование, в процессе которого обрабатывается новая информация в модели мира адресата и должна быть переработана и соотнесена с той частью, которая уже существует в сознании.

Коммуникативные стратегии, как единицы коммуникативного планирования, тесно взаимосвязаны с когнитивным планированием, которые включает в себя ментальные представления о конкретных ситуациях в будущем. Именно с помощью них мы, ставя перед собой цели, используем наиболее оптимальные языковые средства для их достижения. Верно отмечает М.М. Бахтин, что «высказывание с самого начала строится с учетом возможных ответных реакций, ради которых оно, в сущности, и создается» [78, с.275]. Данная особенность проявляется в большинстве случаев в онлайн – СМИ в виде читательских комментариев, которые создаются как ответные реакции к прочитанному материалу, непосредственно к самому автору материала, либо к другим комментариям читателей. В нашей работе реакции читателей являются формой положительно либо отрицательно оценочной интерпретации, которая носит когнитивный характер, будучи связанным с переработкой полученной информации. Соответственно, комментарии очень важны в выявлении результативного восприятия реципиентами той или иной оценки для определения основных оценочных продуктивных стратегий и тактик.

Е.В. Клюев, Г.Г. Матвеева интерпретируют коммуникативную стратегию в виде совокупности, продуманных заранее и реализуемых в ходе коммуникативно-речевого акта, целенаправленных коммуникативных ходов [222, 223].

М.Л. Макаров рассматривает коммуникативную стратегию с двух точек зрения. С одной стороны, под стратегией понимается цель выбора речевых актов и языковых способов говорящего. С другой стороны, стратегию связывают с поставленными целями в структуре коммуникации [224, с.87] Эти два подхода не противоречат друг другу, наоборот, дополняя друг друга, они в совокупности более глубоко раскрывают многоуровневую и полифункциональную природу естественного языкового общения и его строение.

На наш взгляд, исходя из вышеперечисленных определений стратегии, можно выявить основные характерные признаки, отражающие его содержание:

- Целенаправленность, то есть любая стратегия в первую очередь целенаправленна.

- Запланированность, многие авторы отмечают, что коммуникативные стратегии заранее запланированы. Так, если перед нами стоит определенная цель, то мы планируем предварительные шаги для достижения этой цели.

- Последовательность, то есть организация заранее продуманных речевых ходов. Следовательно, с учетом этих особенностей, стратегия — это общая организация языковых средств и речевых действий, направленных на достижение определённой коммуникативной цели.

Наряду с выявленными признаками, важно также определить базовые компоненты коммуникативной стратегии, к которым относятся:

1) «Выбор глобального речевого намерения (констатировать факт, обратиться с просьбой и др.);

2) Отбор тех компонентов семантики предложения и экстралингвистической конситуации, которые соответствуют модифицирующим коммуникативным значениям;

3) Определение того, какой объем информации придется на одну тему, одну рему и т.д.;

4) Соотнесение квантов информации о ситуации с состояниями сознания собеседников и фактором эмпатии;

5) Определение порядка следования коммуникативных составляющих;

6) Настройку коммуникативной структуры предложения на определенный коммуникативный режим (диалогический, нарративный и др.), стиль и жанр» [225, с. 28]. Таким образом, основные компоненты коммуникативной стратегии включают все необходимые элементы для обеспечения эффективности коммуникативного акта. Помимо компонентов, существует также понятие «условия успешности», под которым понимаются предположения, оценки, знания [220, с.71]. Согласно О.С. Иссерс, для того чтобы назвать совершаемое действие тем или иным речевым актом, должны быть осуществлены определенные условия. Это означает иметь представление о ситуации общения, об адресате общения и уметь прогнозировать свой собственный образ [220, с.71]. Тем самым, успешность выбора речевой стратегии, во многом зависит оттого имеем ли мы хоть малейшее представление о вышеуказанных условиях.

В процессе актуализации коммуникативной стратегии используются определенные коммуникативные тактики, которые также отвечают за успешность и эффективность коммуникации. Коммуникативная тактика рассматривается как действия посредством которых реализуется стратегия [220, с. 110]; коммуникативную тактику не выделяют отдельно, а в совокупности с реализацией коммуникативной стратегии [226, с. 578]; применение участниками для построения беседы в рамках определенной стратегии [227, с. 25].

Е.В. Ключев, акцентируя внимание на соотношении коммуникативных стратегий и тактик, пишет: «используя коммуникативную компетенцию, говорящий ставит перед собой коммуникативную цель (определяя или не определяя коммуникативную перспективу) и, следуя определенной коммуникативной интенции, вырабатывает коммуникативную стратегию, которая преобразуется (или не преобразуется) в коммуникативную тактику как

совокупность коммуникативных намерений (коммуникативных задач), пополняя коммуникативный опыт говорящего» [222, с. 20].

Н.Б. Руженцева, ровняет коммуникативную стратегию к основному пути, который в итоге должен привести к победе, а коммуникативная тактика – «конкретные приемы реализации стратегического замысла» [228, с. 27].

Таким образом, взаимосвязь понятий коммуникативной стратегии и тактики позволяет сделать вывод о том, что стратегия – это совокупность объединенных тактик (Е.В. Клюев; О.С. Иссерс, И.В. Труфанова 2001, Н.Б. Руженцева), где стратегия связана с конечной целью коммуникации, в то время как тактика есть определенный способ осуществления стратегии.

Разнообразием отличается типология коммуникативных стратегий в современной научной литературе. Так, Е.И. Шейгал выделяет следующие стратегии в политическом дискурсе: стратегия вуалирования (затушевывания нежелательной информации), стратегия мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение) и стратегия анонимности (деперсонализации) [229, с. 57].

Н.Е. Бардина на основе вышеуказанной типологии, в своих исследованиях, к основному типу относит аксиологические стратегии, к вспомогательным типам - стратегию позитивной вежливости, стратегию негативной вежливости и стратегию вуалирования [230, с.49].

Т.В. Черницына указывает на экспрессивную цель речевых действий, которые нацелены на выражение положительного или отрицательного чувства и коммуникативных намерений говорящего, вследствие которого реализуются оценочные стратегии. В целом, мы хотим отметить, что оценочные стратегии и тактики основаны на базовых понятиях положительных и отрицательных эмоций [231].

Например, А.С. Герасимова рассматривает оценочные стратегии на материале оценочных высказываний членов жюри телепроекта «Голос». Она выделяет положительные и отрицательные оценочные стратегии, основанные на следующих категориях:

1. *нравится – не нравится;*
2. *понятно – непонятно;*
3. *интересно – неинтересно;*

4. *как надо – как не надо* [232, с. 191]. При ситуации согласия применяются тактики: комплимента, похвалы и уговора [232, с. 195].

Оценочные стратегии при публичном отказе осуществляются путем применения следующих тактик: разочарования наставника, апелляции к ожидаемому исполнению, совета, отказа в форме комплимента, самооправдания и самопрезентации [232, с. 58-59].

В трудах М.Р. Желтухиной, О.С. Иссерс, Т.В. Зенковой, И.В. Фроловой и др. выделяются следующие оценочные стратегии:

- стратегия одобрения
- стратегия порицания [231];
- стратегия утверждения однозначности позиции;
- стратегия передачи множественности мнений.

В зависимости от целей исследования, соответственно, авторами выделяются различные тактики для реализации вышеперечисленных стратегий на материале различных языков в СМИ.

В нашей работе в основе классификации оценочных стратегий и тактик в социально-общественном медиадискурсе учитываются базовые характеристики социальных дискурсов, которые должны отражаться в установленных нами стратегиях. К тому же любое оценивание может быть построено на бинарной оппозиции, которая предусматривает собой противопоставление не только языковых единиц, а также стратегий и тактик. Как отмечает И. В. Арнольд, теория оппозиции в языке способствует упорядоченности и составлению различных систематизированных классификации [233, с. 39]. Следовательно, бинарные оппозиции авторской оценки можно наблюдать в противопоставлении следующих стратегий: «однозначности позиции и передачи множественности мнений» либо в стратегиях «одобрения и порицания». Стратегия эмоционального образа рассматривает выражение оценки в оппозиции эмоциональной и рациональной оценки.

Согласно анализу теоретического материала, выделяются следующие основные оценочные стратегии в социально-общественном медиадискурсе, которые более подробно будут рассмотрены в следующих подразделах:

- стратегия одобрения
- стратегия порицания
- стратегия однозначности позиции
- стратегия передачи множественности мнений.

Таким образом, правильный выбор той или иной стратегии, в том числе и тактики, усиливает воздействующую функцию оценки в социально-общественном медиадискурсе.

3.1.1 Стратегия одобрения в социально-общественном медиадискурсе

Фактическим материалом для анализа оценочных стратегий и тактик послужила британская онлайн пресса в количестве более 350 онлайн статей: «The BBC», «The Independent», «The Guardian» и «The Sky news» за период 2016 – 2020 гг.

В целом, стратегия одобрения представляет собой положительную оценку, актуализируя в речи положительные качества, к которым можно отнести положительный отзыв, похвалу; признание объекта хорошим, правильным; письменное свидетельство о хорошей работе и поведении [234, с. 438].

Согласно определению А.В. Сороко, «...коммуникативная стратегия одобрения представляет собой определенный набор языковых средств разных уровней и последовательность речевых действий в рамках речевого акта одобрения, выражающих положительную оценку поведения/действий адресата, включающих поддержку адресанта и, таким образом, репрезентирующих значения констатирующего одобрения и/или побудительного одобрения» [235, с. 63].

В социально-общественном медиадискурсе стратегия одобрения реализуется посредством определенных тактик, актуализирующих

положительную оценку в эксплицитной и имплицитной форме. Далее на основе анализа фактического материала определены частотность и продуктивность употребления тактик в рамках стратегии одобрения (О.Н. Паршина, И.В. Фролова), которая представлена следующим образом:

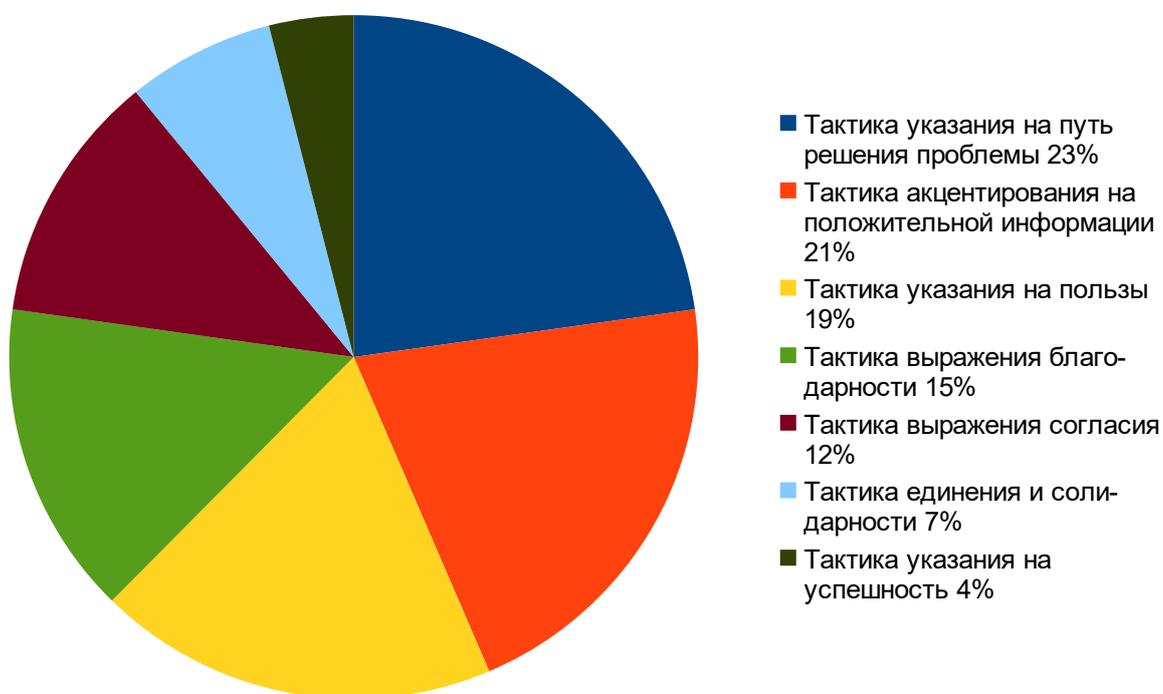

Диаграмма 1- наиболее частотные тактики стратегии одобрения в социально-общественном медиадискурсе.

Тактика указания на путь решения проблемы является наиболее распространенной тактикой (23%) в социально-общественном медиадискурсе и ориентирована на указание определенных путей решения проблемных вопросов социально-общественного характера современного британского населения. Стоит отметить, что данная тактика в большинстве случаев осуществляется в эксплицитной форме, так как оценочные позиции адресанта при указании способов решения проблем отражаются более выражено, чем завуалированно. При реализации данной тактики высокую продуктивность показывает применение модальных глаголов *should* и *must*. Например,

Labour should promote a “welcoming” environment on immigration and free movement, dismantling the whole inhumane Home Office apparatus that wrecks immigrant lives and careers with deportations, family separations, visa refusals, resistance to child refugees, and absurd financial barriers preventing needed doctors and nurses entering the count [236].

В приведенном примере **тактика указания на решение проблемы** осуществляется с помощью модального глагола *should* – *должен*, который применяется как рекомендация на пути решения проблемы. В данном случае лейбористы *должны способствовать созданию «благоприятной» среды для иммиграции и свободного передвижения*, чтобы сократить количество проблем,

созданных Министерством внутренних дел, таких как, разрушение жизни и карьеры иммигрантов, депортация, разделения семей, отказы в визах, сопротивление детям-беженцам и абсурдные финансовые барьеры, препятствующие въезду так необходимых стране врачей и медсестер. Позиция автора явно выражена оценочной лексикой “welcoming”- *благоприятный*.

The APPG says there should be a legal duty on councils to promote integration and the Government must encourage "meaningful social mixing" between immigrants and Britons [166].

В этом контексте авторская положительно-оценочная позиция отражается эксплицитно, посредством использования ссылки на определенные влиятельные лица. В данном случае это общепартийные парламентские группы, которые говорят, что советы должны быть юридически обязанными содействовать интеграции, а правительство – поощрять «значимое социальное смешение» между иммигрантами и британцами.

Businesses that employ large numbers of immigrants should pay a levy, with the cash being used to help ease the strain of migration on communities, the MPs suggest [166].

В этом примере депутаты предлагают, как решение проблемы, предприятиям, нанимающим большое количество иммигрантов, платить налог, а наличные деньги использовать для облегчения миграционной нагрузки на общины, тем самым, оценка выражена эксплицитно, посредством модального глагола *should*.

I believe anyone who comes to the UK, wishes to settle here and likes living here should be allowed to do so, and in due course can receive citizenship without undue expense and formality. It was good enough for my grandparents: why should it be denied to others? [236].

В этом контексте автор выражает субъективную точку зрения, используя личное местоимение *I* в сочетании с оценочным глаголом *believe*, которое уже предусматривает оценку одобрения — Я верю. Далее раскрывается вся информация, во что верит автор и каким образом указывает на решение проблемы. В данном случае оценка выражена имплицитно, так как способ решения проблемы выражен не явно, а посредством риторического вопроса в конце фрагмента, суть которого заключается в том, что если это (*получение гражданства*) было разрешено для предыдущих поколений, то почему в этом должно быть отказано другим. Тем самым, используя риторический вопрос, автор усиливает выразительность последнего высказывания.

Рассмотрим еще один пример, где данная тактика реализуется с помощью модального глагола *should*.

Support needs to be empathetic and free from the threat of removing benefits. Government should enable appropriate interventions that help people with mental health problems [237].

В данном примере автор в помощь людям для решения проблем с психическим здоровьем предлагает правительству поддержать их без угрозы лишения льгот, то есть поддержка должна быть чуткой и свободной. Соответственно, правительство должно предусмотреть соответствующие меры

для данной помощи. Оценочная позиция выражается оценочными прилагательными *empathetic and free*, а также модальными глаголами *needs and should*.

В следующем примере автор предлагает в качестве лучшего способа решения проблем интеграции в обществе больше поддержать иммигрантов, нежели оставлять новичков и их общины тонуть или плавать.

"The best way to do this isn't to leave newcomers and their communities to sink or swim, but to offer migrants more support to integrate into our society."[166].

В этом предложении реализация *тактики решения проблемы* выражается эксплицитно, посредством лексической сочетаемости *the best way – самый лучший способ*, и глагола *to offer – предложить*. К тому же в данном контексте мигрантов называют образным выражением *newcomers – новички*, т. е. указывает на тех, которые только прибыли. Более того, в выражении *isn't to leave newcomers and their communities to sink or swim* наблюдается использование метафоры – *не оставлять новичков и их общины тонуть или плавать*.

Тактика акцентирования на положительной информации позволяет продемонстрировать позитивные стороны, качества, успехи и достижения в социально-общественном медиадискурсе, тем самым выражает эксплицитную и имплицитную позитивную оценку. Например,

A majority of people held a favourable view of migration, with 65% of respondents saying migrants brought valuable skills to the economy and public services, and 59% saying diversity is a good thing for British culture [238].

В этом примере акцент делается на то, что большинство людей положительно относятся к миграции: 65% респондентов и 59% считают, что разнообразие – это хорошо для британской культуры. Следовательно, положительная оценка осуществляется посредством использования количественной оценки 65% и 59% в процентном соотношении по нарастающей на оценочной шкале. Вместе с тем, прослеживается использование *тактики указание на пользу*, где речь идет о внесенных ценных навыков в экономику и общественные услуги.

British universities thrive on the provision of world-class education to overseas students [239].

В данном примере, помимо *тактики акцентирования положительной информации*, используются *тактики пользы* и *тактики успешности*. Польза заключается в том, что Британия предоставляет образование мирового уровня для иностранных студентов, а успешность заключается в процветании образования за счет предоставления этой услуги, тем самым, авторская оценочная позиция выражена эксплицитно.

Public concern about immigration has fallen sharply and attitudes towards its effects are more positive than for many years [193].

В данном контексте реализация *тактики акцентирования положительной информации* осуществляется в эксплицитной форме, с помощью применения сравнительной оценки *has fallen sharply – резко снизилось, more positive than – более позитивным, чем*, тем самым, общественное беспокойство по поводу

иммиграции передается в сравнении, сейчас оно резко снизилось, и отношение к ее последствиям стало более позитивным, чем в течение многих лет.

Meanwhile pensioners collect universal benefits regardless of income like free TV licenses, winter fuel payments and free bus passes [240].

В данном примере позитивное оценочное отношение автора реализуется посредством *тактики акцентирования положительной информации*, которое образуется перечислением преимущественных качеств для удовлетворения потребностей пенсионеров, получающих универсальные льготы, такие как бесплатные телевизионные лицензии, зимние платежи за топливо и бесплатные автобусные проездные.

Тактика выражения благодарности и признание заслуг, а также тактика указывающая на пользу, довольно часто используются в социально-общественном медиадискурсе, дополняя друг друга. Однако вопросы иммиграции, в частности заслуги иммигрантов, их польза для социума не всегда и в должной мере акцентируются британцами, что в итоге приводит к большему применению имплицитной оценки, хотя это не умаляет эксплицитного выражения. Все же британское общество признается в том, что иммиграция делает экономику более динамичной и в целом положительно влияет на производительность и процветание. Например,

More importantly, immigration makes economies more dynamic and is generally positive for productivity and prosperity [190].

В данном примере *тактика благодарности и признание заслуг*, а также *тактика указания на пользу* ярко выражены посредством использования положительно-оценочных наречий: *more importantly, more dynamic*, оценочного прилагательного: *generally positive*, оценочных существительных: *productivity and prosperity*. Тем самым автор выражает положительную оценку в описании иммиграции, которое делает экономику более динамичной и в целом положительно влияет на производительность и процветание.

В следующем примере данная тактика используется посредством количественной оценки, в процентном соотношении приводится факт о том, что 63% людей считают, что иммигранты поддерживают экономику, выполняя ту работу, которую британские рабочие не хотят брать на себя, и аналогичное число заявили, что они принесли ценные навыки для экономики и государственных служб, таких как здравоохранение, тем самым признают заслугу и пользу иммигрантов.

However, 63% of people felt migrant workers supported the economy by doing the jobs British workers did not want to, and a similar number said they brought valuable skills for the economy and public services such as the NHS.

Migrants from Eastern Europe pay billions more in taxes to Britain than they take out in public spending. Far from squeezing hospitals and schools, they subsidise and even staff them. Rather than take jobs, they help create them [180].

В приведенном контексте данная тактика используется посредством сравнительной оценки при описании пользы, которую приносят мигранты из Восточной Европы. В контексте говорится о том, что они платят Британии налоги на миллиарды больше, чем тратят на государственные расходы. Они не

только не заполняют больницы и школы, но и субсидируют их и даже укомплектовывают персоналом. Вместо того чтобы брать работу, они помогают ее создавать.

Следующий пример также указывает на репрезентацию тактики указания на пользу. Согласно исследованиям Лондонского Университетского колледжа, миграция действительно может привести к увеличению заработной платы более высокооплачиваемых работников.

Migrants themselves are disproportionately represented in low-wage sectors and research from the University College London has found that migration can actually lead to an increase in the wages of higher-paid workers [241].

Тактика выражения согласия и поддержки служит для демонстрации общности согласия и поддержания взглядов, которые могут основываться на общих ценностях. Например,

Multiple studies have found that people who have direct contact with immigrants have much more positive views about their work ethic and reliance on welfare, and are much more open to increased immigration [176].

В данном примере, согласно многочисленным исследованиям, можно выявить общую точку зрения на то, что люди, имеющие прямой контакт с иммигрантами, имеют гораздо более позитивное отношение к своей трудовой этике и полагаются на социальное обеспечение, а также гораздо более открыты для увеличения иммиграции. Тем самым, *тактика согласия и поддержки* выражается сравнительной оценкой *much more positive views* и *much more open*.

We must start by valuing the contribution of all ethnic and minority communities to the UK. Rather than being seen as security risks, immigrants should be viewed as Britons-in-waiting, keen to participate in their community [166].

Данный пример достаточно ярко отражает реализацию *тактики выражения поддержки*, которая проводится в отношении иммигрантов.

Автор предлагает начать ценить вклад всех этнических групп и общин меньшинств. Вместо того, что воспринимать их как угрозу безопасности, иммигрантов следует рассматривать как ожидающих британцев, стремящихся участвовать в их сообществе. В данном случае можно также проследить использование оценочной *тактики призыва* положительной информации, несмотря на то, что в нашей работе мы данную тактику не выделяем отдельно, в связи с его непродуктивностью.

В следующем примере автор соглашается с мнением журналиста Адитья Чакрабортти, поддерживая его правоту в том, что иммиграция принесла Великобритании много преимуществ.

Aditya Chakrabortty is right. Immigration has brought many benefits to the UK [236].

В данном примере также можно проследить применение *тактики акцентирования положительной информации* в явно выраженной форме, так как автор статьи акцентирует внимание на том, что иммиграция принесла много преимуществ и открыто об этом заявляет.

Приведем еще один пример для иллюстрации выше названных двух стратегий с более усиливающим эффектом субъективно-оценочной позиции автора. Например,

Public support for more generous welfare benefits is at its highest level for more than two decades, amid new evidence that societal views on social security and immigration are becoming significantly more liberal, according to the latest annual barometer of British social attitudes [242].

Автор, прежде всего, акцентирует внимание аудитории на положительной стороне информации с помощью прилагательных *generous-щедрый* в описании социальных пособий и *liberal – либеральный*, в описании общественных взглядов в отношении социального обеспечения и иммиграции согласно последнему ежегодному барометру британских социальных настроений. Положительный признак социального настроения по барометру движется по нарастающей на оценочной шкале с помощью интенсификатора *more* для усиления оценочного признака. Более того, автор сравнивает прошлую и современную общественную поддержку посредством количественной оценки с интенсификацией *more than two decades – более чем два десятилетия*.

The proportion of British people saying immigration “enriches cultural life” has increased from 26% in 2011 to 46% in 2019, the survey found. Over the same period, the proportion who believe immigration is “bad for the economy” has fallen from 43% to 15% [242].

В данном контексте положительная оценка эксплицируется в явной форме, посредством сопоставления (*increased from, has fallen from*) и количественной оценки путем сравнения их в процентном соотношении (26 %, 46 %, 43 %, 15 %), тем самым выражая поддержку в отношении иммиграции.

Тактика единения и солидарности служит для выявления единых интересов, взаимопонимания британского общества в контексте социально-общественного медиадискурса, которые основываются на общих ценностях. Например,

Furthermore, 47% of Britons think that legally established immigrants should be able to become citizens of the UK, up 10 points from 2017. While the numbers are still low, it is an encouraging indication that the more nationalistic sentiments around the refugee crisis are abating [236].

В этом примере мы можем проследить репрезентацию *тактики единения и солидарности* посредством явно выраженной количественной оценки, в соотношении 47% британцев, которые считают, что легально установленные иммигранты должны иметь возможность стать гражданами Великобритании, что на 10 пунктов больше, чем в 2017 году. Хотя эти цифры все еще невелики, это обнадеживающий признак того, что более националистические настроения вокруг кризиса беженцев ослабевают.

В социально-общественном медиадискурсе **тактика указания на успешность** встречается реже по сравнению с другими тактиками одобрения. Мы полагаем, что редкое употребление данной стратегии заключается в тематической направленности фактического материала исследования, так как на сегодняшний день сущности *иммиграции и социального обеспечения* больше

характерны отрицательные коннотации, нежели положительные, в связи с их различными негативными последствиями, влияющими на британское общество.

Например, в следующем фрагменте можно проследить реализацию *тактики указания на успешность*, которая выражается посредством контекста, однако таких примеров насчитывается мало.

A government spokesperson said: "We want our welfare system to provide a strong safety net while being fair and sustainable for the future. That's why we spend around £90bn a year helping those that need it, including people out of work or on a low income [204].

В данном фрагменте приводится речь представителя правительства, которая ярко выразила его пожелание, чтобы система социального обеспечения создала надежную систему социальной защиты, будучи при этом справедливой и устойчивой в будущем. Вот почему тратится около 90 миллиардов фунтов стерлингов в год на помощь тем, кто в этом нуждается, включая людей без работы или с низким доходом.

На основе данных таблицы, а также проведенного анализа языкового материала мы можем сделать следующие выводы.

1) Оценочные *стратегии и тактики одобрения* в современном британском социально-общественном медиадискурсе в большей степени выражаются в эксплицитной форме, по сравнению с имплицитной. Это объясняется высокой продуктивностью применения оценочных языковых средств, в которых уже заложены положительные оценочные значения, которые характеризуются четкостью и ясностью.

2) Наиболее высокую частотность и продуктивность *стратегии одобрения* в современном британском социально-общественном медиадискурсе показывают *тактики указания на путь решения проблемы, тактика акцентирования положительной информации, выражения благодарности и признание заслуги*, а также *указание на пользу*.

3) Наименее встречающиеся тактики - это тактика *единения и солидарности* и тактика *указания на успешность*.

4) На базе примеров оценочных тактик *стратегии одобрения* были выявлены основные средства и их реализации на лексико-семантическом уровне. Ранее нами было отмечено, что оценка проявляется на всех пластах языка, например, для актуализации *тактики указания на путь решения проблемы* используются, в основном, модальные глаголы (*should, must, can*). Тем не менее, наиболее распространенным выступает лексико-семантический уровень, в котором оценка отражается в семантической структуре слова, с различными коннотациями варьируясь по шкале от точки "*very bad*" до точки "*very good*".

Например, для актуализации *тактики указания на путь решения проблемы* используются также положительные оценочные прилагательные в превосходной и сравнительной степени (*the best way, good enough*), нейтральная лексика с положительной оценочной коннотацией в словосочетаниях (*welcoming environment, free movement, meaningful social mixing*), глаголы (*to*

promote, to encourage, to support, to help, start by valuing, to help ease the strain, to offer migrants more support, to receive citizenship).

Тактики выражения благодарности и признание заслуги и указание на пользу реализуются путем применения положительной оценочной лексики (*dynamic, positive, productivity, prosperity, valuable*), глаголов (*to make, to support, to bring, to help, to create, to lead, increase*) и т.д.

Следующая тактика акцентирования положительной информации осуществляется с помощью положительно-оценочной лексики (*valuable skills to the economy and public service, good thing for British culture, positive views, many benefits* и др.), глаголов (*to think, to say, to have direct contact, to bring*).

5) Достаточно часто применяются авторами интенсификаторы (*much more, enough, actually, even*) и др.

6) Следует отметить, что каждая тактика стратегии одобрения может быть реализована как самостоятельно, так и в составе нескольких тактик одновременно. Более того, есть общие признаки следующих тактик, таких как *выражения благодарности и признание заслуги*, а также *тактики указание на пользу*. Представленные тактики указывают на сходства признания, заслуг и пользы адресата, тем самым вызывая чувство благодарности. В целом, можно отметить что тактика акцентирования положительной информации практически актуализируется со всеми вышеперечисленными тактиками одобрения, так как, в первую очередь, стратегия одобрения нацелена на отражении положительно- оценочной информации.

7) Наряду с наличием общих свойств выявлены причинно-следственные связи употребления некоторых тактик реже, чем остальных. Например, тактика выражения благодарности и признание заслуги встречается реже, чем тактика, указывающая на пользу. Это связано с тем, что оценочная природа чувства благодарности носит более формальный характер, для британцев присуща вежливость, тем не менее в них преобладает чувство национального превосходство, особенно над иммигрантами. Тем самым, в анализируемых материалах исследования четко представлены примеры, где британское общество признает заслуги, а также указывает на пользу и помощь иммигрантов, однако нет конкретных лексических единиц, которые выражали бы благодарность оказанной ими услуге и т. д.

3.1.2 Стратегия порицания в социальном медиадискурсе

Стратегия порицания представляет собой бинарную оппозицию стратегии одобрения и служит для выражения отрицательной оценки в британском социально-общественном медиадискурсе, т.е. порицание — это есть неодобрение относительно поступков, действий поведения либо намерения адресата.

В нашей работе, за основу систематизации тактик порицания берется работа Т.В. Черницыной, которая классифицировала коммуникативные стратегии порицания на базе следующих критериев:

- а) Содержание (за намерения, за жадность, за внешний вид, за слабость, за отсутствие вкуса, за неправильный образ жизни, за обман/неправду, за пьянство, за неискренность);
- б) Объект (прямое порицание, самопорицание);
- в) Эмоциональность (рациональная, эмоциональная);
- г) Степень серьезности (серьезная, ироничная);
- д) Временная направленность (прошлое, настоящее, будущее);
- е) Способ выражения (вербальный, невербальный);
- ж) Степень намерений (оскорбление, угроза);
- з) Особенности языкового оформления (сравнение/противопоставление, отрицание, риторические вопросы, фразеологические единицы) [231].

Стратегии порицания актуализируются с помощью следующих тактик в социально-общественном медиадискурсе:

- 1) наличия проблемы;
- 2) прогнозирования, перспективы;
- 3) отрицания;
- 4) обвинения;
- 5) дискредитации;
- 6) иронии и сарказма;
- 7) несогласия.

Частотность реализации тактик стратегии порицания представлена в следующем виде:

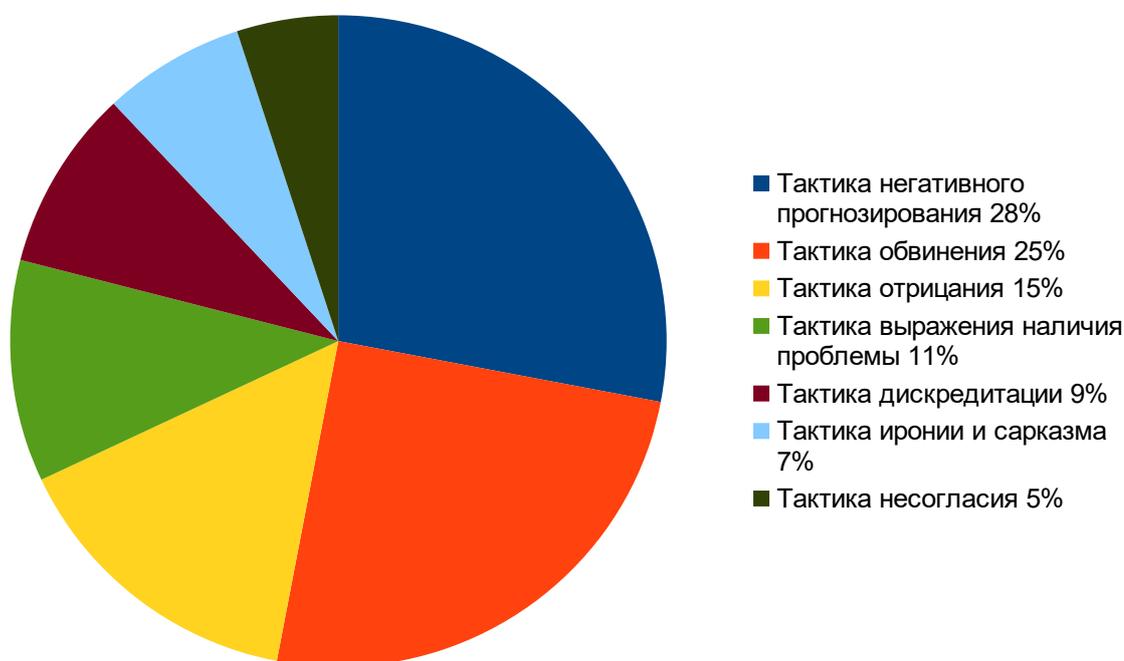

Диаграмма 2 - наиболее частотные тактики стратегии порицания в социально-общественном медиадискурсе.

Тактика прогнозирования служит с целью реализации ожидаемых положительных, либо отрицательных прогнозов на будущее. В контексте британского социально-общественного медиадискурса *тактика прогнозирования* способствует выявлению ожидаемых неблагоприятных прогнозов на будущее у британского населения, которые обычно сопровождаются чувствами страха, опасения, тревоги и беспокойства от ситуации неопределенности в условиях нынешних сокращений льгот, пособий, повышения пенсионного возраста, и др. Например, в следующем фрагменте речь пойдет о старшем поколении Британии, которое не может идти в ногу со временем в силу своего возраста.

The population is getting older and the welfare state can no longer keep up. After two months talking to people in Britain about retirement, it's clear that old age is an increasingly scary prospect [243].

Данный пример, эксплицитно выражает негативную оценку, которая реализуется посредством прилагательного *scary* — *пугающий*, с усиливающим эффектом в сочетании с наречием *increasingly* — *все более*, которые иллюстрируют отрицательный прогноз на будущее пенсионного возраста, после двух месяцев разговоров с людьми Британии о выходе на пенсию, становится ясно, что старость становится все более пугающей перспективой.

В следующем контексте *тактика прогнозирования* также используется для иллюстрации будущего в условиях увеличенного пенсионного возраста. Для британцев увеличение пенсионного возраста равняется жизни без пенсии.

This is what a world without retirement looks like. Workers will be unable to down tools, even when they can barely hold them with hands gnarled by age-related arthritis. The raising of the state retirement age will create a new social inequality [243].

Вот как выглядит мир без пенсии. Рабочие не смогут опустить инструменты, даже если они едва могут держать их руками, скрюченными возрастным артритом. Повышение государственного возраста создаст новое социальное неравенство. *Тактика прогнозирования* выражает явную отрицательную оценку, четко выражая образное представление работающих пенсионеров с помощью экспрессивной лексики.

Данная тактика осуществляется с помощью применения будущего времени — *will*.

Рассмотрим еще один пример, для иллюстрации данной тактики и ее реализации посредством грамматической конструкции будущего времени.

It will one day be widely accepted that cross-border labour flows can be managed without tilts into xenophobia; without government vans inviting people to "go home"; without accusing European Union citizens of "jumping the queue" for jobs; without fostering a "hostile environment" that vilifies and unlawfully deports British citizens. That day, sadly, does not look imminent [244].

В один прекрасный день будет широко признано, что трансграничными потоками рабочей силы можно управлять без склонности к ксенофобии; без правительственных фургонов приглашающих людей «вернутся домой»; без обвинений граждан Европейского союза в «перепрыгивании очереди» на

работу; без создания «враждебной среды», которая очерняет и незаконно депортирует британских граждан. Этот день, к сожалению, не выглядит неизбежным.

Используемая тактика прогнозирования в этом контексте реализуется эксплицитно, посредством будущего времени *will*, а также для более усиливающего эффекта оценочного воздействия применяются отрицательная эмоционально-оценочная лексика (*xenophobia*, *unlawfully deports*), образные выражения (“*jumping the queue*”, “*hostile environment*”). Более того, неоднократное применение *повторов* предлога *without* способствует выражению эмоционального состояния автора, использование наречий интенсификаторов *widely*, *unlawfully*, *sadly* развивают и усиливают оценочные качества заложенных в значении сочетаемых слов.

В следующем абзаце речь пойдет о планах Тори касающихся мигрантов.

Under the Tory plan, migrant workers will have to wait five years before they can claim welfare benefits. This will immediately mean they will not be able to claim working tax credits, so that workers doing the same job will take home very different pay [245].

В данном примере *тактика прогнозирования* реализуется эксплицитно, по плану Тори трудящимся-мигрантам придется подождать пять лет, прежде чем, они смогут претендовать на социальные пособия. Это сразу же будет означать, что они не смогут претендовать на рабочие налоговые льготы, так что работники, выполняющие одну и ту же работу, будут получать домой совсем другую зарплату.

В некоторых случаях, в рамках социально-общественного медиадискурса, можно проследить имплицитную оценку в реализации *тактики прогнозирования*, которая становится ясной с привлечением предыдущего контекста. Например,

In other words, wealthier people become beneficiaries of what remains of the welfare state [243].

Другими словами, более богатые люди становятся бенефициарами того, что останется от государства всеобщего благосостояния. В данном предложении мы не можем более точно определить, о каком прогнозе идет речь, и только с привлечением предыдущего контекста, можно выявить, что прогноз носит более негативную окраску, так как речь идет о будущем благосостоянии только богатых людей, которые станут бенефициарами всеобщего благосостояния от государства.

При реализации *тактики прогнозирования* часто применяется количественная оценка, которая может эксплицитно выразить как отрицательную, так и положительную оценку. Например,

The Institute for Fiscal Studies (IFS) predicts absolute child poverty will rise from 15.1% in 2015-16 to 18.3% in 2020-21 – mainly thanks to benefit changes forcing lower incomes down [246].

Согласно прогнозам Института финансовых исследований, абсолютная детская бедность вырастет с 15.1% in 2015-16 to 18.3% in 2020-21, в основном благодаря изменениям в пособиях, которые приведут к снижению доходов.

Еще один пример приведем с количественной оценкой, которая способствует выражению тактики прогнозирования в эксплицитной форме.

A government shakeup of welfare payments being introduced on Thursday will push a quarter of a million children into poverty while wiping thousands of pounds off payments for bereaved families, according to research [247].

В этом примере наблюдается явно выраженная негативная оценка автора, согласно его прогнозу о социальных выплатах по исследованиям, которые, в итоге приведут к тому, что четверть миллиона детей окажутся в нищете, а тысячи фунтов будут вычтены из выплат семьям, потерявшим близких.

В следующем примере *тактика прогнозирования* эксплицируется посредством лексической единицы *projections* — *прогноз*, количественной оценки, будущего времени *will* и контекстного окружения.

Theresa May's welfare cuts will help push almost one million more children into relative poverty by 2022 and two thirds of those affected will live in working households, according to the latest projections from the Institute for Fiscal Studies. [248].

Согласно прогнозам Института финансовых исследований, сокращения социального обеспечения Терезы Мэй поможет загнать еще почти миллион детей в относительную нищету к 2022 году, и две трети пострадавших будут жить в работающих семьях.

Таким образом, *тактика прогнозирования* характеризуется высокой функциональной продуктивностью в контексте социально-общественного медиадискурса и реализуется посредством будущего времени *will*, также эмоционально-оценочной лексики, образными выражениями и количественными оценками.

Тактика обвинения в социально-общественном медиадискурсе используется для выражения чувства недовольства в отношении политических лидеров, министров, также иммигрантов, мигрантов, количество которых увеличивается из года в год и т.д. Данная тактика показывает достаточно высокую продуктивность реализации в связи с актуальностью и темпоральностью исследования тематики социально-общественных проблем. В большинстве случаев данная тактика реализуется с помощью выраженной отрицательной оценочной позицией автора, посредством оценочных глаголов *accuse, blame* и т. д. Например в следующем абзаце, мы можем проследить ярко выраженную отрицательную оценку путем применения данной тактики в отношении Бориса Джонсона, которого открыто обвинили в расизме после того, как он заявил, что мигранты слишком долго относились к Британии как к своей, и в том, что премьер-министр принял тон «анти-иммиграционного собачьего свиста» и обвинил мигрантов в «доморощенных проблемах».

Boris Johnson is facing a fierce backlash and claims of racism after saying migrants had been “treating Britain as their own” for too long. With just a few days to go before the general election, the prime minister was accused of adopting an “anti-immigration dog whistle” tone and “blaming migrants for homegrown problems” [171].

Реализация *тактики обвинения* осуществляется с помощью окружающего контекста ситуации, а также насыщенной отрицательно - оценочной лексики и образных выражений: *a fierce backlash, claims of racism, accused of, "anti-immigration dog whistle" "blaming migrants for homegrown problems"*.

Boris Johnson has been accused of scapegoating people who are risking their lives by crossing the Channel to seek asylum in the UK and using "inaccurate and inflammatory" language to describe their plight [249].

В данном контексте тактика обвинения также используется в отношении Бориса Джонсона. Он сделал козлом отпущения людей, рискующих своей жизнью пересекая Ла-Манш в поисках убежища в Великобритании, при этом он использовал «неправильные и подстрекательские» формулировки для описания их тяжелого положения.

Следующий пример также подтверждает реализацию *тактики обвинения* в эксплицитной форме, в данном случае министр социальных служб Кристиан Портер обвинил органы социального обеспечения в недостатке воображения, требуя увеличения выплаты по безработице для начинающих.

The social services minister Christian Porter has accused welfare bodies of lacking imagination for calling an increase in the Newstart unemployment payment [250].

Рассмотрим еще один пример с применением *тактики обвинения* в эксплицитной форме. Речь пойдет о сравнении британской социальной системы с большей частью Европы, в котором выявляется, что британская система благосостояния унижена.

What this underlines is how debased Britain's welfare politics have become compared with much of the rest of Europe. Blame Tory austerity, or New Labour's workfare, or Thatcherism's trite exhortations to get on your bike – but we have ended up with a system shot through by two toxic beliefs [251].

В данном абзаце автор призывает винить строгую экономию Тори или оплату труда Новых лейбористов, или банальные призывы Тэтчеризма сесть на велосипед – которое в итоге получили систему, пронизанную двумя ядовитыми убеждениями.

Следует также отметить, что для *тактики обвинения* характерно как эксплицитность, так и имплицитность, который часто выражаются в контекстном окружении.

Michael Gove and Boris Johnson peddled their fiction about Turkey joining the EU. One didn't need especially keen hearing to pick that up as code for 80 million Muslims entering Christendom. Foregoing and subtlety. Nigel Farage said allowing Syrian refugees into the UK would put British women at risk of sexual assault. In order to further their campaign and their careers, these professional politicians added bigotry to their armoury of political weapons [252].

В данном примере отсутствует ярко выраженное обвинение в адрес выше названных политиков. Тем не менее, сарказм и широкий контекст способствовали выявлению истинной сущности политиков, таких как, Майкл Гоув и Борис Джонсон, которых обвинили в распространении выдумки о вступлении Турции в ЕС, а также Найджела Фараджа, который заявил, что

разрешение сирийским беженцам въехать в Великобританию подвергнет британских женщин риску сексуального насилия. В целях продвижения своей кампании и своей карьеры эти профессиональные политики добавили фанатизм в свой арсенал политического оружия.

В следующем примере наблюдается противоположная картина, где депутаты косвенно обвиняют новичков (иммигрантов) в том, что они живут параллельной жизнью, и антииммигрантская риторика затрудняет людям полную интеграцию в британскую жизнь.

Newcomers are increasingly living parallel lives and anti-immigrant rhetoric is making it harder for people to fully integrate in British life, the MPs say [166].

Johnson forgets “the contribution and sacrifice of millions of immigrants and that is unforgivable” [171].

В этом примере автор обвиняет Б. Джонсона, считая неппростительным что он забывает вклад и жертвы миллионов иммигрантов.

Следующий пример также является образцом косвенной экспликации тактики обвинения, потеря социального обеспечения в целом способствует ухудшению психического состояния и страданию человека. Тот факт, что именно правительство вызывает эти страдания вместо того, чтобы обеспечить защиту в трудную минуту, не дает спать по ночам. Соответственно, прослеживается косвенное обвинение в адрес правительства.

The fact that it is the government causing this anguish instead of providing a safety net for your time of need, keeps you awake at night [207].

Таким образом, мы можем отметить, что тактика обвинения многообразна в своем проявлении, так как в большинстве случаев акторы не всегда называют вещи своими именами, тем самым, реализация данной тактики выявляется с помощью контекста ситуации, где четко прослеживается обвинение или упрек.

Тактика отрицания используется для выражения отказа от нежелательной информации либо события, которое не может быть принято. Отрицание может быть, как обоснованным, так и необоснованным, в зависимости от аргумента, факта, ситуации и т.д. В таких случаях мы имеем необъективное отрицание, которое противоречит определенным ценностным нормам и стандартам. Например,

We hear almost daily that migrants threaten British jobs, and that migrant workers lead to a drop in wages for British workers. In reality, there is no evidence that migration drives down wages, particularly for working class [241].

В этом контексте автор пишет, что мы почти ежедневно слышим, что мигранты угрожают британским рабочим местам и что рабочие-мигранты приводят к падению заработной платы британских рабочих. На самом деле, нет никаких доказательств того, что миграция приводит к снижению заработной платы, особенно для рабочего класса. Тем самым, тактика отрицания в данном случае является обоснованной, и реализуется последующим контекстом и путем применения отрицательного слова *no* в сочетаемости с существительным *evidence*, которые актуализируют объективное отрицание.

В следующем контексте можно проследить также применение двух тактик одновременно, тактики обвинения и тактики отрицания.

In the same breath, people who perpetuate the false notion that migrants drive down wages often also claim that migrants are abusing our welfare system. Memes and viral Facebook posts often claim that “illegal” immigrants are always “first in the queue” for housing, benefits and are a drain on the NHS. But this couldn’t be further from the truth. As shown by the latest report from the Office for National Statistics on immigration, it’s students who make up around half of all non-EU immigration and the majority of EU nationals predominantly arrive to work [241].

Вначале приводится неярко выраженное обвинение в адрес людей, которые увековечивают ложное представление о том, что иммигранты снижают заработную плату, часто также утверждают, что иммигранты злоупотребляют нашей системой социального обеспечения. Мемы и вирусные посты в Facebook часто утверждают, что «нелегальные» иммигранты всегда «первые в очереди» на жилье, пособия и являются утечкой для здравоохранения.

Далее автор применяет *тактику отрицания* для подтверждения необъективной информации, согласно докладу Управления национальной статистики по иммиграции, что это не могло быть далеким от истины, так как именно студенты составляют около половины всех иммигрантов, не входящих в ЕС, и большинство граждан ЕС в основном приезжают на работу. В данном случае обе тактики реализуются эксплицитно.

В следующем высказывании *тактика отрицания* полностью раскрывается в рамках контекста.

It is wholly premised on the idea that immigration is a bad thing, with migrants having a negative impact. The truth is opposite. Migration is a good thing [237].

Это полностью основано на идее, что иммиграция — это плохо, а мигранты оказывают негативное влияние. Истина противоположна. Миграция — это хорошо.

Тактика дискредитации целенаправленно используется авторами для того чтобы намеренно дискредитировать либо подорвать доверие к кому-либо за обман, игнорирование норм и ценностей общества. В некоторых случаях авторы пользуются помощью третьего лица, имплицитно выражая свою отрицательно-оценочную позицию. Например,

When Johnson talked about Turkey, they circulated pictures of a church with a minaret photoshopped on top. When Farage talked about sexual-assaulting Syrians, they began talking about “rape-fugees”. This far-right chatter, says Mughal, reached its peak the MP Jo Cox was killed [253].

В этом примере используемая *тактика дискредитации* в отношении политиков Джонсона и Фараджа применяется с целью привлечения внимания общества, для того чтобы описать их расистские действия против иммигрантов. Эксплицитно выраженная отрицательная оценка реализуется посредством употребления гипербололизации. *This far-right chatter... reached its peak*, и видоизменения слова “*refugees*” - беженцы в “*rape-fugees*” - бегло-насильники которые в результате обрели абсолютно новое отрицательное значение.

В следующем примере автор с помощью *тактики дискредитации* выражает негативную оценочную позицию в отношении Бориса Джонсона, используя выражение *Imagine — представьте себе*, с целью привлечь внимание

аудитории для того, чтобы дискредитировать его, в связи с его действиями за ложные обещания в реформировании иммиграционной системы.

Imagine a prime minister who comes to power promising to reform the nation's immigration system, yet does not know of the existence on one of the central planks of the system, and one in particular need of reform. Imagine Boris Johnson [254].

Представьте себе премьер-министра, который приходит к власти, обещая реформировать иммиграционную систему страны, но при этом не знает о существовании одного из центральных элементов системы, который особенно нуждается в реформировании. Представьте себе Бориса Джонсона. *В данном случае, тактика дискредитации явно выражена посредством контекста и повтором императива imagine – представьте себе.*

Тактика дискредитации в данном примере выражена явной негативной авторской позицией, посредством использования отрицательной оценочной лексики (*monumental failures, mendacity, mistakes*).

Despite overseeing monumental failures, Ms McVey remains in post. Mendacity in welfare allows Tories to evade engagement with facts. This needs to stop. Without facing up to mistakes, one cannot learn from them-and in welfare it is the poorest who will pay [255].

Несмотря на колоссальные неудачи, мисс Маквей остается на своем посту. Лживость в сфере социального обеспечения позволяет тори уклоняться от взаимодействия с фактами. Это нужно прекратить. Не сталкиваясь с ошибками, нельзя учиться на них – и в сфере социального обеспечения платить будут самые бедные.

Тактика наличия проблемы в социально-общественном медиадискурсе служит с целью авторской оценочной позиции для привлечения внимания читателя на существующим проблемам, к их решению и побуждению ответной реакции со стороны реципиентов. Например,

That underlying problem is acknowledged by all sides. The question is not whether you cut state pension entitlements but how far you go [240].

В этом примере мы видим, что основная проблема заключается не только в сокращении государственной пенсионной выплаты, но и в том, как далеко они заходят. Автор обращает внимание на степень серьезности этой проблемы и его прогнозирование будущего, которое находится под вопросом. Оценочная позиция автора эксплицируется имплицитно, так как стоит вопрос, как далеко они зайдут. Имплицитная оценка *how far you go – как далеко вы заходите*, в данном случае означает что-то худшее в будущем, чем просто сокращение государственной пенсии.

В следующем примере, *тактика наличия проблемы* раскрывается последующими предложениями.

There are, of course, problems to this approach. Those who can happily work into their 70s and beyond are likely to be the privileged few: the highly educated elite who haven't spent their working lives in jobs that negatively affect their health. If the state pension age is pushed further away, for those with failing health, family responsibilities or no jobs, life will become very difficult [243].

Конечно, в этом подходе есть свои проблемы. Те, кто может счастливо работать до 70 лет и старше, скорее всего, будут привилегированными немногими: высокообразованной элитой, которая не провела свою трудовую жизнь на работах, которые негативно влияют на их здоровье. Если государственный пенсионный возраст будет отодвинут еще дальше, для тех, у кого слабое здоровье, есть семейные обязанности или нет работы, жизнь станет очень трудной. В этом примере данная тактика реализуется посредством социального контекста и эксплицитной оценки, которые явно раскрывают суть проблемы.

But the main issue for the estimated 8.3 million people living with unmanageable debt is needing to borrow money to survive [202].

Но главная проблема для примерно 8,3 миллиона человек, живущих с неуправляемыми долгами, заключается в необходимости занимать деньги, чтобы выжить. В данном высказывании, автор использует две тактики одновременно, *тактика наличия проблемы и тактика нужды*, так как проблема, затронутая автором, вытекает из необходимости и нужды.

Тактика наличия проблемы выражается словами, составляющими основной смысл их употребления *problems, issue, question*.

Тактика иронии и сарказма используется в социально-общественном британском медиадискурсе для выражения позиции автора в переносном значении, которое содержит тонкую завуалированную сатирическую интенцию. Согласно нашим наблюдениям, проведенный анализ примеров тактики иронии и сарказма, в недостаточной мере раскрывает ее картину. Это обусловлено тем, что политика любой британской прессы основана на толерантности, согласно которой авторы, в отличие от комментариев адресатов, не могут себе позволить высшие формы проявления сарказма и иронии в открытом виде. Например,

"Automatic enrolment pension saving and near record employment are just two issues which contribute enormously to people's lives, but are not reflected in the analysis." [256].

В этом контексте автор использует *тактику иронии*, которая имплицитно раскрывает суть всего контекста. Человек не имеющий представления о том, каково нынешнее положение социального обеспечения, не сможет понять иронию автора касательно основополагающих вопросов благосостояния, пенсионных накоплений и безработицы. Автоматическое зачисление пенсионных накоплений и почти рекордная занятость - это всего лишь две проблемы, которые вносят огромный вклад в жизнь людей, но не отражены в анализе.

В следующем контексте речь пойдет о политиках, которые обвиняются как в открытой, так и косвенной форме в поддержке расизма. Для иллюстрации *тактики обвинения* автор приводит конкретные примеры согласно их поведению и действиям.

It's what happens when cabinet ministers, party leaders and prime-ministerial wannabes sprinkle arguments with racist poison. When intolerance is not only tolerated, but indulged and encouraged. For months leading up to last week's vote, politicians poured a British blend of Donald Trumpism into Westminster china. They

told 350 m little lies. They made cast-iron promises that Iain Duncan Smith now admits, were only ever “possibilities”. And the Brexit brigade flirted over and over again with racism [253].

Негативная оценочная позиция автора по отношению ко всем вышеназванным политикам проявляется путем использования различной стилистически окрашенной лексики (*cast-iron promises* – железные обещания, *only ever “possibilities”* – всего лишь обещания);

- стилистических приемов, как сарказм: *sprinkle arguments with racist poison* – посыпать аргументы расистским ядом, *poured a British blend of Donald Trumpism into Westminster china* – вливать британскую смесь с Дональдом Трампом в Вестминистерский Китай;

- гиперболы: *the Brexit brigade flirted over and over again with racism* – бригада Брексита снова и снова флиртует с расизмом, прослеживается имплицитная оценка: под бригадой Брексита подразумевается правительство, которое поддержало Brexit, так как сам по себе Brexit не может флиртовать;

- *They told 350 m little lies* – Они сказали 350 миллионов маленьких неправд; зевгма: *When intolerance is not only tolerated, but indulged and encouraged* – Когда нетерпимость не только терпелась, но потакалась и поощрялась.

В данном абзаце можно проследить применение основных способов реализации *тактики иронии и сарказма* в рамках социально-общественного медиадискурса.

Тактика несогласия применяется для выражения несовпадений мнений, позиций или оценки, тем самым формируется посредством сравнений или сопоставлений. Например, в следующем контексте речь идет о несовпадении мнений британцев о разнообразии британской культуры.

A sizeable minority – 40% - said they believed having a wide variety of backgrounds and cultures undermined British culture, while 60% felt diversity was part of British culture [238].

В данном примере тактика несогласия выражается в эксплицитной форме. Значительное меньшинство - 40 % - заявили, что, по их мнению, большое разнообразие происхождения и культур подрывает британскую культуру, в то время как 60 % не согласны с этим и считают, что разнообразие является частью британской культуры.

Рассмотрим еще один пример, в котором лейбористы выражают несогласие с тори и отвергают их подход согласно правам мигрантов.

Labour rejects this entire approach. Migrants are people, and people should have rights. Under Labour they will. If you are legally entitled to be here, these rights must include the right to a family life and to all the fundamental rights that make this country a decent society. We will not accept the Americanisation of our society, using the attack on migrants as a battering ram against all our rights [245].

В данном контексте можно также проследить, как с помощью тактики несогласия Лейбористы продвигают свою партию - *Under Labour they will*. Они отвергают весь подход Тори, подчеркивая, что мигранты — это люди, и у людей должны быть права. При лейбористах они будут. Если вы имеете законное

право находиться здесь, эти права должны включать право на семейную жизнь и все основные права, которые делают эту страну достойным обществом. Мы не примем американизацию нашего общества, используя нападение на мигрантов в качестве тарана против всех наших прав. Таким образом, тактика несогласия реализуется в эксплицитной форме посредством оценочной лексики (*a decent society, the attack, a battering ram*), модальных глаголов (*should, must*), оценочных глаголов (*reject, accept*) и условного предложения (*If*).

Таким образом, фактический исследовательский материал, позволяет сделать следующие выводы:

1) *Оценочная стратегия порицания* и ее тактики показывают весьма продуктивное применение в социально-общественном медиадискурсе. Это обосновывается прежде всего его тематической направленностью. Такие социально - обусловленные проблемы, как *иммиграция* и *социальное обеспечение* в современном британском обществе достаточно широко и насыщенно освещаются в сфере средств массовой информации, тем самым вызывая научный интерес к речекommunikативной стороне их функционирования в контексте социально-общественного медиадискурса. Для *стратегии и тактик порицания* характерно как эксплицитное, так и имплицитное оценивание в связи с репрезентацией негативной информации.

2) Наиболее высокую частотность и продуктивность среди тактик *стратегии порицания* в современном британском социально-общественном медиадискурсе показывают *тактики прогнозирования и перспективы, тактика обвинения, тактика отрицания и тактика указания на существование проблемы*.

3) Наименее встречающиеся тактики - это *тактика несогласия*.

4) Анализ примеров оценочных тактик *стратегии порицания* выявил основные средства их реализации в эксплицитной форме на всех языковых уровнях. Например, актуализация тактики прогнозирования и перспективы на лексико-семантическом уровне представлена существительными: *prospect, projections, predictions*, оценочными прилагательными: *scary, unable, hostile, imminent, different*; сравнительными прилагательными: *wealthier, older*, наречиями в сравнительной степени: *increasingly, even, sadly, widely, immediately*, а также количественными оценками. Для реализации тактики обвинения используются атрибутивные словосочетания: *welfare payments, benefits system, welfare politics* и др., оценочные словосочетания: *a negative impact, a good thing, a fierce backlash, claims of racism*, оценочные глаголы: *blame, to accuse, to claim*, образные выражения: *“anti-immigration dog whistle”, “homegrown problems”*. Тактика отрицания используется путем применения негативных выражений: *no evidence, couldn't be further from the truth, the truth is opposite, союзов: but, however и т.д.*

В целом можно также отметить, что большинство случаев функционирования имплицитной оценки стратегии порицания реализуется с помощью окружающего контекста и фоновых знаний, образных выражений, иронии и сарказма.

5) В реализации усиливающего эффекта *стратегии и тактик порицания* используются интенсификаторы (*increasingly, much more, much lower, very, too far, enough, actually, even*) и др.

6) Следует отметить, что каждая тактика *стратегии порицания* может быть реализована как самостоятельно, так и в составе нескольких тактик одновременно. Например, общая *тактика наличие отрицательной информации*, может присутствовать в составе практически всех тактик порицания, так как в целом акцентирует внимание на негативной информации. Тактика *обвинения* может быть использована вместе с *тактикой прогнозирования*, а также с *тактикой сарказма*. Представленные тактики в составе могут указывать на ход события, на эмоциональность, степень серьезности и т.д.

3.1.3 Стратегия однозначности позиции в социально-общественном медиадискурсе

Стратегия однозначности позиции заключается в отражении ясности и четкости при изъяснении и высказывании мнения. Для этой стратегии характерно совместное применение обеих стратегий одобрения и порицания в связи со способностью автора выразить положительную и отрицательную оценочную позицию. В сравнении с другими оценочными стратегиями, эта стратегия больше нацелена на подтверждение уровня важности оценочного объекта и содействует формированию представления о нем. В основном данная стратегия реализуется различными типами аргументации для оценочного суждения. Н.А. Ощепкова пишет, «активность в тисках либо для доказательства приемлемости отстаиваемой позиции, либо для того, чтобы побудить человека действовать» [257, с. 10].

Данная стратегия реализуется следующими тактиками в социально-общественном медиадискурсе :

1. *тактика необходимости, нужды;*
2. *тактика неопровержимости;*
3. *тактика демонстрации уверенности;*
4. *тактика совета;*
5. *тактика призыва*
6. *тактика убеждения*

Все выше представленные оценочные тактики *стратегии однозначности позиции* иллюстрируются в следующей диаграмме:

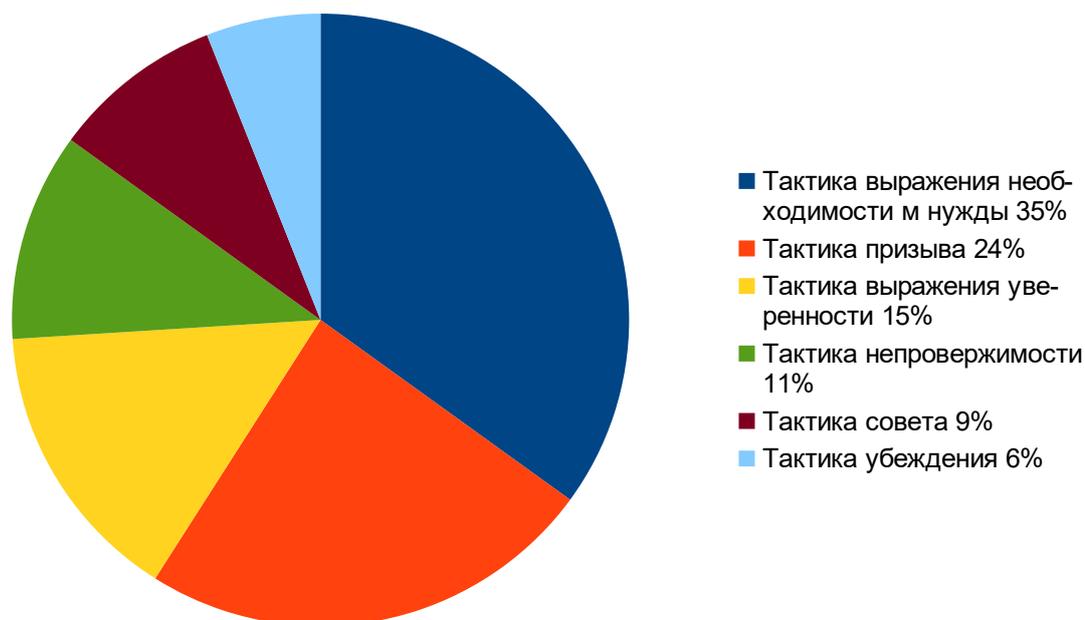

Диаграмма – 3 наиболее частотные тактики стратегии однозначности позиции в социально-общественном медиадискурсе.

Тактика выражения необходимости и нужды отражает состояние потребности в чем-то, в социально-общественном медиадискурсе данная потребность может быть вызвана различными социальными проблемами, например недостатком полноценной пищи, заработной платы для прожиточного минимума, недостаточностью социальных выплат по состоянию здоровья, социальной медицинской помощи, льгот за обучение, проживание и т. д. Данная тактика, по итогам анализа фактического материала показывает высокую степень фреквентативности в применении. Например, в следующем контексте с помощью данной тактики раскрывается основная проблема, затронутая автором.

Trying to provide nutritious meals that also leave their children feeling full is also an issue: the Mps and peers' report notes that many parents opt for cheaper, stodgy food simply to ameliorate their kids' hunger and ensure they can play and sleep without gnawing hunger [213].

В попытке обеспечить питательной пищей, которая заставит их детей чувствовать себя сытыми, также является проблемой: в отчете депутатов и сверстников отмечается, что многие родители выбирают более дешевую, тяжелую еду просто для того, чтобы утолить голод своих детей и обеспечить им возможность играть и спать, не испытывая голода. В данном случае по контексту можно определить негативную имплицитность ситуации, автор использует сразу несколько тактик, *тактику признания существования проблемы и тактику нужды*, так как, проблема заключается в том, что не только дети, но и взрослые нуждаются в правильном питании, однако, прежде всего, нужно утолить голод детей.

Следующий пример описывает эксплицитное выражение тактики нужды, сравнивая потребности британских семей.

While many families are struggling to provide extra meals, many more are struggling to provide extra childcare. When rent, bills and childcare costs are totted up, food is often the place where margins can be cut [213].

В то время как многие семьи изо всех сил пытаются обеспечить дополнительное питание, многие другие изо всех сил пытаются обеспечить дополнительный уход за детьми. Когда арендная плата, счета и расходы по уходу за ребенком суммируются, еда часто является единственным местом, где можно сократить маржу.

В данном абзаце речь идет об инвалидах, которые нуждаются в системе социального обеспечения. Согласно их мнению, они нуждаются в социальном обеспечении, которая поддерживает, а не наказывает их. Мы хотим, чтобы правительство приняло меры, чтобы система социального обеспечения работала на инвалидов, а не против них.

While many families are struggling to provide extra meals, many more are struggling to provide extra childcare, we need a welfare system which supports rather than punishes, welfare system so it works for disabled people, not against them.

“Now more than ever, we need a welfare system which supports rather than punishes. We want the government to act urgently to fix our fundamentally-flawed welfare system so it works for disabled people, not against them. The long-awaited Welfare Green Paper will be a chance to correct these injustices” [258].

Тактика необходимости и нужды реализуется эксплицитно посредством целого контекста, а также ключевых глаголов, выражающих необходимость и нужду — need, want.

Таким образом, на лексическом уровне тактика выражения необходимости и нужды реализуется с помощью оценочных прилагательных: *nutritious, full, stodgy, disabled, long-awaited*; оценочных существительных: *feeling, hunger, childcare, welfare, chance, injustice*; оценочных глаголов: *provide, ameliorate, ensure, struggle, need, support, punish, correct, fix*; наречий: *simply, urgently, extra*.

На морфологическом уровне данная стратегия передается прилагательными и наречиями сравнительной степени с целью усилить значения отрицательного признака: *many more, cheaper, more than ever, rather than*. Синтаксический уровень выражен противопоставлением, сравнением, риторическими вопросами:

Тактика призыва применяется в социально-общественном медиадискурсе с целью обращения или просьбы предложения о чем-либо. Данная тактика проявляется в двух формах в косвенной и прямой. Косвенно тактика призыва используется с помощью лексической единицы призывать- *call u urge* в прямой форме, посредством обращения в прямой речи. Для начала рассмотрим случаи, когда тактика призыва передается в косвенной форме. Например,

The universal credit study’s authors are calling for the government to conduct a robust health impact assessment of all welfare reforms..... [207].

В этом контексте *тактика призыва* реализуется в эксплицитной форме посредством глагола – *to call*. Авторы универсального кредита призывают

правительство провести тщательную оценку воздействия на здоровье всех реформ в области социального обеспечения.

The thinktank urged the government to unfreeze benefits, increase training for adult workers and to embark on a more ambitious house-building programme to provide affordable homes for struggling families [259].

В данном отрезке речь идет об аналитическом центре, который призвал правительство разморозить льготы, расширить подготовку взрослых работников и приступить к осуществлению более амбициозной программы строительства жилья для нуждающихся семей. *Тактика призыва* осуществляется посредством глагола *to urge-призвать* и всего контекста, который раскрывает основную цель призыва.

В следующем фрагменте речь идет об организациях, таких как: Детское общество, Акция в интересах детей, Проект 17 и Союз, которые написали секретарю по вопросам образования, призывающая его предоставить бесплатное школьное питание учащимся из малообеспеченных семей мигрантов, классифицирующихся как «не имеющих доступа к государственным средствам».

The children's Society, Action for Children, Project 17 and Union are among the organizations that have written to the education secretary. Gavin Williamson, calling on him to extend free school meals to pupils from low-income migrant families classed as having "no recourse to public funds" [260].

Следующие примеры иллюстрируют явное применение тактики призыва, с помощью авторского прямого обращения во множественном числе.

We shouldn't be afraid to stand up for migrant's right be telling the truth. The truth about migration is that those in power have failed to make the case for migrant's rights and have instead pandered to anti-migrant narratives. Migrants are far more than their economic contributions and are not responsible for destructive policies designed to crack down on public spending. Britain can be a place where people don't suffer just because they move, where policy is grounded in evidence and the public are brought on board – we just have to be brave enough to ask for it [241].

Посредством *тактики призыва* выражается положительная оценочная позиция автора. В своей речи адресант призывает общество не бояться отстаивать права мигрантов, говорить правду. Правда о миграции заключается в том, что те, кто находится у власти, не смогли отстаивать права мигрантов и вместо этого потворствовали антииммигрантским рассказам. Мигранты — это гораздо больше, чем их экономический вклад, и они не несут ответственности за разрушительную экономику, направленную на сокращение государственных расходов. Британия может быть местом, где люди не страдают только потому, что они переезжают, где политика основана на доказательствах, а общественность привлечена к участию — мы просто должны быть достаточно смелыми, чтобы попросить об этом.

"We must act now to safeguard our diverse communities from the peddlers of hatred and division while addressing valid concerns about the impact of immigration on public services, some of which can contribute to local tensions" [166].

В этом контексте *тактика призыва* явно используется для предупреждения негативных последствий и призывает действовать сейчас, чтобы защитить наши разнообразные общины от распространителей ненависти и раскола, одновременно устраняя обоснованные опасения по поводу влияния иммиграции на государственные службы, некоторые из которых могут способствовать местной напряженности.

Таким образом, *тактика призыва* реализуется всеми лингвистическими средствами на всех языковых уровнях. Лексико-семантический уровень представлен оценочными прилагательными: *robust, ambitious, diverse, brave, destructive, free, low-income, anti-migrant*; оценочными существительными: *impact, tensions, truth, power, contributions, evidence, assessment*,

Тактика выражения уверенности используется для обозначения четкой убежденности авторской оценочной позиции в чем-либо, тем самым данная тактика ориентирована на субъект оценки в социально-общественном медиадискурсе. Например,

This is so obviously a deterrent factor that it completely undermines the boasts about attracting the most highly skilled workers. It is instead a continuation and extension of the Tories' "hostile environment" approach to migrants. But it also has an impact on the whole British workforce [245].

В данном примере автор с уверенностью утверждает, что это настолько очевидный сдерживающий фактор, что он полностью подрывает надежды на привлечение высококвалифицированных работников. Вместо этого это продолжение и расширение подхода тори «враждебная среда» к мигрантам. Но это также оказывает влияние на всю британскую рабочую силу. *Тактика выражения уверенности* реализуется эксплицитно, посредством наречий; *so obviously, completely, instead*, а также оценочной лексики (*hostile, the most highly skilled workers, attract, undermine, impact*).

В следующем примере *тактика уверенности* выражается эксплицитно в рамках контекста путем сравнения:

"Hunger in the UK isn't about food – it's about people not having enough money," she said [261].

Согласно утверждению автора, голод в Великобритании связан не с едой, а с тем, что у людей недостаточно денег.

Like most countries – white-majority or otherwise – Britain is not automatically welcoming of outsiders. It is too soon to extrapolate from this that there is a fundamental acceptance of immigration as a "good" in and of itself. Antipathy towards immigrants claiming benefits or using the NHS remains high. Future waves if migration may not be met with the same wall of hostility as previous ones [262].

В этом контексте, *тактика уверенности* реализуется с помощью сравнения (*like most countries, as*), гиперболы (*white-majority*), образной лексики (*outsiders*), оценочной лексики (*is not automatically welcoming, "good", antipathy, benefits, hostility*), наречий (*too soon*). Автор уверен в том, что, как и в большинстве стран – с белым большинством или без – Британия автоматически не приветствует чужаков. Слишком рано делать из этого вывод о том, что существует фундаментальное признание иммиграции как «блага» само по себе.

Антипатия к иммигрантам, претендующим на льготы или пользующимся услугами здравоохранения, остается высокой. Будущие волны миграции могут быть встречены той же стеной враждебности, что и предыдущие.

Тактика неопровержимости используется адресантом с целью представить объект оценки бесспорным, неоспоримым в социально-общественном медиадискурсе. В следующем предложении автор говорит о том, что мигранты - это люди, и это бесспорно. Как бы трудно не было консерваторам признать это. Но будь то мигранты, это вопрос здоровья, жилья или общего качества жизни.

Migrants are people. The Conservatives may struggle to recognize that. But whether Migrants it's a matter of health, housing or general quality of life [245].

В следующем контексте говорится о британской системе пособий, которая вызывает психические расстройства, и это является фактом. Неопровержимость данного факта доказано исследованиями, проведенными университетами Ньюкасла и Тисайда, о том, что универсальный кредит настолько сильно повлиял на психическое здоровье заявителей, что некоторые подумывали о самоубийстве.

Britain's benefit system causes mental distress. That is not a partisan claim at this point. It is just a fact. A study by Newcastle and Teeside universities last year found that universal credit had so profoundly affected claimants' mental health that some had considered suicide [207].

Meanwhile, our research confirms that the experiences of people with mental health problems using the UK welfare system are largely negative and the pressure arising from conditions and sanctions exacerbate mental and health problems [208].

В данных фрагментах реализация **тактики неопровержимости** осуществляется подтверждением исследования о том, что опыт людей с проблемами психического здоровья, пользующихся системой социального обеспечения Великобритании, в значительной степени негативен, а давление, возникающее в результате условий и санкций, усугубляет проблемы с психикой и здоровьем. Таким образом, **тактика неопровержимости** выражена отрицательной эксплицитной оценкой в рамках контекста.

Тактика совета служит с целью рекомендации, субъективного, коллективного мнения как поступить в определенной ситуации в контексте социально-общественного медиадискурса. В следующих фрагментах **тактика совета** реализуется с помощью модальных глаголов *must, should*.

To build a humane social security system, Britain must not only work to provide benefit claimants with enough to live on but to start believing that their lives count [207].

Чтобы построить гуманную систему социального обеспечения, Британия должна не только работать над тем, чтобы предоставить претендентам на пособие достаточно средств для жизни, но и начать верить, что их жизнь имеет значение. В данном случае тактика совета выражена эксплицитно посредством контекста.

В следующем примере, **тактика совета** применяется для того, чтобы указать на то, что вместо вызывающих беспокойство форм и собраний система

социального обеспечения должна предпринимать такие шаги, как предоставление людям ежегодных сводок о льготах.

It says that far from anxiety-inducing forms and meetings the welfare system should instead be taking steps such as providing annual summaries of benefit entitlements to people [263].

В целом *тактика совета* и *тактика указания на путь решения проблемы* имеют сходства в функционировании в рамках социально-общественного медиадискурса. Для реализации обоих тактик применяются модальные глаголы: *should, must* и *could*.

Тактика убеждения в социально-общественном медиадискурсе нацелена на воздействие или влияние адресата с привлечением ряда аргументов. Данная тактика больше раскрывается с привлечением полного содержания материала, где автор приводит достаточное количество аргументов с целью убеждения адресата в своей оценочной позиции (положительной либо отрицательной). Следующий фрагмент, где автор все же пытается убедить общество является тому ярким примером,

If Britain leaves the EU, the people I grew up with will not see social housing waiting lists diminish, because the Conservative government will not build the council housing we need. They will not see secure jobs materialise, because there will be no industrial strategy to create them. They will not enjoy a surge in living standards, because the cuts policy will only be accelerated. A vote for leave has become a vote to slash immigration to solve Britain's multiple problems. Searing disappointment awaits [264].

В данном фрагменте автор приводит аргументы для убеждения общества в том, что, если Британия выйдет из ЕС, люди, с которыми он вырос, не увидят, как уменьшатся очереди на социальное жилье, потому что консервативное правительство не будет строить жилье для совета, в котором нуждаются. Они не увидят, как материализуются безопасные рабочие места, потому что не будет промышленной стратегии для их создания. Они не будут наслаждаться резким повышением уровня жизни, потому что политика сокращений будет только ускорена. Голосование за отпуск стало голосованием за сокращение иммиграции для решения многочисленных проблем Великобритании. Вас ждет жгучее разочарование. Тем самым, основная цель автора – повлиять на решение людей не голосовать за выход, так как все сходится к ключевой проблеме, сокращению иммиграции, которая, по мнению людей, виновата во всех проблемах британского общества. Следовательно, автор пытается убедить общество перестать обвинять иммигрантов, как это происходит во всех маленьких городах.

Проведенный анализ тактик *стратегии позиции однозначности* позволяет прийти к следующим выводам:

1) *Оценочная стратегия однозначности позиции* и ее тактики показывают довольно высокую продуктивность в рамках социально-общественного медиадискурса. Для стратегии и тактик однозначности позиции более характерна эксплицитная оценка, так как данная стратегия нацелена на выражение ясности и четкости при изъяснении и высказывании мнения. Эта

стратегия предусматривает применение как положительной, так и отрицательной позиции автора.

2) Наиболее высокую частотность и продуктивность среди тактик *стратегии однозначности позиции* в современном британском социально-общественном медиадискурсе показывают *тактики необходимости и нужды* и тактика *призыва*.

3) Наименее встречающиеся тактики - это *тактика неопровержимости* и *тактика совета*.

4) Анализ примеров оценочных тактик *стратегии однозначности позиции* выявил основные средства и их реализации на всех языковых пластах. На лексическом уровне исследуемые тактики реализуются с помощью оценочных прилагательных, оценочных существительных, оценочных глаголов, наречий и т.д. На морфологическом уровне данные тактики передаются прилагательными и наречиями сравнительной степени с целью усилить значения отрицательного либо положительного признака. Синтаксический уровень часто выражается противопоставлением, сравнением, повторами, перечислением тех или иных качеств, умолчанием для передачи интенсивности высказывания положительной либо отрицательной оценки.

5) Следует отметить, что каждая тактика *стратегии однозначности позиции* может быть использована как самостоятельно, так и в составе нескольких тактик, одновременно дополняя друг-друга. Например, *тактика призыва* может быть представлена вместе с *тактикой нужды и необходимости*. *Тактика неопровержимости* может быть использована вместе с *тактикой выражения уверенности*. Представленные тактики в составе могут дополнять друг-друга, указывая на ход события, на степень эмоциональности и серьезности и т. д.

3.1.4 Стратегия передачи множественности мнений в социально-общественном медиадискурсе

Стратегия передачи множественности мнений используется для выражения отсутствия единства, расхождения во мнениях либо разногласия во взглядах, так как освещенный в рамках социально-общественного медиадискурса разносторонние точки зрения. Следовательно, при реализации этой стратегии, авторская позиция иллюстрируется открытостью и эксплицитностью положительной либо отрицательной оценки.

Для выражения данной стратегии применяются следующие тактики:

1. *тактика сопоставительного анализа мнений;*
2. *тактика указания различий.*

Частотность и продуктивность *тактик стратегии множественности мнений* в социально-общественном медиадискурсе можно представить в следующем виде:

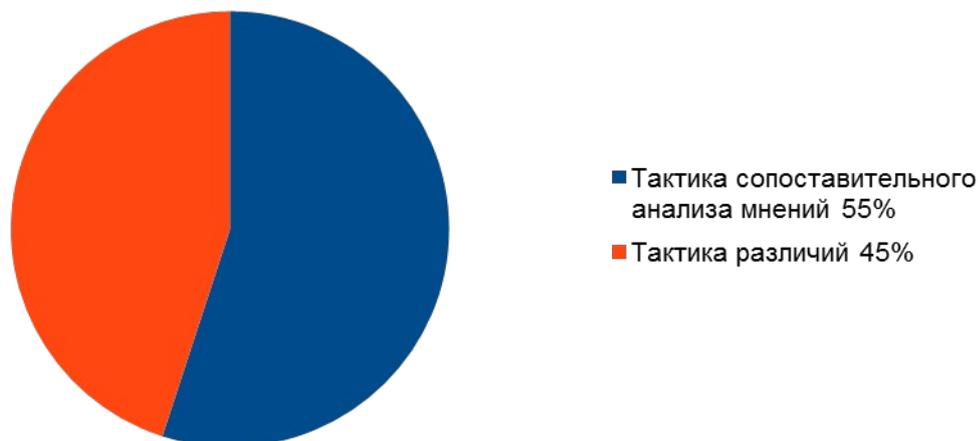

Диаграмма – 4 наиболее частотные тактики стратегии множественности мнений в социально-общественном медиадискурсе.

Тактика сопоставительного анализа основана на сравнении мнений, точек зрения, опыта и любой другой различной информации, представляющих значимый интерес и важную ценность в рамках социально-общественного медиадискурса. Например, в следующем фрагменте автор использует имплицитное сравнение для реализации *тактики сопоставительного анализа*.

“Staying in will be worse for immigration, worse for jobs, worse for wages and worse for our way of life... To remain means being powerless to cut mass immigration which keeps wages low and puts catastrophic pressure on our schools, hospitals, roads and housing stock” [265].

«Остаться значит будет хуже для иммиграции, хуже для рабочих мест, хуже для нашего образа жизни... Остаться означает быть бессильным сократить массовую иммиграцию, которая удерживает заработную плату на низком уровне и оказывает катастрофическое давление на наши школы, больницы, дороги и жилищный фонд». *Тактика сопоставления*, в данном случае реализуется стилистическим приемом расширенного повтора прилагательного в сравнительной степени *bad-worse* и предлога *for*, которые послужили средством отрицательной эмоционально-оценочной интенсификации высказывания. Использование многоточия после повторов указывает на незавершенность, либо умолчание авторской мысли, тем самым способствует усилению экспрессивной функции. Таким образом, *тактика сопоставления* осуществляется имплицитно, подтверждением этому служит отсутствие объекта сравнения и для его определения соответственно важно фоновое знание, с помощью которого можно определить, что автор имеет в виду за и против Брексита.

Рассмотрим следующий пример:

Hunger and food bank use affected women disproportionately: they were twice as likely to be food insecure as, because they were more likely to skip meals so their

children could eat, while single mothers accounted for about a fifth of all food bank users [261].

В этом отрезке речь идет о последствиях голода и использования продовольственного банка, которые непропорционально сказывались на женщинах: они в два раза чаще испытывали нехватку еды, поскольку чаще пропускали прием пищи, чтобы их дети могли поесть, в то время как матери-одиночки составляли примерно пятую часть всех пользователей продовольственного банка. Актуализация *тактики сопоставительного анализа* представлена путем применения наречия *disproportionately, likely, more likely* и количественной оценки сравнения, а также сравнительной конструкции *as...as*.

В следующем абзаце речь идет об опросе, который показывает смягчение взглядов на иммиграцию, несмотря на центральную роль этого вопроса в голосовании по Брекситу четыре года назад, и все более враждебную риторику правительства по поводу сокращения числа мигрантов и усиления контроля над границами Великобритании.

The survey also reveals a softening of views on immigration, despite the centrality of the issue to the Brexit vote four years ago, and increasingly hostile rhetoric from the government around cracking down on the numbers of migrants and taking tighter control of the UK's borders [242].

Тактика сопоставительного анализа осуществляется с помощью оценочной лексики: *softening of views, hostile, cracking down, tighter control* наречий: *increasingly, despite*, а также сравнения прошлого с настоящим взглядом на иммиграцию.

Тактика сопоставительного анализа в этом контексте выражается сравнением в результате которого выявляется, что большинство опрошенных людей были теми, кого исследователи называли “балансировщиками” - людьми, которые считают, что иммиграция принесла как положительные, так и отрицательные результаты, и которые хотят большей прозрачности и открытого разговора по этому вопросу.

The majority of people surveyed were what researchers called “balancers” - people who believe immigration has brought both positive and impacts, and who want greater transparency and an open conversation about the issue [238].

К тому же автор приводит в оборот новое слово “balancers”, которое очень важно в определении людей, поддерживающих золотую середину.

В следующем контексте *тактика сопоставления* выявляется сравнением количества больше-меньше, т.е. представителей, считающих, что уровень пособий слишком низкий и что создает трудности больше, чем тех, кто считает, что уровень пособий слишком высок и препятствует работе.

More members of the public now agree with the statement: “benefits are too low and cause hardship” than those who believe benefit levels are too high and discourage work, according to the British Social Attitudes Survey, reversing a hardening of views on social security that dates back to the late 1990s [242].

Автор использует различные знаки препинания для выразительности и легкого восприятия мысли адресатами.

This is simply barbaric, but that's the level this country has now stooped to. Independent analysis shows this week's tax and benefit changes will actually mark a transfer of support from the poor to the wealthy: while the richest will reap 80% of the rewards, the poorest will become poorer. Over half a million disabled people will be on average £1,400 worse off a year because of the new £30 weekly cut: people who are already so poor they're currently struggling to afford food [266].

Автор с помощью *тактики сопоставления* ярко выражает свою негативную оценочную позицию, называя уровень, до которого спустилась Британия, просто варварством. Ссылаясь на независимый анализ, автор показывает в сравнении, что изменения в налогах и льготах на этой неделе фактически ознаменуют передачу поддержку бедных богатыми: в то время как самые богатые получают 80 % вознаграждений, самые бедные станут еще беднее. Более полумиллиона инвалидов будут жить в среднем на 1400 фунтов стерлингов хуже в год из-за нового еженедельного сокращения на 30 фунтов стерлингов: люди, которые уже настолько бедны, что в настоящее время с трудом могут позволить себе еду. *Тактика сопоставительного анализа* реализуется посредством отрицательно-оценочной лексики и количественной оценки.

Тактика указания различий используется для выявления и определения несходства, несовпадения признаков свойственных объекту оценки. Данная тактика отличается высокой продуктивностью в контексте социально-общественного медиадискурса и варьируется разнообразием способов реализации. Например, следующий фрагмент представляет фундаментальные различия в иммиграционной политике между консерваторами и Лейбористской партией, которые являются убедительными показателями реальной дистанции между нами и нашими конкурирующими представлениями о нашем будущем.

The fundamental differences in immigration policy between the Conservatives and the Labour Party are strong indicators of the real distance between us and our competing visions for our futures. This is not important solely because of opposing views on how migrants should be treated (although we intend to end the Windrush scandal and the Tories have no plans to do so) but because, when compared, these policies can be the difference between having one's humanity respected, or not at all. [245].

Автор эксплицитно указывает на важность не только из-за противоположных взглядов на то, как следует обращаться с мигрантами, но и потому, что при сравнении эта политика может быть разницей между уважением к своей человечности или вообще не уважать. Автор, также в середине высказывания использует информацию в скобке с целью дополнения высказываемой мысли. Помимо контекста, *тактика различия* актуализируется посредством оценочной лексики: *differences, strong indicators, competing visions, opposing views, scandal.*

Some claim it will cause immigration to fall dramatically. Others say that the number of people coming into the UK might conceivably rise as a result of it (The Sky news, 19.02.2020).

В данном абзаце речь идет о мнении некоторых читателей, что это приведет к резкому сокращению иммиграции. Другие говорят, что число людей, приезжающих в Великобританию, возможно, увеличится в результате этого. *Тактика указания различия* реализуется посредством местоимений *some* и *others*.

Рассмотрим еще один пример с использованием *тактики указания различия* посредством местоимений *some* и *others*.

Some leadership candidates have suggested they're comfortable with a no-deal Brexit – leaving the European Union without a formal agreement in place. Others have said they'll seek to renegotiate the deal or at least to agree amendments with the EU.

В данном контексте речь идет о различных взглядах кандидатов на выход из ЕС. Некоторые кандидаты в лидеры предположили, что их устраивает Брексит без сделки - выход из Европейского союза без официального соглашения. Другие заявили, что будут стремиться пересмотреть условия сделки или, по крайней мере, согласовать поправки с ЕС.

British basic pensions are uniquely low – 16% of average earnings – compared with those of other developed nations, and require a long contribution period (often penalising women who take time off for caring responsibilities) [267].

В этом предложении реализация *тактики указания различий* осуществляется посредством сравнения британской пенсионной системы с системами других стран. Для того чтобы подчеркнуть низкую пенсионную систему Британии от других развитых стран используется наречие *uniquely*, и дополнительная информация в скобках для усиления степени сравнения.

В следующем контексте автор использует *тактику различия* для иллюстрации разницы заработной платы между мигрантами из Центральной и Восточной Европы и гражданами Великобритании. Мигранты работают на низкоквалифицированной, низкооплачиваемой работе, зарабатывая в среднем на 3 фунта стерлингов в час меньше, чем граждане Великобритании.

But central and eastern European migrants tend to be in low-skilled, poorly-paid jobs, earning an average of £3 an hour less than UK nationals, the data shows [268].

В следующем высказывании автор указывает на различный опыт, что значит быть рабочим в 75 лет и быть преподавателем. Любое повышение пенсионного возраста вынуждает самых бедных работать в течение многих лет, несмотря на болезнь и инвалидность, в то время как только богатые могут позволить себе роскошь выйти на пенсию в добром здравии.

It's a considerably different experience to be a labourer at 75 than a lecturer. Any rise in the pensionable age would force the poorest to work through years of illness and disability, while only the wealthy have the luxury to retire in good health. [267].

Здесь также можно проследить использование двух тактик одновременно, *тактики сопоставления и различия*, которые представлены различными оценочными прилагательными: *different*, *wealthy*, *good*; в превосходной

степени: *the poorest*; наречия: *considerably, while only*; оценочными существительными: *illness, disability, luxury*.

Таким образом, результаты анализа фактического материала подтверждают, что по сравнению с другими оценочными стратегиями и тактиками, *стратегия порицания* более характерна сущности социально-общественного медиадискурса, тому доказательством послужили проанализированные примеры, которые отличаются своей продуктивностью и фреквентативностью. Стратегия порицания реализуется в 33 % в сфере социально-общественного медиадискурса. Наиболее частотные оценочные тактики стратегии порицания: *тактика прогнозирования, тактика обвинения, тактика отрицания, тактика указания на существование проблемы и тактика дискредитации*. В целом негативное оценивание в рамках социально-общественного медиадискурса подтверждается актуальностью социальных проблем, в частности тех проблемных вопросов, которые не находят своего должного решения и становятся объектом пристального внимания и широкого освещения средствами массовой коммуникации.

Сравнительно-статистический анализ применения оценочных стратегий и тактик в социально-общественном медиадискурсе может быть представлена следующим виде:

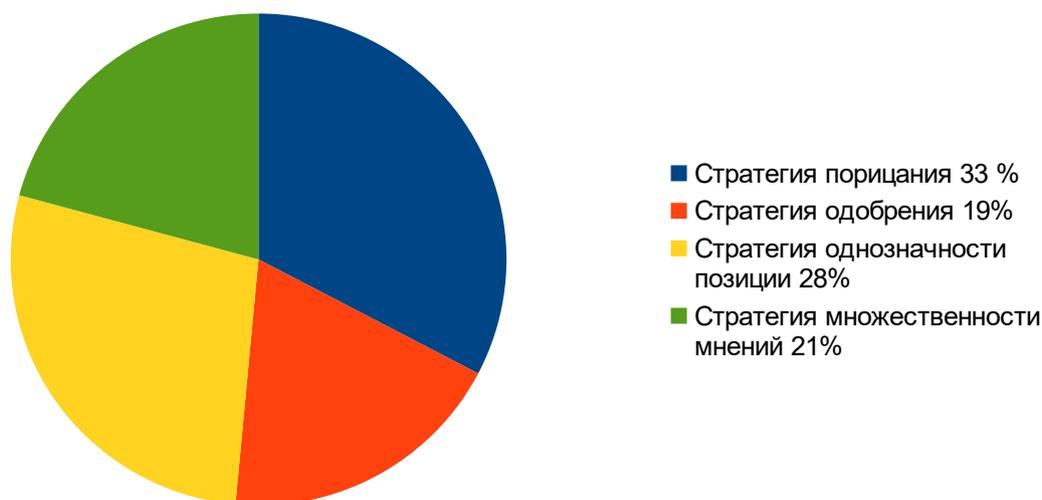

Диаграмма 5 – сравнительно-статистический анализ оценочных стратегий и тактик в социально-общественном медиадискурсе.

Стратегия однозначности позиции составляет 28% реализации. Данная стратегия и ее тактики показывают довольно высокую продуктивность после *стратегии порицания* в рамках социально-общественного медиадискурса. Для *стратегии и тактик однозначности позиции* более характерна эксплицитная оценка, так как данная стратегия нацелена на выражении ясности и четкости при изъяснении и высказывании мнения. Продуктивность данной стратегии предусматривает применение как положительной, так и отрицательной позиции

автора. Наиболее высокую частотность среди оценочных тактик *стратегии однозначности позиции* показывают *тактики необходимости и нужды* и тактика *призыва*.

Стратегия передачи множественности мнений составляет 21% употребления в рамках социально-общественного медиадискурса. Весьма частотное применение данной стратегии объясняется открытостью и эксплицитностью положительной либо отрицательной оценки. Это значит, что при реализации данной стратегии характерны стратегия порицания и стратегия одобрения.

Стратегия одобрения составляет 19% употребления в сфере социально-общественного медиадискурса. Среди тактик стратегии одобрения наиболее продуктивны *тактики указания на путь решения проблемы, тактика акцентирования положительной информации, выражения благодарности и признания заслуги*, а также *указание на пользу*.

3.2 Комментарий как обратная связь адресата в социально-общественном британском медиадискурсе

В данной главе представлены результаты проведенного анализа комментариев участников дискурса, расположенных под онлайн-статьями британских онлайн-изданий, таких как: *The Guardian, The Independent* и *The BBC*. Целью исследования комментариев послужило проведение анализа восприятия адресатами той или иной оценки для определения продуктивных оценочных стратегий и тактик. Комментарии не рассматривались нами как отдельный вид Интернет-коммуникации, скорее, как обратная связь адресатов в рамках социально-общественного медиадискурса в виде интерактивного обмена мнениями по наиболее актуальным вопросам *иммиграции* и *социального обеспечения*.

Под интерактивностью мы подразумеваем диалогичность комментариев так как читатели прежде всего, реагируют на предыдущие сообщения и всегда оставляют свои ответные реакции на них, что в итоге приводит к взаимодействию между читателями. Проведенный анализ фактического материала дает возможность не только определить продуктивные оценочные стратегии и тактики, но и получить более целостное представление о сущности комментариев и их функционировании в рамках современного британского социально-общественного медиадискурса. Таким образом, комментарии в нашей работе представляют собой вид электронной медийной коммуникации, имеющий текстовый формат от минимального слова до развернутого дискурса, который характеризуется интерактивной частотой и семантической сложностью. Это говорит о том, что, с одной стороны, комментарии участников как высказывания, содержащие определенную позицию адресата, отличаются отдельным самостоятельным значением, с другой стороны, они являются неотъемлемой частью исходного дискурса, и поэтому их можно дополнять и объяснять.

Основная цель интернет-комментария — «выразить мнение автора посредством оценки определенных фактов, выходящих на передний план

общественной жизни» [269, с.2]. При реализации стратегий и тактик оценки в социально-общественном медиадискурсе адресант прежде всего, обращает внимание на «ценностный фактор» [270, 245] медиаконтента, который имеет полный набор характеристик, т. е. это те дифференциальные признаки, которые были выделены нами при описании социально-общественного медиадискурса (темпоральность, актуальность, массовость, релевантность, прагматичность и др.). Предполагается, что вовлеченность и количество комментариев зависит от ценностных факторов медиаконтента, хотя в нашей работе мы не ставим целью выявить общее количество комментариев, так как дискурсы социального характера уже предполагают активное участие массовой аудитории. Тем не менее, нами было проанализировано более 350 онлайн статей и комментариев к ним. К тому же, с ростом числа онлайн-аудитории растет и уровень размещения комментариев. Этот показатель позволяет нам говорить о том, что комментарии участников дискурса являются достаточным источником качественных данных, отражающих реальное общественное мнение. Поэтому важной функцией адресата является оценка, осмысление и интерпретация полученной информации, дополняющей и развивающей предложенную тему [271].

Основными характерными свойствами комментариев являются интертекстуальность/вторичность [272; 273], оценочность, актуальность и автоцентризм [274]. Выделенные признаки указывают на то, что комментарий не является чем-то независимым от дискурса, но подчинен ему и должен помочь читателю понять исходный материал.

Н.А. Диакопулос и М.Нааман отмечают, что онлайн-читатели предпочитают отвечать на комментарии, размещенные другими пользователями, то есть взаимодействовать с пользователями, а не просто комментировать онлайн статьи [275]. В связи с этим, существуют два типа комментариев в медиадискурсе. Реактивные комментарии, которые относятся к содержанию новостных статей, и интерактивные, которые отвечают на комментарии других пользователей [2]. К примеру, в онлайн-источниках The Guardian и The Independent участники могут оставлять свои реакции на исходное сообщение и одновременно комментировать других пользователей, то что эти источники имеют оба вида комментариев. Однако при подобном анализе комментариев, мы заметили, что в процессе комментирования других участников не всегда раскрывается суть авторской позиции исходного источника, так как за основу берется уже мнение другого участника комментария. Для BBC характерно использование реактивных комментариев из-за отсутствия колонки «ответить», то есть аудитория ограничивается лишь выбором реакции лайков и дизлайков, т.е. нравится или нет. Таким образом, реактивные комментарии больше способствуют выявлению оценочного признака одобрения или порицания авторской позиции исходного материала.

В процессе анализа комментариев в социально-общественном медиадискурсе установлено употребление трех видов стратегии: *стратегия одобрения, стратегия порицания и стратегия нейтрального комментирования.*

Стратегия одобрения выражена положительно-оценочным либо одобрительным отношением участников дискурса к адресату исходной информации и представленной им позиции.

Стратегия порицания представлена отрицательно-оценочным либо порицательным отношением участников дискурса к адресату исходной информации и представленной им позиции.

Стратегия нейтрального комментирования выражает нейтральную позицию, вне положительной либо отрицательной оценки участников дискурса.

Сравнительно-статистический анализ применения оценочных стратегий комментариев в социально-общественном медиадискурсе может быть представлен следующим образом:

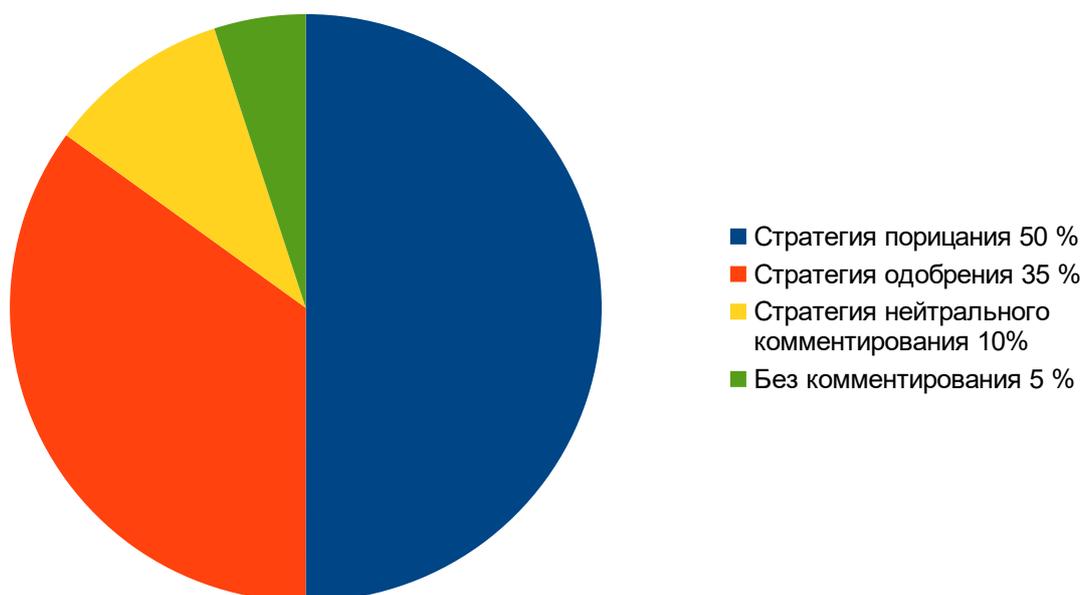

Диаграмма 6 - сравнительно-статистический анализ оценочных стратегий комментариев в социально-общественном медиадискурсе.

Диаграмма 6 иллюстрирует сравнительно-статистический анализ применения оценочных стратегий комментирования среди онлайн-участников социально-общественного медиадискурса. Результаты анализа оценочных стратегий дают основание утверждать, что среди выделенных типов преобладает *стратегия порицания* в количестве 50 %, далее идет, *стратегия одобрения* - 35 %, *стратегия нейтрального комментирования* составляет малую часть, всего 10%, 5 % комментариев не были рассмотрены в связи с такими обстоятельствами, как ложно-представленные данные, которые не представляли оценочную ценность в нашем исследовании, например,

This comment is awaiting moderation [171].

Italian tv rai24 news has stopped suddenly publishing its interview with Syrian President Assad today because it is full of Facts such as the destructive role of US / Europe in Syrian plots during 9 years... also the bias of UN chemical organization fabrications in Syria... etc. twitter account of Syrian presidential account has been

stopped too. this proves that American / Europe propaganda is against real freedom / democracy of peoples. world peoples do not trust USA [171].

The timescale?;-) [171].

'ermmm...well...ermm...i say... well...errmm... laudia cwm lauada...gosh...ermmm....' [171].

Sorry to interrupt the proceedings but someone has to think about all that decaying nuclear waste and old rusting Trident missiles on our doorsteps. Over to you: 'The Youth Of Today' [171].

Все выше приведенные комментарии были отобраны из одной онлайн-статьи путем сплошной выборки в процессе анализа комментариев с целью выявить и показать, что не все оставленные комментарии отражают оценочную позицию адресата или содержат в себе хоть какое - то ценностное мнение по поводу исходной онлайн публикации, таким образом, не вычитав их из общего количества анализируемых комментариев, сложно получить достоверный результат в процентном соотношении и расположить их на оценочной шкале от нейтрального к порицанию либо одобрению. Таким образом, комментарии, которые не представляют ценности в нашем исследовательском материале, составляют около 5 % из всего фактического материала комментариев.

Среди оценочных тактик **стратегии порицания** можно выделить наиболее продуктивные и частотные тактики, такие как: тактика иронии и сарказма, тактика дискредитации, тактика обвинения, тактика опровержения необходимости и нужды и др.

Тактика иронии и сарказма характерна почти 30% комментариев, которые выражают негативно-оценочное отношение политических лидеров в отношении иммигрантов и ответственных за социальное обеспечение британского населения. Основная коммуникативная цель этих комментариев - выразить отношение, часто негативное, к опубликованному событию или его автору. Таким образом, выраженная отрицательная оценочная позиция адресата в некоторых случаях становится императивной, как это видно из следующих примеров:

*Oh look, they swapped the EU workers for Asian and African....
And achieved sweet naff-all.
Bravo Brexity People [277].*

В данном примере комментарии ярко выражает негативное отношение к иммигрантам, выходцам из азиатских и африканских стран, что еще раз подчеркивает неприязнь в их отношении. Возможно, такая эмоциональная негативная позиция связана исконными жителями Британии, которые боятся за будущее своей страны, боятся, что неквалифицированные иммигранты из бедных стран будут превалировать, и каждый будет иметь права на социальное обеспечение, льготы и т. д.,

Knock, knock, Corbyn supporters. What's worse than saying 'I'm not a racist but'?

'I am a racist but'.

Think about that when you scupper the chances of building an electable Labour Party. We need a party that will one day be in a position to deliver public services.

That's what changes people's lives and minds [278]. — Тук-тук, сторонники Корбина. Что может быть хуже, чем сказать: 'Я не расист, но'? 'Я расист, но'. Подумайте об этом, когда вы лишите себя шансов создать выборную Лейбористскую партию. Нам нужна партия, которая однажды сможет предоставлять государственные услуги. Это то, что меняет жизни и умы людей.

В данном комментарии автор выражает свою негативную позицию в отношении сторонников Корбина (*Джеремии Корбин, лидер Лейбористской партии – прим.*), открыто заявляя, что люди нуждаются в партии, которая сможет предоставить государственные услуги. Все проблемы, связанные с социальным обеспечением, на сегодняшний день остро стоят среди населения Британии.

В следующем примере адресат использует *тактику иронии и сарказма* в отношении Тори.

The Brexit cult panicked when they heard people speaking European languages. They recoiled in terror when they saw foreign European food sections in the supermarket and they picked up their torches and pitchforks when they saw Polish delicatessen on the high street. Europeans are culturally similar to us. Just wait for when the Tories open the doors to India and Africa to secure trade deals... [277].

Автор комментария выражает свое негативно-оценочное отношение, иронизируя и описывая образ партии Тори.

Культ Брексита запаниковал, когда они слышали людей, говорящих на европейских языках. Они в ужасе отшатнулись, увидев в супермаркете отделы с иностранной европейской едой, и схватили свои факелы и вилы, когда увидели польскую лавку деликатесов на главной улице. Европейцы культурно похожи на нас. Просто подождите, когда тори откроют двери в Индию и Африку, чтобы заключить торговые сделки...

Из всего контекста можно проследить, что автор комментария не имеет ничего против иммигрантов из ЕС, однако его негативное отношение проявляется не только к Тори, но и к иммигрантам из Индии и Африки.

Now we have a Tory utopia, crumbling infrastructure, record hospital waiting lists, increasing child poverty, record debt both state and personal and we had to do was reduce EU immigration [277].

В данном комментарии выражена отрицательная позиция автора с сарказмом в отношении Тори, автор называет взгляды представителей этой партии утопией, разрушающей инфраструктуру, вызывающей рекордные очереди в больницах, растущую детскую бедность, рекордный долг как государственный, так и личный, и все, что нужно нам сделать, это сократить иммиграцию в ЕС.

Says New-York -born Boris Johnson [171].

Автор оставил данный комментарий, используя тактику иронии и сарказма в адрес Бориса Джонсон, отметив его гражданство, что *говорит уроженец Нью-Йорка*. Этот комментарий был написан к статье, в которой Бориса Джонсона обвинили в расизме по отношению к иммигрантам из ЕС за его

«враждебную среду» и принятие жестких мер по сокращению и депортации неквалифицированных иммигрантов из ЕС. Учитывая все его анти-иммигрантские действия, большинство комментариев сводилось к тому, чтобы напомнить Борису Джонсону о его национальной принадлежности, что он сам иммигрант, и об этом свидетельствуют следующие комментарии, которые передавались с сарказмом и иронией.

'migrants should not 'treat UK as their own''

Really?

Perhaps johnson needs to recall he was born in New York, USA.

The bloody idiot is a migrant.

Wealth and privilege and a few family connections worked him a fiddle of fate. He retained his dual US nationality until 2016 when they decided to tax him...[171].

Возможно, Джонсону стоит вспомнить, что он родился в Нью-Йорке, США. Этот чертов идиот — мигрант.

He wasn't even born in the UK and his ancestors were Turkish immigrants [171]. – Он даже не родился в Великобритании, а его предки были турецкими иммигрантами.

The bloody idiot is a migrant. But he believes he is the right kind of migrant. White and born into the entrenched elite. [171]. – Этот чертов идиот мигрант. Но он считает, что он правильный тип мигранта. Белый и рожденный в укоренившийся элите.

Таким образом, следует отметить, что участники комментариев, выражая свое негативное отношение к Борису Джонсону, не раз использовали фразу: *The bloody idiot is a migrant — Чертов идиот сам мигрант*, который передает повышенную эмоционально-экспрессивную коннотацию негативно-оценочной позиции.

В следующем комментарии приводится в пример Прити Патель, чья семья приехала сюда из Уганды без гроша в кармане. В конце комментария автор ставит риторический вопрос, согласна ли она с Борисом Джонсоном, и тут же на него автор дает ответ *возможно!* Прити Патель, одна из тех, кто за сокращение количества иммигрантов, несмотря на то, что сама из семьи иммигрантов.

Does Priti Patel, whose family came here penniless from Uganda, agree?... probably! [171].

В следующем комментарии наблюдается ярко выраженная эмоциональная негативная оценка автора в отношении Бориса Джонсона, посредством применения не только тактики иронии и сарказма, но и тактики дискредитации, тактики обвинения и тактики поддержки автора исходного материала.

This nauseating creep should shut up. There are two points about his statement that people who come here are treating Britain as their own. First of all, while they are here, it's their home, as much as mine is in Germany, but has he ever thought about Brits living in Europe? I don't want my German hosts to treat me like a potential burden on the state because this unprincipled clown wants to win an election and will stoop as low as it takes. Secondly, the solution, if you want one, is in the treaties. If someone comes to the UK and, after 3 months, doesn't find work, they

can be made to go back to their country of origin. The fact that the UK has never enforced this makes you wonder what the Tories have been up to for the last ten years when they started bleating about 'taking back control.'

Listening to this immoral toff makes me wonder what's happening to the UK. It sure is different to the place I grew up in [171].

В своем комментарии автор использует экспрессивно -оценочную лексику, бранные слова в описании Бориса Джонсона (*This nauseating creep should shut up* – Этот тошнотворный урод должен заткнуться, *this unprincipled clown* – этот беспринципный клоун). Общий смысл всего негативного восприятия автора сводится к тому, что Борис Джонсон делает все для того, чтобы выиграть выборы и не перед чем, не остановится. Его не волнуют ни состояние британцев, которые живут в других странах Европы, ни их чувства, если бы к ним относились также как к обузе для государства. Автор пишет, что современная Великобритания отличается от места, в котором он вырос.

"they want it democratically controlled" I see the bright future, with the average UK citizen going out every morning to control immigration democratically before his Daily Mail and cup of coffee. Oh, blessed Britannia [171].

В данном примере автор использует тактику иронии и сарказма для выражения своего негативно-оценочного отношения к действиям Бориса Джонсона. Автор сначала цитирует его слова «они хотят, чтобы это контролировалось демократическим путем», затем с иронией говорит о светлом будущем среднестатистического гражданина Великобритании, который каждое утро будет выходить на улицу, чтобы демократически контролировать иммиграцию с ежедневной почтой и за чашкой кофе. И заканчивает свой комментарий с фразой *O, благословенная Британия.*

Goodness! There is a near-total assumption by the commentators below that Brits who live in other EU countries, and citizens of EU countries who come to live in Britain, are immigrants. These people appear to have not heard of the EU principle of freedom of movement. Sad. (Mod, why do you allow pig- ignorant comments?) [171].

В данном комментарии автор обращается к другим участникам и модератору, используя саркастический тон, что люди не знают о принципе свободы передвижения в ЕС и называют иммигрантами всех проживающих в других странах ЕС, подчеркивает, что их комментарии невежественные. Боже мой! Ниже комментаторы почти полностью полагают, что британцы, которые живут в других странах ЕС, и граждане стран ЕС, которые приезжают жить в Великобританию, являются иммигрантами. Эти люди, похоже, не слышали о принципе свободы передвижения в ЕС. Печально. (Мод, почему вы позволяете невежественные комментарии?).

В следующем примере комментарий ярко выражен посредством отрицательной эмоционально-оценочной лексики (*a nasty piece of work*), идиомой (*butter wouldn't melt in her mouth*), в нем описывается образ Эстер Маквей, которую представляет миссис Мэй.

Mrs May tries to paint a picture of an innocent, brought up in the country rectory, and a persona of butter wouldn't melt in her mouth. Yet by her deeds she is

shown to be rather a nasty piece of work. Ironic considering her stated views on the perception of the Tory Party [279].

Миссис Мэй пытается нарисовать картину невинной девушки, выросшей в загородном доме священника и являющейся самой невинностью. И все же по ее поступкам видно, что она отвратительный человек. Иронично, учитывая высказанные ею взгляды на восприятие партии тори.

Тактика обвинения используется в 23% комментариев, выраженных по отношению к политическим лидерам, партии, министров и совершенных ими действий. Например,

No mention of the 5.5m British people who live permanently abroad. Of course he knows this but only want to concentrate on the immigrants coming to our country so that he can get every last one of those racist votes. Such a despicable man, how any rational person vote for him? [171].

В данном комментарии тактика обвинения применяется в отношении Бориса Джонсона с целью обличить его истинное лицо. Автор выражает негативно-оценочную позицию относительно его антииммиграционных действий, которые совершаются намеренно, чтобы получить все до последнего голоса расистов. В конце автор задает вопрос другим участникам дискурса, о том, как вообще любой разумный человек может голосовать за такого презренного человека.

She cares not for the poor, ideology is what she stands for, she would choke on the truth [279].

В данном примере автор комментирует Эстер Маквей (*Министр труда и пенсии* — прим.), упрекая ее в том, что она не заботится о бедных, идеология — это то, за что она выступает, и что она бы подавилась правдой.

Следующий комментарий также направлен в адрес Эстер Маквей, **тактика обвинения** выражается в имплицитной форме, посредством контекста.

We all make mistakes, that's life. However I am fed up with the continuous lies. If you are proven to have lied as an MP you should be booted out [279].

Мы все совершаем ошибки, такова жизнь. Однако я сыт по горло непрерывной ложью. Если будет доказано, что вы солгали как член парламента, вас следует выгнать.

Boris claims he's just wants Brexit done' but voted against May's deal twice AND supported two gen elections to add more delay. BORIS LIES — ABOUT EVERYTHING! [277].

Тактика обвинения против Бориса Джонсона в этом комментарии сопровождается разъяснениям его действий. Он просто хочет завершения Брексита, но дважды голосовал против сделки Мэй. И поддержал выборы двух поколений, чтобы решение еще больше задержать. Тем самым, автор обвиняет его во лжи во всем.

McVey should of stood down when she lied to Parliament that everything was going "swimmingly" and on course to deliver a success

McVey should of stood down when it emerged she had spent public money on gagging orders preventing Charities from speaking out and blacking McVey's name

McVey should of stood down when it emerged what a mess it was in and the most vulnerable in society would lose £2,000 a year.

Generally why is she still there? How much shame does a minister have to bring upon her department before she does the honourable thing? [279].

В данном примере *тактика обвинения* применяется в адрес Эстер Маквей с целью доказать и вывести все ее ложные действия на пути к успеху, а именно показать обществу что не все идет гладко, что она потратила государственные деньги на запрет заказов, очерняющих ее имя, что самые уязвимые в обществе теряли 2000 фунтов стерлингов в год.

В следующем комментарии *тактика обвинения* также используется в адрес Эстер Маквей.

Leaving Esther McVey in post is a provocation. She is a liar, revels in her notoriety, and is nothing less than a disgrace. God knows how she even got on TV.....[279].

Субъективная позиция автора выражена повышенной экспрессивностью и эмоциональностью негативной оценки. По мнению автора, оставление Эстер Маквей на посту это провокация и обвиняет ее во лжи, называя ее лгуньей, которая упивается своей дурной славой и представляет собой не что иное, как позор.

Тактика опровержения необходимости и нужды встречается в 19 % комментариев в отношении иммигрантов, число которых только увеличивается, соответственно, есть те, кто за и против иммиграции, которые не видят в них необходимости. В следующем комментарии автор ярко выражает свою негативную позицию и отмечает, что только справедливая и сбалансированная система начисления баллов, единственный способ решения проблемы с иммиграцией.

Points based system that is fair and balanced is the only way to sort this out. We CANNOT have this many coming in with such minimal control. The effect om ALL social services is huge and very damaging. Yes, we need people with skills but we do not need their extended families. We do not need loads more 'students' who never actually leave. This island is already pretty much full up [277].

Автор четко и ясно говорит о том, что остров уже заполнен, и мы не можем допустить, чтобы бесконтрольно приходило много людей. Тем не менее, автор не отрицает необходимости людей с навыками, но при этом считает что, не нужны их большие семьи и не нужно больше студентов, которые на самом деле никогда не уезжают.

But still not enough.

We can't accommodate all these people. Our roads, housing, schools and healthcare can't cope with the massive influx we have seen.

And don't tell me we need their brains, we certainly don't [277].

В данном примере комментарий автора ярко выражен посредством *тактики опровержения необходимости*. Автор выражает негативное отношение к иммигрантам и считает, что их количество еще недостаточно низко и страна не может вместить всех этих людей. Согласно наблюдениям автора, дороги, жилье, школы и здравоохранение не справляются с массовым

потоком. И просит не говорить, что нам нужны их мозги, нам это точно не нужно.

В следующем примере автор также выражает свою отрицательную позицию к иммиграции.

It obvious isn't it, if we can't look after the current 66 million with (public services, housing, NHS, GP waiting lists, schools etc), then we don't need more immigration [277].

Очевидно, не так ли, что если мы не сможем позаботиться о нынешних 66 миллионах (государственные услуги, жилье, здравоохранение, списки очередников на получение медицинской помощи, школы и т. д.), то нам не нужна дополнительная иммиграция.

The UK can't afford to receive & accommodate any more overseas immigrants, whether from Europe or not

We simply do not have the space or resources available. Every part of Britain is being stretched to breaking point by too much overcrowding

The items causing severe strain in our society, include; Jobs, Housing, Education, the NHS, Transport, and Energy the costs of which create inflation [277].

В данном комментарии автор выражает свою негативно-оценочную позицию в отношении иммиграции, отмечая, что Великобритания не может позволить себе принимать и размещать больше иностранных иммигрантов, будь то из Европы или нет, так как для них нет ни места, ни ресурсов. Части Британии растянуты до предела из-за слишком большой перенаселенности. К предметам, вызывающим серьезную напряженность, автор относит рабочие места, жилье, образование, национальную службу здравоохранения, транспорт и энергетику, затраты на которые создают инфляцию.

The UK is vastly overpopulated compared to most EU counties. If in 10 years time you want your children to get a place in a local school and you want to get seen by your GP it makes sense to reduce unskilled migration [171].

В данном примере комментарий содержит отрицательно-оценочную позицию автора. Согласно мнению автору, Великобритания значительно перенаселена по сравнению с большинством стран ЕС. Отрицательное мнение автора передается условным предложением, если вы хотите, чтобы через 10 лет ваши дети получили место в местной школе, и чтобы вас осмотрел ваш терапевт, имеет смысл сократить неквалифицированную миграцию.

Being on benefits is not, and should not, be something to aspire to. It should not be a lifestyle choice, nor a way to be given for free that those with more money have to pay for. It should be a temporary stop gap that reminds people that a 'real job' pays better and gives more self worth.

(If the 'real job' does not pay better, it is not a real job...) [251].

В данном примере тактика опровержения необходимости выражена негативной оценочной позицией автора в отношении того, что получать пособия не является и не должно быть чем-то, к чему можно стремиться. Это не должно быть выбрано, как образ жизни или способ получения бесплатных услуг, за которые должны платить те, у кого больше денег. Это должна быть временная остановка, которая напоминает людям, что «настоящая работа»

оплачивается лучше и дает больше самооценки. (Если «настоящая работа» не оплачивается лучше, это не настоящая работа...). Тем самым, тактика выражена посредством модального глагола *should*, который отображает качество ненужности.

Следующий комментарий является ответной реакцией к выше приведенному комментарию.

Your “shoulds” will be an impossibility in a few decades. Almost-universal automation is coming, the vast majority of the population will have to spend their lives on benefits whether you like it or not. Get used to it- for most, it will be the ONLY lifestyle choice [251].

Ваше «должно» станет невозможным через несколько десятилетий. Грядет почти всеобщая автоматизация, подавляющему большинству населения придется потратить свою жизнь на пособия, нравится вам это или нет. Привыкайте к этому — для большинства это будет единственный выбор образа жизни. В данном комментарии можно проследить применение нескольких тактик одновременно, прежде всего, это тактика несогласия с прежним автором комментария и тактика негативного прогнозирования относительно будущего социальных обеспечения, которое несет в себе негативный оттенок.

Тактика несогласия наблюдается в 15 % комментариев и выражает отсутствие согласия во мнениях, позициях и точках зрения.

В следующем примере автор комментария выражает поддержку в адрес Бориса Джонсона.

I am not much given these days to defending Boris Johnson, but he has a point with his 'treating Britain as their own' accusation. In ordinary decency, immigrants should remember that they have been allowed into their hosts' country. That requires a very considerable effort on their part to strive to fit in. What far too many migrants do instead is to demand comforts and privileges, and threaten the equilibrium of the host country, to the point of doing its members physical harm. The host country tolerates that to its own peril. Offenders should be deported – and swiftly [171].

Автор в своем комментарии пишет, что он не очень склонен защищать Бориса Джонсона, но поддерживает его в том, что он прав в своем обвинении «относиться к Британии, как к своей собственной стране». Соблюдая обычную порядочность, иммигранты должны помнить, что им разрешили въехать в страну пребывания. Требуется очень значительное усилие с их стороны, чтобы вписаться. Вместо этого многие мигранты требуют удобств и привилегий и угрожают равновесию принимающей страны вплоть до причинения ее членам физического вреда. Принимающая страна терпит это на свой страх и риск. Правонарушители должны быть депортированы и быстро. К данному комментарию был оставлен следующий комментарий другого участника обсуждения, который тоже представляет собой яркий пример для анализа оппозиционных оценочных позиций:

That is not the case at all! You are just believing propaganda that has no basis. Name one document example of immigrants “demanding comforts and privileges, and threaten the equilibrium of the host country, to the point of doing its members physical harm.” He is complaining people come over here and treat the country as if

it is their own, -when infact that is EXACTLY what they are asking immigrants to do. Have you done the “life in the UK test” pr read the long manuals you need to become a citizen here, where they are encouraging people to come and treat this like home? What would you rather they do, come and act like outsiders that don't fit in and not assimilate, cause you can't have both! [171].

Автор данного комментария выражает противоположное мнение, частично в императивной форме, в котором, пытается убедить, что это совсем не так и что люди просто верят пропаганде, которая не имеет под собой никаких оснований. Автор просит назвать хоть один пример иммигрантов, требующих удобств и привилегий, угрожающих равновесию принимающей страны, вплоть до физического вреда всем ее членам. Дальше обвиняется Борис Джонсон, в том, что он жалуется, что люди приезжают сюда и относятся к стране так, как будто она их собственная, когда на самом деле это ИМЕННО то, что они просят иммигрантов сделать. Данная проблема интеграции иммигрантов является одной из социально-общественных проблем, и здесь наблюдается раздвоение во мнениях самих британцев. С одной стороны, само правительство обвиняет их в том, что они относятся к Британии как к своему дому. С другой стороны, их упрекают в том, что многие из иммигрантов до сих пор не интегрировались, тем самым, этот спор не нашел своего решения.

Следующий комментарий – яркий пример, отражающий *тактику несогласия:*

Yet another who just doesn't get it. People are blaming overpopulation due to mass immigration, there is a difference. Mass immigration of unskilled labour adversely affects the poorest most and is causing us to concentrate over our environment all so that big business can make profit and the Islington elites can have cheap nannies and car washers. You are as blind to the problems as Labour, shame on you all [171].

В данном примере автор комментария открыто называет автора исходной статьи еще одним тем, кто просто не понимает того, что люди обвиняют массовую иммиграцию в перенаселении. Массовая иммиграция неквалифицированной рабочей силы отрицательно сказывается на самых бедных и заставляет заботиться о нашей окружающей среде, чтобы крупный бизнес мог получать прибыль, а элита Ислингтона могла иметь дешевых нянь и мойщиков автомобилей. Вы так же слепы к проблемам, как и лейбористы, позор вам всем.

В следующем примере автор комментария выражает свое несогласие с высказыванием автора статьи, стараясь объяснить, почему некоторые не совсем понимают, что значит быть на обеспечении.

To be “on welfare” is to be on Benefits Street or part of the Great British Benefits Handout: somewhere no one in their right mind wants to be
Alternatively, somewhere someone who has no idea about life at the bottom of the pile might assume no one wants to be. You'd have to have an idea of how limited expectations are and how many people live without things that a middle class existence would deem as normal and essential. Get it right and Benefits can provide the stable, if low, income that current world of ZH and temporary contracts just

doesn't. I think both Right and Left ideologies messed up on Social Security, the Right being too harsh and the Left too soft. As with much else why is that we can never seem to achieve the happy medium? [280].

В данном комментарии автор утверждает, что только человек, который не имеет никакого понятия о жизни на дне, может предположить, что никто не хочет жить на пособия (*to be on Benefits Street - быть на улице пособий* дословный перевод). Он обращается к автору статьи, что он должен иметь представление о том, насколько ограничены ожидания и сколько людей живут без вещей, существование без которых средний класс считал бы ненормальным и невозможным. Сделав это правильно, преимущества могут обеспечить стабильный, хотя и низкий доход, которого просто нет в нынешнем мире. Согласно его мнению, как правые, так и левые идеологии напутали с социальным обеспечением, правые были слишком жестокими, а левые слишком мягкими, тем самым, автор задает в конце вопрос, почему мы никогда не можем достичь счастливой середины.

People are becoming more and more egoistic, selfish, self-centered, whatever you might call it.

They see the word "tax" and they automatically think it's a bad thing while disregarding the fact that infrastructures, transport services, health services, employment services are all paid with them.

When someone is rich, they often claim that the government should not be a "nanny state" and that if people are homeless or poor it's of their own making.

On the other hand, those same people when hitting a wall like having major health issues, will be the first one complaining that public services are not helping them.

Taxes are a societal investment. Ensuring a minimal quality of life to all citizens is the right to do. [280].

В данном комментарии адресат не поддерживает автора статьи и говорит, что люди становятся все более и более себялюбивыми, эгоистичными, эгоцентричными. Они видят слово «налог» и автоматически думают, что это плохо, игнорируя тот факт, что инфраструктура, транспортные услуги, медицинские услуги, услуги по трудоустройству – все это оплачивается ими. Когда кто-то богат, они часто утверждают, что правительство не должно быть «государством-нянькой» и что если люди бездомны или бедны, то это их собственное дело. С другой стороны, те же самые люди, столкнувшись со проблемами, например, с серьезными проблемами со здоровьем, будут первыми, кто пожалуется, что государственные службы им не помогают. Налоги – это инвестиции в общество. Обеспечение минимального качества жизни для всех граждан – это право, автор выражает свою негативную позицию в адрес тех людей, которые только и ждут помощи от государства.

Таким образом, иллюстрация общей картины использования оценочных тактик стратегии порицания в социально-общественном медиадискурсе выглядит следующим образом:

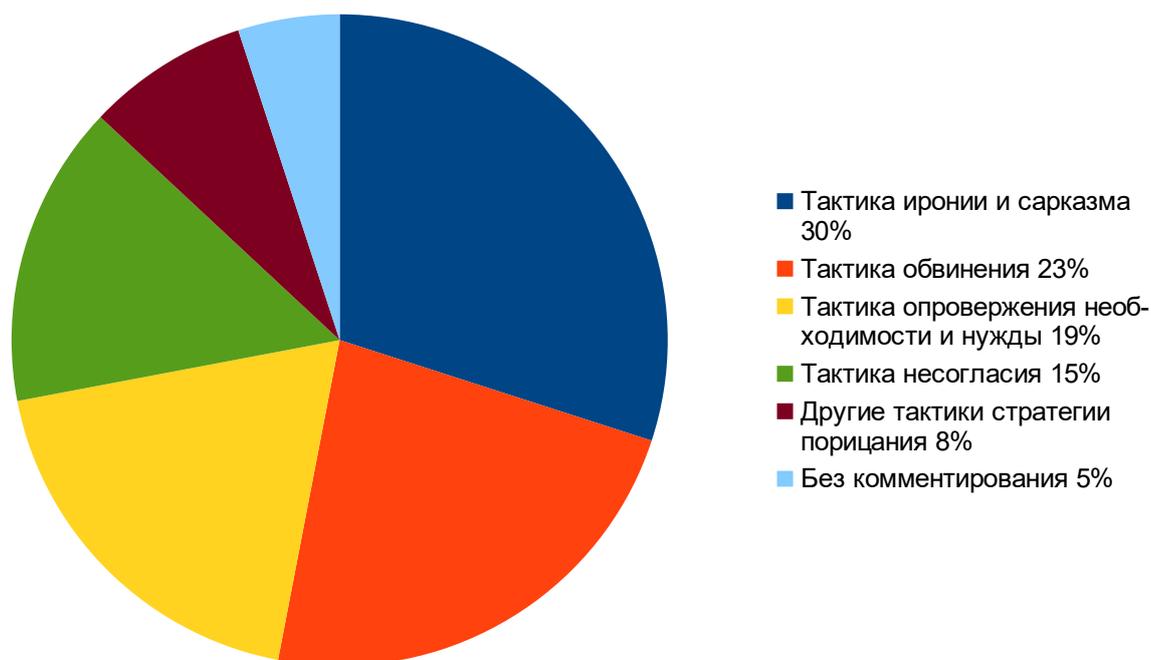

Диаграмма 7 – Частотность использования тактик стратегии порицания в комментариях социально-общественного медиадискурса.

Таким образом, при реализации *стратегии порицания* наблюдается высокая продуктивность применения тактик иронии и сарказма, обвинения, несогласия и др. При актуализации данной стратегии авторы используют эмоционально-экспрессивную оценочную лексику, разговорную лексику, идиомы, сленг, жаргонные и бранные слова, вульгаризмы, аббревиатур, эллипсис, сокращение слов, грамматические ошибки (несоблюдение порядка слов, опущение модальных глаголов, местоимений), чрезмерное использование пунктуации (тире, многоточие, запятые, опущение апострофа) смешение временных форм, неправильное использование артикля, их отсутствие и т.д.

Стратегия одобрения используется в 35 % от общего количества оставленных комментариев, которые выражают согласие, поддержку и положительное мнение адресатов в отношении автора или исходной онлайн-публикации. Среди частотных оценочных тактик можно отметить тактику согласия и поддержки автора. Данная тактика по частотности превалирует над остальными тактиками одобрения, так как у любого адресата всегда, в первую очередь, складывается общее мнения согласия или несогласия с автором основного источника информации. Например,

It's a cruel deceit to blame all our problems on immigration
It's a rare thing when i find common ground with Owen but on this he is correct.
Lefty liberal elites also need to take their fair share of the blame [280].

В данном комментарии автор приводит заголовок статьи о том, что это жестокий обман винить во всех наших проблемах иммиграцию и выражает свою положительную позицию, соглашаясь с автором, что левые либеральные элиты должны взять на себя свою справедливую долю вины в обмане, за обвинение иммиграции во всех наших проблемах.

Great article. Thanks Owen. The Tories are very good at defecting blame for their policies onto immigrants. Let's hope the British people see sense and vote to Remain [280].

Данный комментарий ярко выражен с позитивной точки зрения автора, который хвалит, выражает свою благодарность и надежду что британцы проголосуют за то, чтобы остаться.

Immigrants are the hate plank for the right at the moment. Unfortunately people like to be lazy and rather than analyse the deeper rooted issues choose to blame an easy hate figure. Which is not, of course, to say that immigration comes totally without consequence, but the consequence has been somewhat over-egged.

I would argue that Thatcherism has done more damage to the English working class than immigration ever has or will, although the people who like to push the immigration line tend to be strong adherents to it and won't have a bad word said about it, thus rendering their opinions little more than blind prejudice [280].

В данном комментарии автор выражает свое согласие с адресантом, делаясь своим мнением об иммигрантах, которые прямо сейчас являются объектом ненависти для людей. Он также отмечает, что, к сожалению, людям нравится быть ленивыми, и вместо того, чтобы анализировать более глубокие проблемы, они предпочитают обвинять в легкой форме. Это, конечно, не означает, что иммиграция происходит совершенно без последствий, но последствия были несколько преувеличены. Автор также выразил свое субъективное мнение про тэтчеризм, который нанес английскому рабочему классу больший ущерб, чем когда-либо наносила или будет наносить иммиграция, хотя люди, которые любят продвигать иммиграционную линию, как правило, являются ее сильными приверженцами и не скажут об этом плохого слова, таким образом, их мнение не более, чем слепое предубеждение.

Of course it is wrong to blame all our concerns on immigration- that's why it's being used as a straw man here to discredit those who wish to express their concerns about it.

Typical proppanda tactic [280].

В этом комментарии автор соглашается с тем, что неправильно винить во всех наших проблемах иммиграцию. Но автор уверен, что она используется здесь как соломинка, чтобы дискредитировать тех, кто хочет выразить свою озабоченность по этому поводу, и считает это типичной пропагандистской тактикой.

Any day of any week if you look at the express/mail/sun front page, immigration and benefit seeking will be shouting at you [278].

В данном комментарии автор посредством тактики поддержки выражает свое согласие с адресантом и отмечает, что в любой день любой недели, если вы посмотрите на первую страницу express/mail/sun, то увидите требования иммиграции и поиска льгот (*will be shouting at you* -кричать на вас, прямой перевод). К тому же, данный комментарий еще раз подчеркивает значимую роль иммиграции и социального обеспечения в британском обществе.

Most people don't mind benefits for those who are out of a job for a while or who cannot work because of serious disability.

But then don't want to pay huge amounts to people who don't work for years and pop out loads of kids or to people who have disabilities which don't stop them doing many of the soul destroying sedentary and low physical activity jobs which most of us have to do these days.

When you are slogging away at dreadful job on a poverty wage it isn't much fun when your neighbour gets everything for nothing [251].

В данном примере стратегия согласия применяется автором чтобы продемонстрировать его согласие с автором исходной статьи в том, что большинство людей не возражают против льгот для тех, кто на некоторое время остался без работы или не может работать из-за серьезной инвалидности. Но они не хотят платить огромные суммы людям, которые годами не работают и рожают кучу детей, или людям с ограниченными возможностями, которые могли бы выполнять многие из сидячих и малоподвижных работ, которые большинству из нас приходится выполнять в наши дни. В конце автор выражает свое чувство недовольства тем, что *не очень-то весело* (ирония автора), когда вы вкалываете на ужасной работе за нищенскую зарплату, а ваш сосед получает все даром.

I agree. Welfare should be a last resort safety for those temporarily down on their luck OR genuinely unable to work. The way that dole has contributed to longterm joblessness is a scandal as is the creeping dependency created by the tax credit culture [251].

Стратегия согласия выражена сочетанием глагола и местоимения. Я согласен – I agree, которое далее отражает полную мысль автора о том, что социальное обеспечение должно быть последним средством защиты для тех, кому временно не повезло ИЛИ кто действительно не может работать. То, что пособие по безработице способствовало долгосрочной безработице, является скандалом, как и ползучая зависимость, создаваемая культурой налоговых льгот.

Тактика указывающая на пользу используется в комментариях, выражающих положительные качества, стороны либо результаты как людей, так и их действий в социально-общественном медиадискурсе. Например,

Brits, you should be glad and thankful migrants treat your country as their own. Irrespective of what your racist irresponsible politicians say, the vast majority of migrants come here to work and to contribute to positively to society. Migrants from EU countries in particular on average pay more taxes than the money they get back from the government in terms of NHS, schooling, benefits etc. If you really think that the net migrant population which accounts for but a few % of the whole population of the UK is the reason for the problems of the remaining 90 plus % then sorry, but you must be either being intentionally nasty to get the support of the stoopid, or just plain stoopid yourself [171].

В данном комментарии позиция автора выражена позитивной оценкой. Он обращается ко всем британцам, отмечая, что они должны быть рады и благодарны мигрантам за то, что они относятся к их стране, как к собственной. Также он указывает на позитивный вклад мигрантов в общество, что они

больше платят налогов, чем получают помощь от государства в виде пособий, льгот на обучение и здравоохранение.

В следующем комментарии также приводится пример, в котором отмечается польза от мигрантов.

WE NEVER LOST CONTROL

1. *UK can deport EU migrants after 3 months if they are not financially self supporting – EU Directive 2004/38/EC.*

2. *Most migrants to UK are not from the EU.*

3. *EU migrants contribute more to UK than the average UK citizen.*

4. *EU migrants are more likely to be in work than UK citizen and non-EU-migrants.* [277].

В данном комментарий, помимо большого вклада, который вносят мигранты из ЕС, автор выражает свою основную мысль, выделяя ее заглавными буквами, о том, что мы никогда не теряли контроль, это значит, что Великобритания может депортировать мигрантов из ЕС через 3 месяца, если они финансово не самостоятельны, что большинство мигрантов не из ЕС, что и мигранты из ЕС с большей вероятностью будут заняты работой, чем граждане Великобритании и стран, не входящих в ЕС. Данная позиция уже не раз отмечалась в комментариях участников, когда авторы выражали свою положительную позицию в отношении иммигрантов из ЕС, отмечая их весомый вклад в развитие страны, по сравнению с иммигрантами из Азии или Африки.

Как нами было уже отмечено, *нейтральная стратегия комментариев* содержит в себе нейтральное отношение участника дискурса без признаков одобрения либо порицания. Данная стратегия показывает наименьшее количество применения, всего 10 % комментариев, мы полагаем, что это объясняется прежде всего целью комментирования, которая предусматривает выражение мнения автора посредством оценки определенных фактов, т. е. в целом для комментариев характерна оценочность, положительная либо отрицательная. Для реализации нейтральной стратегии применялась *тактика объяснения*. Например,

I can only agree. Along with many others I long for balance, to read articles giving real information and encompassing a variety of opinions and experiences. Complex investigative informed journalism. How I long for such. Extremes on both sides help noone be better informed [278].

В данном комментарии автор старается дать объяснение, почему он только может согласиться, так как, наряду со многими другими, он стремится к равновесию и читает статьи, дающие только реальную информацию, с различными мнениями и опытом. Соответственно, автор выражает тоску по сложным журналистским расследованиям.

Some newspapers think immigration and asylum is a subject that affects their readership negatively and report on it.

It's no different to any other newspaper agenda [278].

В данном примере автор комментария объясняет, что некоторые газеты считают, что иммиграция и убежище – это тема, которая негативно влияет на

их читательскую аудиторию и сообщают об этом, однако позиция автора нейтральна, так как он считает, что это ничем не отличается от любой другой газетной повестки дня.

В следующем примере автор также выражает нейтральную позицию посредством тактики объяснения, комментируя статью адресанта, что в нем упускается из виду главное.

This article misses the point spectacularly.

There are positive aspects of immigration. There are negative aspects of immigration. If you gloss over the negative aspects and paint it as a universal good then people will disbelieve you.

This plays right into the hands of UKIP and the alt-right [180].

Автор разъясняет, что в иммиграции есть и положительные, и отрицательные стороны. Но если вы замалчиваете негативные аспекты, изображая их как всеобщее благо, то люди не поверят, а это на руку партии независимости Великобритании и центра-правым.

Следующая таблица иллюстрирует основные базовые компоненты онлайн-комментариев читателей.

Таблица 1 – Основные элементы онлайн-комментария в социально-общественном медиадискурсе

Онлайн комментарий в социально-общественном медиадискурсе		
1	Коммуникативная цель	Выражение субъективно-оценочного мнения (одобрения, порицания, нейтрального)
2	Образ автора	Любой пользователь Интернета
3	Образ участника комментария	Другие пользователи Интернета
4	Интерактивность	Оперативная реакция на ранее опубликованные комментарии
5	Диалогичность	Обсуждение среди участников
6	Языковая насыщенность	Разговорная лексика, бытовой стиль с использованием повседневной речи с повышенной эмоциональностью и экспрессивностью
7	Грамматическая структура	Неправильная структура предложения, отсутствие артиклей, смещение временных форм

Таким образом, в процессе анализа комментариев было выявлено, что использование адресантом оценочных стратегий и тактик различается фреквентативным количеством комментирования со стороны участников дискурса. Это значит, что при подаче своего материала автор в большей степени может использовать стратегию одобрения, однако при

комментировании по частотности может преобладать стратегия порицания, так как репрезентация негативно-оценочной информации всегда больше привлекала обратную реакцию аудитории. Более того, нужно отметить колоссальный объем количества комментариев и разнообразие оставленных комментариев. Под одной онлайн-статьей читатели могут оставлять от 20 в среднем до 2500 различных комментариев, которые способствуют реализации нескольких и более стратегий и тактик одновременно.

В результате проведенного анализа установлено, что среди оценочных стратегий и тактик, стратегия порицания и ее тактики находят больше поддержки и согласия среди читателей. Данная продуктивность обосновывается стратегически корректно подобранными тактиками, таких как: *тактика сарказма и иронии, тактика обвинения, тактика отрицания*. К тому же тематическая направленность имеет влияние на положительную и отрицательную коннотацию оставленных комментариев.

Графическая насыщенность комментариев говорит об эмоциональном и экспрессивном содержании комментируемой статьи. При использовании многоточия количество точек может увеличиваться, что связано с более длительными паузами или указывает на незавершенность мысли. Запятая и многоточие также используются для передачи интонации. Кроме того, звукоподражательные слова, такие как «mm», «he he», в сочетании со знаками препинания могут также указывать на интонацию, и для этой цели часто используются еще вопросы и восклицательные знаки. Тире, написание слов заглавными буквами, курсивом или жирным шрифтом и др. часто предназначены для выделения наиболее важной информации, помещения ее в центр внимания получателя.

Выводы по третьей главе

Проведенное исследование использования оценочных стратегий и тактик на материале современной британской прессы позволило прийти к следующим выводам.

Прежде всего, оценка изучена применительно к конкретному типу дискурса, а именно, к социально-общественному медиадискурсу, который является медийным пространством в освещении релевантных событий и отражении различных точек зрения, которые реализуются посредством коммуникативных оценочных актов, обладающих особой значимостью и способствующих воспроизводству социальных отношений, принятых в обществе.

В когнитивно-прагматическом аспекте исследование оценки в контексте реализации дискурсивных стратегий и тактик нацелено на соответствующее изменение ментального образа референта способствуя формированию определённой системы ценностей.

При определении оценочных стратегии и тактики мы исходили из постулата, что любая стратегия коммуникативна и когнитивна одновременно: с одной стороны, стратегия направлена на решение коммуникативной задачи,

обусловленной определённой целью, с другой стороны, стратегия актуализирует различные структуры знаний в процессе коммуникации.

В основе классификации оценочных стратегий и тактик в социально-общественном медиадискурсе учитываются базовые характеристики социальных дискурсов, которые должны отражаться в установленных нами стратегиях. К тому же любое оценивание может быть построено на бинарной оппозиции, которая предусматривает собой противопоставление не только лексических единиц, а также стратегий и тактик.

Выделяются следующие основные оценочные стратегии в социально-общественном медиадискурсе: стратегия одобрения, стратегия порицания, стратегия однозначности позиции и стратегия передачи множественности мнений. Правильный выбор той или иной стратегии, в том числе и тактики, усиливает воздействующую функцию оценки в социально-общественном медиадискурсе.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что среди оценочных стратегий и тактик в социально-общественном медиадискурсе преобладают стратегии порицания и стратегии передачи множественности мнений, которые применяются адресантами/авторами для передачи информации в сфере социально-общественной коммуникации. Частотность и продуктивность данных стратегий обуславливается прежде всего, их тематической направленностью, это означает, что по количеству освещения проблем иммиграции и социального обеспечения населения в СМИ во много раз, чем другие новости. Учитывая речевую специфику социально-общественной коммуникации, выделяется преимущественно отрицательно-оценочная коннотация, в связи с чем преобладает использование лексики порицания, нежели одобрения.

Среди оценочных тактик стратегии порицания можно выделить наиболее частотные тактики, такие как: *тактика отрицательного прогнозирования, тактика обвинения, тактика наличия проблемы и тактика дискредитации*. Среди тактик стратегии передачи множественности преобладает *тактика сопоставительного анализа*. Продуктивность данных тактик в социально-общественном медиадискурсе связано, в первую очередь с прогнозированием будущего в отношении иммигрантов и сокращения социального обеспечения, в частности льгот, пособий и пенсионного возраста, размера пенсий и др., также дискредитацией и обвинением как действий, так и высокопоставленных чиновников, политических лидеров, партий, министров в отношении ценностных норм британского общества.

Стратегия однозначности позиции в целом указывает на среднюю частотность применения в социально-общественном медиадискурсе. Среди тактик можно отметить *тактику необходимости, нужды, тактику неопровержимости и тактику демонстрации уверенности*.

В реализации *стратегии одобрения* по частотности выделяются *тактики указания на путь решения проблемы, тактика акцентирования на положительной информации, тактики указывающая на пользу*.

Проведенный анализ восприятия реципиентами той или иной оценки в определении продуктивных оценочных стратегий и тактики на основе обратной связи (комментарий) адресатов приводит к следующим выводам.

Под комментарием в нашей работе понимается вид электронной медийной коммуникации, имеющий текстовой формат от минимального слова до развернутого дискурса, который характеризуется интерактивной частотностью и семантической сложностью. Комментариям присуща оценочность, прагматичность, интертекстуальность, актуальность, вторичность, интерактивность, диалогичность, полилогичность и т. д. Выделяются два вида комментариев - реактивные и интерактивные, которые относятся к содержанию исходной статьи и которые отвечают на комментарий других пользователей. Полилогичность комментариев выявляется в том, что один и тот же участник обсуждения может вступить не только в диалог, но и в полилог с другими участниками.

В процессе анализа комментариев в социально-общественном медиадискурсе установлены три вида стратегии: стратегия одобрения, стратегия порицания и стратегия нейтрального комментирования, которые нацелены на выражение положительного, отрицательного либо нейтрального восприятия адресатами исходной онлайн-публикации адресанта.

В ходе исследования комментариев было выявлено, что по частотности и продуктивности выделяется стратегия порицания, независимо от презентации исходного/основного материала. Это объясняется тем, что во время комментирования участник может как выразить согласие, так и не согласиться с положительной или отрицательной позицией автора основной онлайн - статьи, следовательно, количественный анализ еще раз подтверждает преобладание негативно-оценочной позиции участников выраженной с помощью стратегии порицания, в частности с превалированием тактик иронии и сарказма, обвинения и несогласия.

При анализе комментариев, которые выражаются посредством стратегии порицания и одобрения, также, часто в нейтральных комментариях, наблюдается своеобразная авторская пунктуация, которая не столько подчиняется синтаксическим правилам, сколько используется для передачи интонации и авторского самовыражения. Например, запятая и многоточие могут передавать медленный темп речи, который участники общения часто намеренно эксплицируют, приближая свои интернет-взаимодействия к устному. При использовании многоточия количество точек может увеличиваться, что связано с более длительными паузами или указывает на незавершенность мысли говорящего. Более того, для акцентирования внимания на определенных словах, именах или фразах, авторы выделяют их заглавными буквами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несомненно, оценка является чрезвычайно сложной категорией, которая заслуживает пристального внимания с учетом современных лингвистических теорий. Ученые по-разному определяли сущность категории оценки в зависимости от направлений изучения в философии, логике, психологии, лингвистике. Это объясняется тем, что многоплановая сущность категории оценки определяется ее сложной и многомерной природой. Следовательно, в историческом плане развития оценки были сформулированы основные научные подходы, которые рассматривали оценку сквозь призму их восприятия и составили фундаментальную основу современных исследований в области теории оценки.

В настоящей работе, представлен анализ когнитивных и прагматических аспектов категории оценки в рамках современного социально-общественного британского медиадискурса. Прежде всего, резюмируя теоретические трактовки, мы определяем оценку как лингвокогнитивную категорию, которая при восприятии и обработке информации внешнего мира на основе сопоставления с существующей в сознании субъекта моделью действительности соотносится с его внутренним миром и отражает ценностную картину мира.

Социально-общественный медиадискурс представляет собой абсолютно новый объект исследования, который является комбинированной формой специфических видов дискурса СМИ, отражающей медийное пространство в сфере социально-общественной коммуникации. Симбиозный характер отличает социально-общественный медиадискурс от других типов медиадискурса, в связи с чем открывает новые перспективы для различных направлений в исследовании социально значимых событий. Принимая во внимание общие оценочные механизмы построения данного типа дискурса, можно отметить ряд специфических характеристик, таких как: темпоральность, массовость, релевантность, адресованность, медиальность, прагматичность, мультимодусность, оценочность, которые формируют его основные функционально-стилевые особенности.

Когнитивные структуры и механизмы, способствующие формированию оценочных значений и смыслов, представляют собой концептосферу социально-общественного медиадискурса. На основе когнитивно-семантического анализа фактического материала были определены такие доминирующие концепты как: *иммиграция* и *социальное обеспечение*, которые непосредственно образуют специализированную тематику данной дискурсивной среды. Социальная среда, созданная концептами *иммиграция* и *социальное обеспечение*, способствовала описанию основных составляющих, таких как действие, время, лица, объекты и т. д.

Изучение структуры концептов *иммиграция* и *социальное обеспечение* в рамках социально-общественного британского медиадискурса позволило выявить фундаментальную детализацию структур данных концептов, а также актуализацию имплицитных свойств и общего оценочного потенциала. В процессе дискурсивной реализации концептов *иммиграция* и *социальное*

обеспечение представилась возможность наблюдение за структурой их стабильности и эволюции, так как концептам свойственно развитие, модификация, видоизменение, насыщение содержания, обогащение и обрастание новыми смыслами. Соответственно, в процессе непрерывного развития иногда происходит постепенное исчезновение концепта, в связи с появлением новых ассоциаций и утратой актуальности в сознании человечества. Все эти факторы функционирования концепта, в какой-то мере зависят от последствий социального и социокультурного развития.

Необходимость изучения категории оценки в когнитивно-прагматическом аспекте в контексте реализации оценочных стратегий и тактик, обусловлено интенциональным влиянием на соответствующее изменение существующего ментального образа в сознании референта способствуя формированию определённой системы ценностей сквозь призму оценочного суждения. Любое оценивание предполагает собой бинарную оппозицию, которая предусматривает противопоставление как лексических единиц, так и стратегий и тактик. В целом, анализ любого дискурса требует его изучения с учетом всех участников. В данном исследовании нами рассматриваются оценочные стратегии и тактики основного материала, в котором, автором заложены определенные прагматические интенции и обратная связь коммуникантов дискурса виде комментариев, что позволило проанализировать соотносённость и не соотносённость оценочных стратегий и тактик.

Результаты проведенного анализа оценочных стратегий и тактик свидетельствует о том, что среди оценочных стратегий преобладает стратегия порицания в рамках социально-общественного британского медиадискурса и составляют 33% применения. Частотность и продуктивность стратегии порицания обуславливается прежде всего, тематической направленностью социально-общественного медиадискурса, это означает, что при освещении проблемных вопросов *иммиграции* и *социального обеспечения* населения в СМИ носит более негативный характер, особенно в свете последних событий, связанных с выходом Великобритании из Европейского Союза, который повлек за собой огромное количество последствий виде жестких правил по сокращению количества иммигрантов из ЕС, внедрение новых правил для контролирования иммиграцией, изменения в системе социального обеспечения, сокращение льгот, отмена школьного питания, обучения, увеличение пенсионного возраста, сокращение пенсий и т. д. Следовательно, учитывая речевую специфику социально-общественной коммуникации, выделяется больше всего отрицательно-оценочная позиция адресанта, в связи с чем преобладает реализация стратегии порицания нежели одобрения. Среди оценочных тактик *стратегии порицания* можно выделить наиболее частотные тактики, такие как: *тактика отрицательного прогнозирования, тактика обвинения, тактика отрицания, тактика указания на существование проблемы и тактика дискредитации.*

По степени частотности среди оценочных стратегий выделяется стратегия однозначности позиции, которая составляет 28% реализации в социально-общественном медиадискурсе. Продуктивность данной стратегии

обусловлена одновременным применением стратегии одобрения и стратегии порицания, которые способствуют выражению положительной и отрицательно оценочной позиции автора. Наиболее высокую частотность среди оценочных тактик *стратегии однозначности позиции* показывают *тактики необходимости и нужды* и тактика *призыва*.

Стратегия передачи множественности мнений составляет 21% употребления в рамках социально-общественного британского медиадискурса. Реализация данной стратегии учитывает применение обеих стратегий одобрения и порицания, в связи со способностью автора выразить положительную и отрицательную оценочную позицию. В сравнении с другими оценочными стратегиями, эта стратегия больше нацелена на подтверждение уровня важности оценочного объекта и содействует формированию представления о нем, которые объясняются открытостью и эксплицитностью положительной либо отрицательной оценки. Наиболее высокую частотность и продуктивность среди тактик *стратегии однозначности позиции* в современном социально-общественном британском медиадискурсе показывают *тактики необходимости и нужды* и тактика *призыва*.

Стратегия одобрения составляет лишь 19% употребления в сфере социально-общественного британского медиадискурса. Среди тактик стратегии одобрения наиболее продуктивны *тактики указания на путь решения проблемы, тактика акцентирования положительной информации, выражения благодарности и признание заслуги*, а также *указание на пользы*. Оценочные *стратегии и тактики одобрения* в современном социально-общественном британском медиадискурсе, в большей степени выражаются эксплицитно. Это объясняется высокой продуктивностью применения оценочных языковых средств, в которых уже заложены положительные оценочные значения, которые характеризуются четкостью и ясностью.

Анализ комментариев участников с отрицательной, положительной и нейтральной оценкой позволяет сделать вывод о том, что интернет-комментарии могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно, представляя субъективное оценочное отношение автора. В целом, под комментариями мы понимаем вид электронной медийной коммуникации в форме текста, который характеризуется интерактивной частотностью и семантической сложностью.

Анализ фактического материала позволяет утверждать, что комментарии участников дискурса являются достаточным источником в определении качественных данных, отражающих реальное субъективное и общественное мнение.

Результатом анализа эмпирического материала, можно отметить достаточно высокую продуктивность комментариев в сфере социально-общественного британского медиадискурса. Данная фреквентативность обусловлена релевантностью социально-общественных тем обсуждения, подлежащего оценке в целом. В нашем случае, фактический материал исследования был отобран в связи со спецификой социально-общественного медиаконтента, который отражает социально-обусловленные проблемы

британского общества, в частности актуальные вопросы иммиграции и социального обеспечения населения, которые будучи взаимосвязаны друг с другом вызывают много недовольства и реакции со стороны общества. Комментарии участников дискурса имеют следующие особенности: оценочность, эмоциональность, субъективность, спонтанность, интерактивность, диалогичность и полилогичность.

В то же время, необходимо отметить, что в ходе анализа онлайн-комментариев в социально-общественном британском медиадискурсе нами выделен графический дизайн комментариев коммуникантов (скобки, тире, двоеточия, заглавные буквы, курсив или жирный шрифт, восклицательные знаки, многоточия, риторические вопросы, ошибки в словах, сокращение слов и др.), который является общим свойством сообщения с отрицательным значением, с целью изменить оценочное отношение других пользователей. Поскольку интернет комментариев - это онлайн-платформа, где каждый автор комментария имеет возможность выразить свое негативное либо положительное отношение или оценку к исходному содержанию публикации и их комментарии ограничены только деятельностью модератора, который удаляет особо неуместные высказывания. В других случаях интернет-комментаторы вольны действовать и выносить различные оценочные суждения, особенно когда это касается таких широко обсуждаемых социальных тем, как *иммиграция* и *социальное обеспечение*. Таким образом, явная оценка наиболее характерна для этих комментариев, особенно она четко выражена в тех случаях, когда комментарии адресованы ранее опубликованным комментариям. Когда авторы различных комментариев вступают в дискуссию с разных точек зрения, позиций и мнений.

Структурно-композиционная сущность, как мы отметили характеризуется богатыми графическими средствами пунктуации, которые в сочетании с лексико-семантической насыщенностью, эмоционально-экспрессивной коннотацией, метафорами, метонимии, идиомами, жаргонами, иронией, и сарказма, бытовой речью, также морфологическими и синтаксическими особенностями способствует отражению более яркой и выраженной негативно-оценочной позиции автора.

На наш взгляд, в будущем перспективу вызывает исследование оценочных стратегии и тактики интернет-комментариев, способы их реализации на материале определенного дискурса СМИ, поскольку интернет комментарии в основном носят субъективный характер, тем самым, привлекает внимание изучение прагматической интенции самопрезентации автора.

Список литературы

- 1 Балли Ш. Французская стилистика. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1955. – 394 с.
- 2 Большой энциклопедический словарь // <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/224578>. 18.11.2017.
- 3 Аристотель. Соч.: В 4 т. Мысль. – М., 1983. – Т. 2: Категории. – С. 5 -91.
- 4 Крапивенский С.Э. Общий курс философии. – Волгоград: ВГУ, 1999. – 427 с.
- 5 Вендина Т. И. Словообразование как источник реконструкции языкового сознания // Вопросы языкознания. – 2004. – № 4. – С. 42-72.
- 6 Гоббс Т. Избранные произведения. В 2 т. – Москва, 1964. – Т. 1– 414 с.
- 7 Зайченко Г.А. Джон Локк. – Москва, 1988. – 236 с.
- 8 Спиноза Б. Этика // Спиноза Б. Избр. произведения. – Москва, 1957. – Т. 1. – 631с.
- 9 Мур Дж. Принципы этики: Пер. с англ. – Москва: Прогресс, 1984. – 326с.
- 10 Wright G. N. Von. The varieties of goodness. – N.Y. and London, 1963.
- 11 Ивин А.А. Основы теории аргументации: Учебник: Гуманит. изд. центр Владос. – Москва, 1997.
- 12 Ивин А.А. Основания логики оценок. – Москва: МГУ, 1970. – 230 с.
- 13 Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. Н. Д. Арутюнова; отв. ред. Г. В. Степанов. АН СССР, Ин-т языкознания. – Москва: Наука, 1988. – 338 с.
- 14 Темиргзина З.К. Оценочность как языковая категория. – Павлодар: Тоо НПФ «ЭКО», 2005. – С.13.
- 15 Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – Москва: Наука, 1985. – 228с.
- 16 Bollinger, D. Degree words // The Hague. – Paris: Mouton, 1972. – С. 1-14.
- 17 Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности. – Москва: Высш. шк., 1990. – 172 с.
- 18 Минина, М. А. Психолингвистический анализ семантики оценки: автореф. дис...канд. филол. Наук: 10.02.04. – М., 1995. –15 с.
- 19 Biber, D., Finegan, E. Styles of Stance in English: Lexical and Grammatical Making of Evidentiality and Affect. Text, 9. – 1989. – P. 93-124.
- 20 Halliday, M.A.K. An Introduction to Functional Grammar. – London: Edward Arnold. –1994.
- 21 Hunston S., Thompson G. Evaluation in Text. Authorial Stance and the Construction of discourse. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – 225 p.
- 22 Martin, J. R. & White, P. R. R. The Language of Evaluation: Appraisal in English. – 2005. – 278 p.
- 23 Martin, J. R. Beyond exchange: APPRAISAL systems in English. In S. Hunston & G. Thompson (Eds.), Evaluation in Text: Authorial Stance and the Construction of Discourse. – Oxford, UK.: Oxford University Press, 2003. – p. 142-175.

24 Токтамысова Д.Б. Прагматический компонент лексической оценки лица в современном английском языке (положительная оценка): дис... канд. филол. наук. – Алматы, 1996. – 194 с.

25 Исакова Н.С. Понятие оценки в лингвистике. Вестник КазНПУ имени Абая// Сер. «Филологические науки». – Алматы, 2018. – №3(65). С. 107-113.

26 Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. — М.: Сов. энциклопедия, 1969. — 607 с.

27 Searle J. The Logical Status of Fictional Discourse // Searle J. Expression and Meaning. Studies in the Theory of Speech Acts. – Cambridge: Cambridge Univ. Press. – 1979. – P. 58-75.

28 Ноуэлл-Смит П.Х. Логика прилагательных // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. – Москва: Прогресс, 1985. – С. 56-63.

29 Приходько А. И. Прагматическое значение оценочного высказывания. Нова Філологія. – № 62.

30 Leech G.N. Principles of Pragmatics // G.N. Leech. Приходько А. И. Прагматическое значение оценочного высказывания. Нова Філологія. – L. and N.Y.: Longman, 1983. – № 62. – p. 250

31 Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка: Волеизъявление и выражение желания говорящего в русском диалоге. – Москва: Изд-во Моск. Ун-та, 2002. – 752 с.

32 Stuart H. Keir Starmer to warn of dangers to business of ‘blind Brexit’. <https://www.theguardian.com/politics/2018/nov/06/brexit-92-of-momentum-members-want-labour-to-back-second-vote>. 21.08.2019.

33 Маркелова Т.В. Семантика оценки и средства ее выражения. – Москва: МПУ, 1993. – С. 7-105.

34 Pullman P. Homelessness is a national disgrace. Let’s make Britain humane again. <https://www.theguardian.com/cities/commentisfree/2019/dec/11/homelessness-britain-death>. 15.05.2020.

35 Greenslade R. The Sun's Brexit call is unsurprising but it has a symbolic significance. <https://www.theguardian.com/media/greenslade/2016/jun/14/the-sun-brexit-call-is-unsurprising-but-it-has-symbolic-significance>. 25.11.2017.

36 Сковородников А. П. Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. – Томск: 1984. – С. 255.

37 Гак В. Г. Эмоции и оценки в структуре высказывания и текста // Вестник Московского университета. Сер.9. Филология. – 1997. – № 3. – С. 87-95.

38 Буряковская А.А. Понятие нормы в лингвистической категории количества. // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. – Тула, 2011. – С. 517-521. <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-normy-v-lingvisticheskoy-kategorii-kolichestva>. 10.06. 2020.

39 Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: сб. науч. тр.: посвящ. Е. С. Кубряковой. – Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002а. – С. 103-114.

40 Talmy L. Toward a Cognitive Semantics. Volume II: Typology and Process in Concept Structuring. – Cambridge, Mass.: The MIT Press, 2003.

41 Langacker, R.W. A View of Linguistic Semantics // Topics in Cognitive Linguistics. – Amsterdam: Benjamins, 1988. – P. 49-90.

42 Никитин, М.В. Заметки об оценке и оценочных значениях – 1,2. // Сборник статей Studia Linguistica – 9. Когнитивно-прагматические и художественные функции языка. Отв. ред. В.М. Аринштейн, Н.А. Абиева. – СПб.: Тригон, 2000. – С. 6-22.

43 Kiklewicz A. K. Социальные ценности в системе современной культуры. – Przeglad Wschodnioeuropejski, 2013. – 290 с.

44 Приходько А. И. Когнитивно- дискурсивный потенциал оценки и способы его выражения в современном английском языке: дисс... на соискание док. филол. наук:10.02.04. – Запорожье, 2004. – 422с.

45 Москвичева Е. А. Оценочное слово в художественном тексте (на материале «деревенской» прозы) / Е. А. Москвичева; сост. и отв. ред. М. В. Ягодкина // Ефремовские чтения: Концепция современного мировоззрения: Материалы 11-й международной конференции. – СПб.: ЛЕМА, 2008. – С. 151-153.

46 Попова З.Д., Стернин И.А. Семантика когнитивный анализ языка. – Воронеж: изд-во «Истоки», 2007. – 250 с.

47 Мирзоева Л. Ю. Категориальные особенности оценки и их представление в современной лингвистике// Вестник Карагандинского Университета. Серия «Филология». – № 2 (66), – 2012.

48 Мартыненко Н.Г. Оценочная картина мира говорящего социума. Наука и образование, 2007. – № 2. – С. 119-123.
<https://cyberleninka.ru/article/n/otsenochnaya-kartina-mira-govoryaschego-sotsiuma>. 14.10.2017.

49 Приходько А. И. Роль оценки формирования картины мира. Когниция, коммуникация, дискурс. – 2015. – №10. – С. 86-96.
<http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/>. 25.09.2017.

50 Желтухина М.Р. Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: монография // М.Р. Желтухина. – Москва-Волгоград, 2003. – 656 с.

51 Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира [Текст] / Е.С. Кубрякова // Рос. академия наук, ин-т языкознания. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 560с.

52 Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика [Текст] / Н. И. Формановская. – Москва: Издательство «Икар», 2007. – 480 с.

53 Колшанский, Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. / Г. В. Колшанский. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

54 Болдырев Н. Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий // С любовью к языку: Сб. научных трудов. – Москва-Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – 492 с.

- 55 Болдырев Н. Н. Категории как форма репрезентации знаний в языке // Концептуальное пространство языка: Сборник научных трудов. – Тамбов: тгу, 2005. – С. 16-39.
- 56 Никитин М.В. Основания когнитивной семантики: учебное пособие. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003. – 277 с.
- 57 Руденко А.В. Модификация оценки в дискурсе СМИ: дисс... на соискание канд. филол. Наук: 10.02.19. – Москва, 2012. – 178 с.
- 58 Кузьмина Е.А. Понятие нормы как основы оценочной категоризации (в аспекте исследования эволюции структур этнокультурного сознания) // Когнитивные исследования языка. Вып. X. Категоризация мира в языке: коллективная монография. – Москва: Институт языкознания. РАН; – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – С. 326-344.
- 59 Bednarek. M. Evaluation in media discourse: Analysis of a newspaper corpus. Continuum. – New York/London, 2006.
- 60 Bednarek. M. Australian journal of communication. Evaluation in the news. – 2010. – Vol. 37 (2). – P. 15-50.
- 61 Кубрякова Е.С. Прагматика и когнитивная лингвистика // Прагматические аспекты языкового функционирования. – М., 1991.
- 62 Язык и антропологические сущности / Кубанский госуд. ун-т. Отв. ред. Г.П. Немец. – Краснодар, 1997. – С. 254.
- 63 Ломова О.Е. Речевое поведение актеров в автобиографических текстах: автореф. дис. канд. фил. наук: 10.02.19. – Ростов н/Д, 2004. – 182с.
- 64 Кузнецова, Н.Е. К вопросу о некоторых способах выражения оценки /Н.Е.Кузнецова, Е.В.Шевченко // Язык. Текст. Стил: сб. науч. Тр: Курганский гос.ун-т. – Курган, 2004. – С. 71-79.
- 65 Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения. – М., 1988. – 168 с.
- 66 Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значения // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217-218.
- 67 Авазбакиева Ф.Р. Оценка в семантической структуре слова// Вестник КазНУ. Серия филологическая. – 2013. – № 3 (143).
- 68 Бигунова Н.А. Положительная оценка: от когнитивного суждения к коммуникативному высказываю: монография / Н.А. Бигунова. Перевод с укр. – Одесса: КП ОМД, 2017. – 601 с.
- 69 Приходько А.И., Артемова А.Ф. Словообразование в системе оценочной лексики: Учебное пособие. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2008. – 120 с.
- 70 Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Москва: Издательство ЛКИ, 2008. –208 с.
- 71 Ретунская М.С. Английская аксиологическая лексика. – Н. Новгород: Изд-во НГЛУ, 1996. – 272 с.
- 72 Кунин А.В. Курс фразеологии современного англ. яз.: учебник для студентов институтов и факультетов иностр. яз. / А.В. Кунин. – Москва: Высшая школа, 1989. – 336 с.
- 73 Halliday M. A. K Linguistic Studies of Text and Discourse / ed. J. Webster. Continuum International Publishing, 2000. – 288 p.

- 74 Гридин В.Н. Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – 1990. – 685 с.
- 75 Арнольд И. В. Интерпретация художественного текста: типы выдвижения и проблемы экспрессивности // Экспрессивные средства английского языка. – Л., 1975. – С. 11-20.
- 76 Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. Кн.1. Теория: Учеб. пособие / О.А. Крылова. – М.: Высшая школа, 2006. – 319с.
- 77 Комиссарова Н. Г., Якупова Д. Р. Оценочность в дискурсе СМИ// Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2018. – № 2(80). – Ч. 1. – С. 83-87.
- 78 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / Сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев и С. Г. Бочаров. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
- 79 Бабенко Л.Г. Общие методы и механизмы выявления имплицитного содержания в языке и речи // Семантико-дискурсивные исследования языка: Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. – Калининград; Светлогорск, 2006. – С. 8.
- 80 Нефедова Л.А. Когнитивно-деятельностный аспект имплицитной коммуникации. – Челябин. гос. ун-т. Челябинск 2001. – 151 с.
- 81 Кайда Л.Г. Позиция автора в публицистике. Стилистическая концепция // Язык современной публицистики: сб. статей / Под ред. Г.Я. Солганика. – М., 2005.
- 82 White. P. R.R. White. Telling Media Tales: the news story as rhetoric. A thesis submitted in fulfilment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy// Department of Linguistics. – University of Sydney, 1998. – 440.
- 83 Dragoi A. An immigrant's tale: Leaving Britain to escape Brexit hostility. <https://www.independent.co.uk/arts-entertainment/photography/immigrants-leaving-britain-escape-brexit-hostility-photos-a8841026.html>. 25.12.2019.
- 84 The Observer view on the government's immigration plans. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/23/observer-view-on-immigration>. 15.07.2020.
- 85 Салтыкова А.А. Имплицитная аксиологическая модальность в текстах СМИ: дисс... на соискание канд. филол. Наук: 10.02.01. – Москва, 2014. – 155 с.
- 86 Азылбекова Г.О. Прагматика оценки: монография. – Павлодар: Кереку, 2017. – 122 с.
- 87 Wittgenstein L. Philosophical Investigation. – N.Y.: Macmillan, 1958. – 250 p.
- 89 Austin J.L. How to Do Things with Words. – Stuttgart: Philipp Reclam, 1994. – 218 p.
- 89 Грайс Г.П. Логика и речевое общение II НЗЛ. – М.: Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 217-237.
- 90 Heffer G. Labour will vote down 'blind' Brexit deal, Sir Keir Starmer warns PM. <https://news.sky.com/story/labour-will-vote-down-blind-brexit-deal-sir-keir-starmer-warns-pm-11546748>. 17. 11.2019.

- 91 Клушина Н.И. Языковые механизмы формирования оценки в СМИ // Публицистика и информация в современном обществе: Сб. ст. / Под ред. проф. Г.Я. Солганика). – М., 2000.
- 92 Кормилицына, М. А., Сиротинина, О.Б. Язык СМИ: учеб. пособие по курсу «Язык СМИ» для студентов I и II курсов подготовки бакалавров по направлению «Журналистика» / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2011. – 92 с.
- 93 Деменьтев С.А. Информационная безопасность человека в контексте рисков и угроз информационной эпохи: дисс... на соискание докт. философ. наук: 09.00.11. – Краснодар, 2018. – 343 с.
- 94 Ли В.С. Парадигмы знания в современной лингвистике: Уч. пособие. – Алматы: КазНУ, 2003. – 138 с.
- 95 Harris, Z. Discourse Analysis. Language, 1952. – No.28, – p.1-30.
- 96 Stubbs M. Discourse analysis: the sociolinguistic analysis of natural language / Stubbs M. – Oxford: Blackwell, 1983. – p.272.
- 97 Carter, R. Linguistics and the Teacher. London: Routledge and Kegan Paul Ltd. – 1982.
- 98 Кибрик А.А. Модус, жанры и другие параметры классификации дискурсов. Вопросы языкознания, 2009. – № 2. – С. 3-21.
- 99 Дейк, Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация [Текст] / Т. А. ван Дейк. Сб. работ. – М.: Прогресс, 1989. – 310 с.
- 100 Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц и португ./ Под ред. П. Серио. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 1999. – 416 с.
- 101 Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистическая энциклопедический словарь. – М., 1990.
- 102 Г.Г. Бурктибаева. Деловой дискурс и уровни его исследования // Наукові Записки. Серія: філологічні науки. – Випуск 89(5). – С. 140-146.
- 103 Киклевич А. К. Притяжение языка. Том 1: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. – Олыштын, 2007. – 403 с.
- 104 Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 390 с.
- 105 Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Едиториал УРСС, 2001. – 416 с.
- 106 Кубрякова Е. С., Александрова О. В. Виды пространства, текста и дискурса // Категоризация мира: пространство и время: материалы научной конференции. – М.: Диалог-МГУ, 1997.
- 107 Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Рос. 245 академия наук, Ин-т языкознания. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
- 108 Добросклонская Т.Г. Массмедийный дискурс в системе медиалингвистики. Медиалингвистика. Международный журнал № 1(6). – 2015. – С.45-57. <http://medialing.spbu.ru/part10/>. 25.12.2017.

109 Добросклонская Т.Г. Медиадискурс как объект лингвистики и межкультурной коммуникации // Вестник Московского ун-та. – Серия 10. Журналистика. – 2006. № 2. – С. 20-33.

110 Солганик Г.Я. Язык СМИ и политика. – М. Издательство Московского университета; Факультет журналистики МГУ имени М.В.Ломоносова. 2012. – 952 с.

111 Кожемякин Е. А. Массовая коммуникация и медиадискурс: к методологии исследования / Е. А. Кожемякин // Научные ведомости. Гуманитарные науки, 2010. – № 12 (83). – Вып. 6. – С. 13–21.

112 Алефиренко Н. Ф. Медиадискурс и его коммуникативно-прагматическая сущность // Медиалингвистика. – 2016. № 1 (11). – С. 49–57. URL: <https://medialing.ru/mediadiskurs-i-ego-kommunikativno-pragmaticeskaya-sushchnost/>. 10.02.2019.

113 Желтухина М. Р. О содержании дискурса масс-медиа / М. Р. Желтухина // Вісник Луганського педагогічного університету імені Тараса Шевченка. Серія «Філологічні науки». – Луганськ, 2007. № 11 (128), Ч. 1. – С. 27-40.

114 Борисова С.С. Персуазивные стратегии в аналитических жанрах (на материале немецкого языка): дисс... на соискание канд. филол. наук: 10.02.04. – Москва, 2016. – 250 с.

115 Iskakova N.S. Evaluation in Social Mediadiscourse. Journal of Foreign Language Teaching and Applied Linguistics. – V. 6.– N. 1. – 2019. – P.119-131.

116 Иманжусупова С.У. Дискурс как основа социального взаимодействия / С.У.Иманжусупова. Текст: непосредственный, электронный // Молодой ученый. – 2012. – № 6 (41). – С.252.

117 Зайцев А.В. К вопросу об институционализации диалога государства и гражданского общества в социально-политическом дискурсе современной России // Вестник Костромского госуд.унив.-та им. Н.А.Некрасова. – 2013.– Т.19. №1. – С.203-206.

118 Искакова Н.С., Ислам А. Средства реализации оценочных высказываний в социальном медиадискурсе. //Вестник КГУ им. Ш. Уалиханова. Серия филологическая. – № 2. – 2020. – С. 55-60.

119 Tollefsen O. C. What is Public Discourse? Public Discourse. The Journal of the Whitherspoon Institute. <https://www.thepublicdiscourse.com/2009/10/945/>. 25.04.2020.

120 Kunduru S.R. Social Media and Public Discourse: A Technology Affordance Perspective on Use of Social Media Features. – 2018. – P.168-176. <https://dl.acm.org/doi/abs/10.1145/3209626.3209627>. 21.12.2019.

120 Смит. Н. Современные системы психологии/ пер. с англ. под общ. ред. А.Алексеева. (Серия «Психологическая энциклопедия») – с. 353. – СПб.: прайм-Еврознак, 2003. – 384 с.

121 Батыгин Г.С. Три типа социологического дискурса: исторический очерк Журнал исследований социальной политики. НИУ, Высшая школа экономики. – М., 2003.– Т 1 (2). – С. 245-262.

122 Mills, C.W. The Sociological Imagination. – Oxford, Oxford University Press, 1959.

123 Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 1998. – 41 с.

124 Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997. – С.40-43.

125 Ислам А. Язык в контексте национальной культуры. – А., 2003. – 215с.

126 Кубрякова Е. С. Концепт // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – С. 90-93.

127 Колодина, Н.И. Смыслопостроение в структурном понимании при рецепции художественного текста / Н.И. Колодина. – Тамбов : Изд-во Тамб. гос. ун-та, 2000. – 145 с.

128 Киклевич А.К. Концепт! Концепт... Концепт? К критике современной лингвистической концептологии. Концепты культуры в языке и тексте: теория и анализ. Научная серия «Современная русистика: направления и идеи». – Том II. – Олштын, 2010. – С.175-218.

129 Зубарева Е. О. Концепт «мигрант» в миграционном дискурсе (на материале свободного ассоциативного эксперимента) // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018.– Т. 4. – N 4. – С. 29-41.

130 Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ: Восток -Запад, 2007. – 314 с.

131 Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке [Текст] / В. И. Карасик // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – С. 166–205.

132 Тяжина Е.Б. Общая оценка как субкатегория семантической категории оценки. Вестник Евразийского гуманитарного института. – Астана, 2015. – С. 235-239.

133 Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42-67.

134 <https://wordpandit.com/migr-root-word/>. 15.02.2020

135 <https://www.latin-english.com/latin/migro/>. 15.02.2020

136 https://www.etymonline.com/word/immigrateref=etymonline_crossreference. 25.02.2020.

137 Shumsky N.L. Noah Webster and the Invention of Immigration. https://www.jstor.org/stable/20474606?mag=how-noah-webster-invented-the-word-immigration&seq=1#metadata_info_tab_contents. 25.04.2020.

138 Зубарева Е.О. Моделирование концептуального поля «Миграция»: дисс... на соискание канд. филол. наук: 10.02.19. – Пермь, 2019. – 216 с.

139 Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2001. – 189 с.

140 Алексеев А. В. Лексикологические аспекты изучения концептов // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия

«Филология. Теория языка. Языковое образование». – 2015.– № 3 (19). – С. 83-89.

141 The new lexicon Webster's Encyclopedic Dictionary of the English language. Canadian ed. Lexicon Publications. – INC. New York, 1988. – 484p.

142 The New Shorter Oxford English Dictionary. Ed. by Lesley Brown. – Clarendon Press. Oxford, 1993. – V. 1 A-M. – p. 1315.

14 Merriam Webster, <https://www.merriam-webster.com/dictionary/immigration>. 25.03.2020.

144 Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus. – Cambridge University Press. – 2020.

145 Webster's new international dictionary of the English Language. Second ed. -London: G. Bell & Sons, LTD. –1954. V.1. A-L. – p.1245.

146 Collins English Dictionary. – HarperCollins Publishers 2000. – p.712.

147 Longman Dictionary of Contemporary English for Advanced Learners. 6th ed. - Pearson 2017. – p. 919.

148 Longman Dictionary of Contemporary English. – Longman 1989. – p. 523.

149 Macmillan Dictionary. Macmillan Education Limited. – 2009-2020.

150 Collins English Dictionary. HarperCollins Publishers. – 2020.

151 Collins Cobuild English Dictionary for Advanced Learners, 2001. – p. 781.

152 Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge University Press, 2020.

153 Explanatory English dictionary bed edition, 2012.

154 Cambridge Academic Content Dictionary. Cambridge University Press, 2020.

155 <https://dictionary.cambridge.org/ru/>. 27.03.2020.

156 Oxford Dictionary online. <https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/>. 28.03.2020.

157 Chui N. How the language of migration put expats on a pedestal – and left immigrants in the dust. <https://www.independent.co.uk/voices/immigrant-migrant-expat-hong-kong-singapore-uk-brexite-a9470171.html>. 11.05.2020.

158 Henley J. Up to 4.8m unauthorised immigrants in Europe in 2017 – study. <https://www.theguardian.com/world/2019/nov/13/4m-unauthorised-immigrants-in-europe-in-2017-study>. 15.05.2018.

159 Glover D. The real story of the birth of immigration controls in the UK is eerily familiar. <https://www.independent.co.uk/voices/immigration-uk-alien-antisemitism-home-office-boris-johnson-patel-a9351821.html>. 12.05.2020

160 Trilling D. How the media contributed to the migrant crisis. <https://www.theguardian.com/news/2019/aug/01/media-framed-migrant-crisis-disaster-reporting>. 17.11.2019.

161 Sillars J. Brexit 'putting off' EU workers from taking a UK job — recruiters. <https://news.sky.com/story/brexit-putting-off-eu-workers-taking-a-job-in-the-uk-recruiters-10869776>. 25.02.2018.

162 EU migration to UK 'underestimated' by ONS. <https://www.bbc.com/news/uk-49420730>. 30.11.2019.

163 UK migration: Rise in net migration from outside EU. <https://www.bbc.com/news/uk-47400679>. 05.06.2019.

164 Rizzo A. Net migration falls as EU citizens leave UK. <https://news.sky.com/story/net-migration-down-81-000-to-246-000-in-year-to-march-2017-11002821>. 25.10.2019.

165 Goodfellow M. 'A dizzying maze: How the UK immigration system is geared to reject. <https://www.theguardian.com/uk-news/2019/nov/01/dizzying-maze-uk-immigration-system-hostile-environment>. 01.12.2020.

166 McGuinness A. 'Poisonous' EU vote has fuelled demonisation of immigrants, MPs claim. <https://news.sky.com/story/poisonous-eu-vote-has-fuelled-demonisation-of-immigrants-mps-claim-11003601>. 16.05.2018.

167 O'Carroll L. Campaigners attack Boris Johnson for EU nationals remarks. <https://www.theguardian.com/world/2019/dec/09/campaigners-attack-boris-johnson-for-eu-nationals-remarks>. 15.09.2019.

168 Shabi R. How immigration became Britain's most toxic political issue. <https://www.theguardian.com/politics/2019/nov/15/how-immigration-became-britains-most-toxic-political-issue>. 18.12.2019.

169 Asthana A. Theresa May faces calls to implement regional immigration policy. <https://www.theguardian.com/uk-news/2017/jan/05/theresa-may-faces-calls-to-implement-regional-immigration-policy>. 05.02.2018.

170 Booth R. Four in 10 think British culture is undermined by multiculturalism. <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/sep/17/four-in-10-people-think-multiculturalism-undermines-british-culture-immigration>. 25.10.2018.

171 Bulman M. Boris Johnson faces backlash and claims of racism after saying migrants should not 'treat UK as their own'. <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/boris-johnson-eu-migrants-immigration-britain-general-election-a9238941.html>. 15.01.2020.

172 Coughlan S. Overseas students should 'stay in migration target'. <https://www.bbc.com/news/education-45483366>. 17.10.2018.

173 Ibrahim Z. Watch out, Boris Johnson: students are angry and we're ready to vote against you. <https://www.theguardian.com/education/2019/dec/05/watch-out-boris-johnson-students-are-angry-and-were-ready-to-vote-against-you>. 16.01.2020.

174 Boris Johnson insults the 3.6m EU citizens who have made the UK their home. <https://www.theguardian.com/politics/2019/dec/09/boris-johnson-insults-the-36m-eu-citizens-who-have-made-the-uk-their-home>. 20.01.2020.

175 Peter L. The immigration debate is complex and emotive. We must reframe it honestly. <https://www.theguardian.com/australia-news/commentisfree/2018/apr/24/the-immigration-debate-is-complex-and-emotive-we-must-reframe-it-honestly>. 17.05.2019.

176 Mehta S. Immigration panic: how the west fell for manufactured rage. <https://www.theguardian.com/uk-news/2019/aug/27/immigration-panic-how-the-west-fell-for-manufactured-rage>. 28.10.2019.

177 Duncan C. BBC criticised for promoting Question Time audience member's 'vile, unhinged' anti-immigration rant. <https://www.independent.co.uk/news/media/tv-radio/bbc-question-time-racist-video-immigration-ash-sarkar-twitter-a9349316.html>. 05.06.2020.

178 Brexit: Backlash over May's EU nationals 'queue jumping' vow <https://www.bbc.com/news/uk-politics-46274118>. 15. 12.2019.

179 Durantez M. G. Cameron's arrogance hurt the country, but May's insults cut deep. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/29/theresa-may-added-insult-to-injury-brexite>. 30.12.2018

180 Chakraborty A. Immigration has been good for Britain. It's time to bust the myths. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/may/17/immigration-good-for-britain-bust-myths-austerity>.16.08.2018.

181 Greenslade R. Migrants are off the agenda for the UK press, but the damage is done. <https://www.theguardian.com/media/2020/jan/26/migrants-are-off-the-agenda-for-the-uk-press-but-the-damage-is-done>. 25.02.2020.

182 The Observer view on the government's immigration plans. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/feb/23/observer-view-on-immigration>. 27.02.2020.

183 Quinn B. Sleepless, anxious, depressed: EU citizens in the shadow of Brexit. <https://www.theguardian.com/politics/2017/jun/24/eu-citizens-shadow-brexite-sleepless-anxious-depressed>. 17.11.2017.

184 Meade A. Andrew Bolt's 'tidal wave of immigrants' article prompts press council complaint. <https://www.theguardian.com/media/2018/aug/02/andrew-bolts-tidal-wave-of-immigrants-article-prompts-press-council-complaint>. 15.08.2018.

185 Trilling D. Don't be fooled by the myth of a 'migrant invasion'. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/aug/11/myth-migrant-invasion-government-asylum-seekers-britain>. 17.09.2020.

186 Forget the brightest and the best immigrants we need to consider them all if we want any chance of thriving. <https://www.independent.co.uk/voices/letters/general-election-brightest-best-immigration-conservatives-berlin-wall-a9196666.html>. 16.02.2020.

187 The Guardian view on migration: evidence trumps prejudice. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/aug/24/the-guardian-view-on-migration-evidence-trumps-prejudice>. 30.11.2017.

188 Grierson J., Duncan P. Britons most positive in Europe on benefits of immigration. <https://www.theguardian.com/world/2019/may/02/britons-more-sold-on-immigration-benefits-than-other-europeans>. 07.08.2019.

189 Grierson J. Net migration to UK drops to lowest level for three years. <https://www.theguardian.com/world/2017/aug/24/net-migration-to-uk-drops-to-lowest-level-for-three-years>. 30.09.2018.

190 Portes J. Tragedy is inevitable if we fear migration rather than celebrate its benefits. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/jun/30/tragedy-is-inevitable-if-we-fear-migration-rather-than-celebrate-its-benefits>. 15.08.2019.

191 Carter R. We've just completed the largest ever survey into British attitudes to immigration – and this is what we found. <https://www.independent.co.uk/voices/uk-immigration-british-people-racism-xenophobia-multiculturalism-a8540951.html>. 16.02.2019.

192 Walker P. Immigration regime after Brexit 'risks new Windrush scandal'. <https://www.theguardian.com/politics/2019/feb/11/immigration-regime-after-brexit-risks-new-windrush-scandal>. 15.12.2019.

193 Elgot J., Grierson J. May says EU immigrants will lose priority status after Brexit. <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/oct/02/eu-citizens-lose-priority-under-post-brexit-immigration-plans>.05.12.2018.

194 <https://en.wiktionary.org/wiki/welfare>. 23.12.2019.

195 <https://www.etymonline.com/word/welfare>. 25.12.2019.

196 Williams, R. Keywords: A Vocabulary of Culture and Society. – Glasgow: Fontana. –1976.

197 <https://en.wikipedia.org/wiki/Welfare>. 02.03.2020.

198 Merriam Webster <https://www.merriam-webster.com/dictionary/welfare> 05.03.2020.

199 Collins English. <https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english/welfare>. 16.02.2020.

200 Cambridge Business English Dictionary <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/welfare>. 17.02.2020.

201 Sutherland J. How language is literally losing its meaning <https://www.theguardian.com/science/shortcuts/2013/aug/14/language-literally-losing-its-meaning>. 25.03.2018.

202 Renwick C. Why we need the welfare state more than ever. <https://www.theguardian.com/news/2017/sep/21/why-we-need-the-welfare-state-more-than-ever>. 13.01.2019.

203 Toynbee P. Once our society cared about poor people. Now we damn them. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/dec/05/poor-report-75-years-william-beveridge-britain-inequality-tories>. 17.03.2019.

204 Butler P. Welfare spending for UK's poorest shrinks by £37bn. <https://www.theguardian.com/politics/2018/sep/23/welfare-spending-uk-poorest-austerity-frank-field>. 15.02.2020.

205 Welfare system fails to protect vulnerable people. <https://www.theguardian.com/society/2020/feb/10/welfare-system-fails-to-protect-vulnerable-people>. 15.02.2020.

206 Ryan F. Disabled people are going hungry. Tears are not enough. <https://www.theguardian.com/society/2019/jan/29/disabled-people-hungry-thatcher-social-fabric>.10.02.2020.

207 Ryan F. Britain's brutal benefits system is driving people to despair. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/04/britain-benefit-system-generating-mental-distress-errol-graham>. 10.03.2020.

208 The welfare system is failing those with mental health problems. <https://www.independent.co.uk/news/health/welfare-system-claimants-mental-health-b1720515.html>. 18.11.2020.

209 Chakraborty A. Our benefits system has become a racket for cheating poor people. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/02/benefits-system-racket-cheating-poor-disabled-woman>. 13.03.2020.

210 Pidd H. Hunger in Wirral: the truth behind the tale that made a Tory MP cry. <https://www.theguardian.com/society/2017/dec/18/hunger-in-wirral-truth-tale-tory-mp-cry-frank-field-heidi-allen>. 10.11.2019.

211 Butler P. Duncan P. People with 'nowhere else to turn' fuel rise in food bank use – study. <https://www.theguardian.com/society/2018/apr/24/food-bank-use-trussell-trust-universal-credit-figures> 30.04.2019.

212 Butler P. Universal credit wait fuels poverty and food bank use, says research. <https://www.theguardian.com/society/2019/sep/19/universal-credit-wait-fuels-poverty-and-food-bank-use-says-research>. 05/03/2020.

213 Dawn F. I know what it's like to spend school holidays hungry. So do today's kids. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jul/27/children-school-holidays-hungry-food-banks>. 10.11.2019.

214 Ryan F. The Tories must now bear the brunt of their own austerity policies. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/jun/12/tories-brunt-austerity-policies>. 15.11.2019.

215 Butler P. Welfare failures and cuts fuelling extreme poverty, MPs say. <https://www.theguardian.com/society/2019/jul/11/welfare-failures-and-cuts-fuelling-extreme-poverty-mps-say>. 14.02.2020.

216 Savage M. Welfare shake-up 'will double number of children in poverty'. <https://www.theguardian.com/politics/2019/may/12/welfare-children-poverty-low-income-families>. 17.04.2020.

217 Stuart H. Philip Hammond urged to use budget to help low-income families. <https://www.theguardian.com/society/2017/aug/21/philip-hammond-urged-to-use-budget-to-help-low-income-families>. 03.04.2020.

218 Солганик Г.Я. Стилистика текста. - 9-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 253 с.

219 Iskakova N.S., Islam A. Evaluation Strategies and Tactics of Immigration Issues in Social Media Discourse. // Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities. – Vol. 12.– No. 6. – 2020. – p.1-10.

220 Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи/ О.С. Иссерс. – М.: URSS / УРСС; ЛКИ, 2008. – 288 с.

- 221 Баранов А.Н., Паршин П.Б. К построению словаря терминов когнитивной науки // Когнитивные исследования за рубежом: методы искусственного интеллекта. – М., 1990. – С. 139-149.
- 222 Ключев Е.В. Речевая коммуникация: учебное пособие для университетов и институтов. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2002. – 320 с.
- 223 Матвеева Г.Г., Ленец, А.В, Петрова, Е.И. Основы прагмалингвистики. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2014. – 230 с.
- 224 Макаров М.Л. Основы теории дискурса. – М.: Гнозис, 2003. – 280 с.
- 225 Янко Т.Е. Коммуникативные стратегии и коммуникативные структуры: дисс.... доктора филол. наук. – Москва, 1999. – 338 с.
- 226 Труфанова И.В. О разграничении понятий: речевой акт, речевой жанр, речевая стратегия, речевая тактика. – М.: Филологические науки, 2001. – 174 с.
- 227 Борисова И.Н. Дискурсивные стратегии в разговорном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург: Урал. гос. ун-т, 1996. – С. 21-48.
- 228 Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе: монография. – Екатеринбург: Знание, 2004. – 294 с.
- 229 Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. док. фил. наук. / Е.И. Шейгал. – Волгоград: ВГПУ, 2000. – 440 с
- 230 Бардина, Н.Е. Аксиологические стратегии аргументативного дискурса современного английского языка (на материалах политической риторики и социально-бытового общения): дис...на соискание канд. филол. наук: 10.02.04 / Бардина Надежда Евгеньевна. – Иркутск, 2004. – 180 с.
- 231 Черницына, Т.В. Особенности использования коммуникативных стратегий и тактик порицания в художественном тексте (на материале рассказов В.М. Шукшина) / Т.В. Черницына // Изв. ВГПУ. – 2013. Серия Филол. науки. 1 (76). – С. 63-66.
- 232 Герасимова А.С. Коммуникативная стратегия оценивания и ее тактики в телешоу (на примере вокального телепроекта «Голос»): дис. ...на соискание канд. филол. наук: 10.02.01. – Омск, 2016. – 239 с.
- 233 Арнольд И.В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. 2-е изд. – М.: Книжный дом «Либроком», 2010. – 448 с.
- 234 Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
- 235 Сороко А.В. К вопросу о коммуникативной стратегии и речевом акте одобрения. Известия Южного федерального университета. – Ростов-на Дону, 2013. – С.60-70.
- 236 The gap remains wide on the impact of immigration. <https://www.theguardian.com/uk-news/2018/may/20/the-gap-remains-wide-on-the-impact-of-immigration>. 17.02.2020.
- 237 Wright S. B. R. Stewart A. and Gawlewicz A. The welfare system is failing those with mental health problems. <https://www.independent.co.uk/news/health/welfare-system-claimants-mental-health-b1720515.html>. 25.11.2020.

238 Staton B. Majority of Britons do not trust government on immigration. <https://news.sky.com/story/majority-of-britons-do-not-trust-government-on-immigration-11500576>. 17.11.2019.

239 The Guardian view on migration: evidence trumps prejudice. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/aug/24/the-guardian-view-on-migration-evidence-trumps-prejudice>. 13.11.2018.

240 Verity A. longer life means a longer wait for your pension. <https://www.bbc.com/news/business-40655737>. 15.05.2019.

241 Rahman M. Everything you thought you knew about UK immigration is wrong. <https://www.independent.co.uk/voices/immigration-bill-home-office-priti-patel-asylum-trafficking-a9358296.html>. 16.07.2020.

242 Butler P. Britons' support for welfare benefits at highest level for 20 years – study. <https://www.theguardian.com/society/2020/oct/29/britons-support-for-welfare-benefits-at-highest-level-for-20-years-study>. 25.12.2020.

243 Hill A. A world without retirement. <https://www.theguardian.com/membership/2017/mar/29/a-world-without-retirement>. 16.05.2020.

244 The Guardian view on the immigration white paper: still a hostile environment. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/dec/19/the-guardian-view-on-the-immigration-white-paper-still-a-hostile-environment>. 17.11.2019.

245 Abbot D. The Tories' Trump-style immigration policy is already horrific – now the devastation will be unprecedented. <https://www.independent.co.uk/voices/general-election-immigration-policy-trump-nhs-boris-johnson-a9208766.html>. 12.02.2020.

246 Armstrong S. Want, disease, ignorance, squalor and idleness: are Beveridge's five evils back? <https://www.theguardian.com/society/2017/oct/10/beveridge-five-evils-welfare-state>. 14.02.2019.

247 Butler P., Asthana A. Welfare shakeup 'will push a quarter of a million children into poverty'. <https://www.theguardian.com/politics/2017/apr/02/welfare-shakeup-will-push-a-quarter-of-a-million-children-into-poverty>. 15.03.2019.

248 Chu B. Theresa May's welfare cuts will drive another million children into poverty, Institute for Fiscal Studies forecasts. <https://www.independent.co.uk/news/business/news/theresa-may-welfare-cuts-million-children-poverty-institute-fiscal-studies-uk-government-a7606236.html>. 15.11.2018.

249 Grierson J., Sabbagh D. Boris Johnson accused of scapegoating migrants over Channel comments. <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/aug/10/boris-johnson-hints-at-law-change-to-deport-migrants-who-cross-channel>. 15.11.2020.

250 Chan G. Welfare groups calling for Newstart increase 'lack imagination', says minister. <https://www.theguardian.com/australia-news/2016/sep/25/welfare-groups-calling-for-newstart-increase-lack-imagination-says-minister>. 11.09.2018.

251 Chakraborty A. A basic income for everyone? Yes, Finland shows it really can work. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/oct/31/finland-universal-basic-income>. 16.03.2019.

252 Sparrow A., Phipps C., Quinn B. Brexit: UK 'needs some time' Cameron says in Brussels – as it happened. <https://www.theguardian.com/politics/live/2016/jun/28/brexit-live-cameron-eu-leaders-brussels-corbyn-confidence?page=with:block-57722f17e4b0be24d34f6a98>. 14.07.2020.

253 Chakraborty A. After a campaign scarred by bigotry, it's become OK to be racist in Britain. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/28/campaign-bigotry-racist-britain-leave-brexit>. 17.07.2020.

254 Malik K. Boris Johnson is a picture of ignorance on immigration. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/may/31/boris-johnson-is-a-picture-of-ignorance-on-immigration>. 19.08.2020.

255 The Guardian view on welfare shambles: ministers must be accountable. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/oct/18/the-guardian-view-on-welfare-shambles-ministers-must-be-accountable>. 05.08.2020.

256 Welfare reforms forcing more children into poverty says watchdog. <https://news.sky.com/story/welfare-reforms-forcing-more-children-into-poverty-says-watchdog-11289109>. 14.05.2019.

257 Ощепкова Н.А. Стратегии и тактики в аргументативном дискурсе: прагматический анализ убедительности рассуждения: автореф. дис... канд. филол. наук. – Калуга, 2004. – 18 с.

258 Bulman M. Thousands of vulnerable disabled people face benefit cuts during pandemic. <https://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/disability-cuts-coronavirus-universal-credit-benefits-sdp-b993349.html>. 15.11.2020.

259 Partington R. UK government warned over sharp rise in child and pensioner poverty. <https://www.theguardian.com/society/2017/dec/04/uk-government-warned-over-sharp-rise-children-pensioner-poverty-study>. 18.03.2020.

260 Hill A. Migrant children face hunger over free school meal restrictions. <https://www.theguardian.com/uk-news/2020/aug/14/migrant-children-face-hunger-over-free-school-meal-restrictions>. 10.10.2020.

261 Butler P. Welfare changes drive rising poverty and food bank use, study finds. <https://www.theguardian.com/society/2019/nov/05/welfare-changes-key-factor-rising-poverty-food-bank-use-study-finds>. 17.04.2020.

262 Jayanetti C. Will the new immigration system detoxify the issue? It depends on the media. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2020/mar/05/immigration-system-media-coverage-referendum-reporting>. 04.08.2020.

263 Stone J. DWP must review welfare conditionality, policy unit set up by Downing Street says. <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/dwp-welfare-benefits-conditionality-work-coaches-downing-street-a7370376.html>. 09.06.2020.

264 Jones O. It's a cruel deceit to blame all our problems on immigration. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2016/jun/09/cruel-deceit-problems-immigration-brexiteers-truth>. 14.06.2020.

265 Greenslade R. The Sun's Brexit call is unsurprising but it has a symbolic significance. <https://www.theguardian.com/media/greenslade/2016/jun/14/the-suns-brexit-call-is-unsurprising-but-it-has-symbolic-significance>. 17.06.2020.

266 Ryan F. Theresa May cares more about blue passports than children in poverty. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/apr/03/theresa-may-blue-passports-children-poverty-cuts-uk>. 02.08.2020.

267 Ryan F. Work until 75? Many people won't even live that long <https://www.theguardian.com/commentisfree/2019/aug/22/work-75-iain-duncan-smith-pensions-life-expectancy>. 13.06.2020.

268 Migrants 'More Likely To Be In Work Than Brits'. <https://news.sky.com/story/migrants-more-likely-to-be-in-work-than-brits-10217461>

269 Yergaliev, S.Z., Melnik, N.V., Zhumabekova, B.K., Yergaliev, K.S., Omarov, N.R. Personal linguistic parametrization of text generation of the internet comments. // In: X^Linguae Journal. – Vol. 11.– N. 3. – 2018. – p. 2-15.

270 Ziegele M., Breiner T., Quiring O. What Creates Interactivity In Online News Discussions? An Explanatory Analysis of Discussion Factors in User Comments on News Items. In: Journal of Communication. – 2014. – N 64, – P 1111-1138.

271 Weber, P. Discussions in the comments section: Factors influencing participation and interactivity in online newspapers' reader comments. // In: New Media & Society. – vol.16.– Issue 6. – 2014. – P. 941-957.

272 Тишков А.А. Современный читатель новостного интернет-ресурса // Известия Саратовского университета. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика. – 2013.– Т. 13. – Вып. 4. – С. 105-108.

273 Арнольд, И.В. Стилистика декодирования. Л.ЛГПИ. – 1974.

274 Брагинская, Н. В. Комментарий как механизм инноваций в традиционной культуре и не только / Н. В. Брагинская // Культура интерпретации до нового времени / отв. ред.: Ю. В. Иванова, А. М. Руткевич. — М. : Издат. дом Гос. ун-та – Высш. шк. экономики, 2009. – С. 19–67.

274 Ионова, С. В. Аппроксимация содержания вторичных текстов: монография / С. В. Ионова. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2006. – 320 с.

275 Diakopoulos, N. A., & Naaman, M. Towards quality discourse in online news comments. – New York, NY:2011. – p. 133-142. ACM. <http://www.nickdiakopoulos.com/wp-content/uploads/2007/05/pr220-diakopoulos.pdf>. 12.05.2020.

276 Walther, J. B., & Jang, J.-w. Communication processes in participatory websites // Journal of Computer-Mediated Communication. – 2012. 18. – p. 2-15.

277 EU net migration to the UK falls to lowest level since 2003. <https://www.bbc.com/news/uk-50586338>. 25.11.2020.

278 Greenslade R. Newspapers publish anti-immigration stories – but what is to be done? <https://www.theguardian.com/media/greenslade/2016/sep/05/newspapers-publish-anti-immigration-stories-but-what-is-to-be-done>. 17.08.2020.

279 Sparrow A. Theresa May plays down idea of extending Brexit transition after fierce Tory backlash – as it happened. <https://www.theguardian.com/politics/blog/live/2018/oct/18/brexit-may-faces-angry->

[backlash-from-mps-over-proposals-for-transition-and-meaningful-vote-politics-live?filterKeyEvents=false&page=with:block-5bc8a8f7e4b002841cd8e3d9#block-5bc8a8f7e4b002841cd8e3d9](https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/oct/31/time-bring-welfare-state-back-to-life-language-social-security). 25.06.2020.

280 Timmins N. The 'welfare state' should be something we're proud of. Not a term of abuse. <https://www.theguardian.com/commentisfree/2017/oct/31/time-bring-welfare-state-back-to-life-language-social-security>. 15.08.2020.